

КАРТА

ИМПЕРАТРИЦЫ

ДМИТРИЙ
Вересов

Елена
БАСМАНОВА

**Дмитрий Вересов, Елена
Басманова**

Карта императрицы

Глава 1

Он казался самому себе Клавдием в Эльсиноре — дерзнувшим ради власти, ради беспредельного могущества, пойти на преступление. И что с того, что в достижении желанной цели главную роль играет не коронованная особа, а невзрачная бедная девушка, с покрасневшими от бесконечной работы глазами? Только добравшись до нее, только уверив ее в тайной страсти, овладевшей им, только ответив на ее тайный замысел своим тайным замыслом, он мог сказать себе: «Да, я сделал все, что мог, для того, чтобы властвовать над моим миром».

Так бывает всегда! Когда перед человеком деятельным, безгранично талантливым, обладающим недюжинным умом встает грандиозная задача, обязательно находится на пути ее решения что-то мелкое, как соринка в глазу, и — увы! — грозящее свести на нет все титанические усилия, предпринятые во имя великого дела. Непредвиденные препятствия, мелкие трудности и преграды — справиться с ними вполне можно либо с помощью хитрости, либо связей, угроз, денег... Необязательно обагрять руки кровью... Но иногда выбора нет! А все потому, что эта бледная курица, эта провинциальная златошвейка оказалась чересчур любопытной...

О времена, о нравы! Петр Первый подарил Екатерингофский дворец, заложенный в память его морских побед, своей супруге Екатерине; во времена Елизаветы Петровны летняя резиденция приобрела первобытную пышность; полтора века чванливая русская аристократия кичливо демонстрировала свои богатство и великолепие в чудесном парке, на гуляньях избранных... Да они бы все в гробу перевернулись, узнав, что былая роскошь сменилась запустением, и их столь дорогие сердцу и тщеславию дорожки да полянки в конце девятнадцатого века возлюбил питерский фабричный мужичок. Много ли мужичку нужно? Травка-муравка, чтоб полежать брюхом вверх на палящей солнечной угреве, да «заведение» с вольным отпуском сиволдая и пивка, да красотки подоступней... Наверняка эта унылая Офелия выискивала в Екатерингофском саду себе принца, мечтала каким-то чудом свое счастье составить. Ну гуляла бы, зыркала бы глазками, перемигивалась со смазливymi парнями... Но зачем она потащилась во дворец?...

Он остановился на лестничной площадке и прислушался. В доме

царила полнейшая тишина. Из-за плотно запертых дверей и оконных рам не доносилось ни звука — по счастью, глупая мастерица устроилась в домишке, который находится чуть в стороне от оживленных магистралей: ни тебе неожиданных экипажей здесь не бывает, ни случайные прохожие сюда не забредут... Да к тому же ныне все от мала до велика, и богатые и нищие, слушают церковное пение в храмах, поклоны кладут, лбы истово крестят... Лучшего времени для его замысла не сыскать. Но все равно надо поторопиться — он рассчитывал, что дело займет две-три минуты.

Он несколько не боялся, что его застигнут ненужные свидетели, в случае неблагоприятного развития событий он всегда может найти пристойное объяснение своего появления в квартирке мастерицы. Его здесь знают — и дворник, и госпожа Бендеревская, пышнотелая похотливая домовладелица... Хитрая полячка завлекала его, бесстыдно пялясь и хихикая, жеманничая и отпускавая игривые шуточки... Пришлось ему прикинуться, что он пылает ответной страстью. Артистизма ему не занимать. Она же свела его с чахлой, но много мнящей о себе вышивальщицей... И зачем он только подарил дурехе-вышивальщице кретоновое покрывало? После подарка Матильда обиделась, не могла скрыть ревности к своей жиличке, стала фыркать на него. Но где бы он еще смог найти такого ценного для него работника, как Аглаша? Беглая усмешка тронула его губы — возомнили, твари беспородные, что и они Человеки с большой буквы, что и они звучат гордо!

Он оглянулся на приоткрытую дверь только что покинутой им квартиры, помещавшейся в мансарде. Казалось, ему в спину кто-то смотрит, и взгляд этот тяжел и грозен... Но нет, в проеме двери виднелась лишь часть загроможденной одеждой прихожей. Тусклая электрическая лампочка была заключена в плафон, искусно изготовленный из пузатой, давно лишенной дна бутылки.

Даже сюда, на лестничную площадку, долетал запах праздничной снеди, укропный и смородиновый дух солений, уксусный аромат селедочки, посыпанной луком, сладкий запах ванили... «Пир во время чумы, — подумал он, прислушиваясь к зловещему безмолвию. — Излишняя осведомленность девушкам вредит. Однако их болтливость часто спасает положение. Как вовремя глупая курица дала понять, что видела эту вещь раньше».

Он торопливо, но осторожно спускался по едва освещенной газовым фонарем лестнице, нащупывая ногами каждую стертую каменную ступеньку: он очень боялся поскользнуться. Хоть и стоит домишко в центре стольного града Питера, а уж больно ветхий, наверняка скоро

снесут, построят какого-нибудь шестиэтажного красавца с безобразными эркерами из стекла и железа... Он ступал бесшумно, стараясь не касаться плечом несвежей стены и ревниво следя за тем, чтобы края его одежды не задели выщербленной деревянной поверхности перил, — он знал, что любая ниточка, любое пятнышко может стать для ищеек той самой уликой, которая способна привести к раскрытию преступления. Да, он отдавал себе полный отчет в том, что ему предстоит совершить банальное уголовное деяние. Такого рода прискорбный факт вызывал в душе его брезгливость — он привык осознавать себя человеком утонченным, чистоплотным. Он часто менял перчатки — и это помогало ощущать себя защищенным от жизненной грязи.

Правая рука его, опущенная в карман, как будто слилась с плоским и острым предметом — очень кстати он оказался на кухне. На всякий случай, не доверяя его прочности, он прихватил с собой и гипсовый слепок женской ножки, красовавшийся на столешнице буфета: пухлая ножка, моделью для которой послужили щиколотка и ступня Матильды Бендеревской, была достаточно увесистой для того, чтобы нанести ею удар по голове, лучше, конечно, попасть в самый висок...

Он остановился перед запертой деревянной дверцей, ведущей в жалкую конуру, нелепый закуток, гордо именуемый квартирой и возникший при последней перепланировке старинного дома. Его дыхание было ровным. Он постарался придать своему лицу беззаботно-игривое выражение... Аглая сразу же должна понять по его виду и по соблазнительной скульптурной ножке, оттягивающей его левую руку, что он не случайно обещал ей заглянуть ночью, после отбытия пасхальной повинности... Должна поверить, что он соблазнился ее блеклой простонародной красотой и готов расплатиться с ней не только деньгами, но и желанной мужской лаской. Он глубоко вдохнул, на миг вынул правую руку из кармана и поправил галстук, специально надетый для этого случая. Дуреха хвасталась, что на гулянье какой-то усатый приказчик, обративший на нее внимание, красовался в подобном галстуке... Тьфу, что за дурной тон! И галантный приказчик, как говорила эта девица-перестарок, стал человеком после того, как выучили его в приюте Императрицы Марии Федоровны! Стараются царица-мать, благодетельница рода человеческого, отмаливает свой страшный грех! Но и ей от возмездия не уйти.

Интересно, зачем Аглая шантажировала его Мегалионом? Корыстный расчет? Надеялась, что он ей даст денег за ее откровения? Хотела завоевать его доверие? Он ведь и так обещал заплатить ей за работу кругленькую сумму. Разве в своем Торжке она может заработать столько? Подрядчики

платят мастерицам гроши, вот и бегут они из своего захолустья в столицу, чтобы на приданое накопить... Надеются, что по случаю 200-летия Санкт-Петербурга богачи себе нарядов понашьют со златоткаными вышивками.

Он чувствовал, что готов действовать. Вынул из внутреннего кармана часы — подумать только, всего лишь две минуты назад он покинул кухню в мансарде!

А выйти замуж она явно мечтает. Наверняка встретит его принаряженной... Недаром хвасталась: шерстяное платье купила, новенькие прюнелевые ботиночки приготовила. Надоело ходить в кофте на ватине, мечтает о плюшевом саке со стеклярусными аграмантами. Уж не думала ли она, что он расщедрится на очередную тряпку? Достаточно и вишневого покрывала, что она у него выпросила...

Он поскребся в хорошо знакомую дверцу на втором этаже, и милая сероглазая девушка в синем шерстяном платье с белыми бумазейными воротничком и манжетами, украшенными обильной вышивкой, встретила его без удивления. Он интуитивно старался встать так, чтобы не выглядеть слишком массивным, слишком крупным по сравнению с ее тщедушным тельцем, чтоб не вспугнуть ненароком, не навести на ненужные подозрения...

В тот миг, когда можно еще было принять другое решение, еще стоя в прихожей, он внезапно поймал себя на мысли, что не мешало бы облить эту конуру керосином и поджечь. Спички были у него в кармане, а керосин в квартире златошвейки наверняка есть. Конечно, неплохо было бы уничтожить все следы: полиция с радостью ухватится за версию о небрежном обращении с огнем, спишет на самопроизвольное возгорание... Но на поиски керосина уйдет драгоценное время, а у него каждая минута на вес золота. Ладно, он найдет способ пустить ищеек по ложному следу и не поджигая квартиру... Даже если потребуются потом спалить весь Петербург, даже если потребуются отвага и натиск, присущие самому Александру Македонскому...

Скользнув взглядом по принесенному им ранее саквоюжу, который покоился здесь, на скромном обшарпанном стуле, он прошел в тщательно убранную к великому празднику светелку. Куда-то исчезли шелковые, бархатные, суконные ткани, холсты, обычно заполнявшие комнатку. Придвинутый к окну стол был освобожден от привычных вещей: пяльцы, маленькие ножницы, тоненькие шильца, иголки, катушки с шелками и золотыми нитями, мишурой и канителью переместились на убогую этажерку, а на белой скатерти красовались кулич и крашеные яйца. Вообще в квартире вкусно пахло едой, он знал, что хозяйка отменно готовит.

Девушка, на худенькие плечики которой была накинута цветистая красная шаль, стояла у стола с блуждающей улыбкой, ждала поздравлений, что ли?

Он улыбнулся и подмигнул ей, ставя гипсовую ножку на стол. Освободившаяся рука его устремилась к карману... Да, на это он и рассчитывал. Аглая поняла, что он, как человек дела, прежде всего желает расплатиться за выполненную работу, а потом уж...

Она поспешно направилась к алькову, отодвинула ситцевый полог в букетах красных роз с изумрудно-зелеными листьями на черном фоне, взяла тугой сверток с постели, накрытой вишневым покрывалом, повернулась и шагнула к нему навстречу.

Она избегала прямо смотреть ему в глаза, и это помогло ему исполнить свой план, — сделав шаг вперед, он резко вытащил правую руку из кармана, энергично взмахнул ею и с силой обрушил на висок ничего не подозревающей девушки острое, похожее на кухонную сечку орудие.

От одного-единственного удара она рухнула на пол, не издав ни вздоха, ни стога. Тщательно причесанная головка недвижно застыла на цветистой шали: обильная кровь сочилась на шерстяную материю, и красная ткань, яркие цветы и листья на глазах становились бурыми...

Ему не надо было проверять, жива ли она, он точно знал, что эта девица уже никогда никому ничего не скажет. Увы, у него не оставалось другого выхода, как только убить ее. Любопытство девушкам вредит.

Он бросил уже ненужное ему орудие убийства, поднял с полу выпавший из безжизненных рук объемный сверток. Тесноватые замшевые перчатки, плотно обтягивающие его руки, не мешали ему. В прихожей он спрятал свое сокровище в саквояж. У него хватило хладнокровия приоткрыть дверь и прислушаться — нет ли на тускло освещенной лестнице ненужных свидетелей? Послушав разлитую в воздухе тишину, он метнулся в комнату, схватил гипсовый слепок Матильдиной ступни и, бросив его в зев саквояжа, защелкнул замок.

Он должен был торопиться. Похоже, блестяще разработанный план на этот раз не дал сбой. Он огладил на ладонях замшевые перчатки, купленные недавно в Риме. Теперь оставалось придать лицу безмятежное выражение и пройти несколько десятков шагов, чтобы поздравить себя с полным триумфом.

Он кинул взгляд на тусклую поверхность убогого зеркала, убедился, что выглядит вполне достойно и респектабельно, — и только тогда покинул безмолвную мещанскую квартирку, унося с собой свою добычу и не забыв плотно прикрыть дверь.

Глава 2

Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Многоголосый ликующий хор заполнял ясную апрельскую ночь 1903 года, раскинувшую звездный купол над Санкт-Петербургом. Вдохновенное пение с клироса и тысячеустый хор паствы — музыка воспаривших, очищенных от греха человеческих душ — звучали обещанием новой жизни, нового счастья, нового мира...

Перед глазами Муры Муромцевой, восемнадцатилетней дочери петербургского профессора химии, все еще стояла слепящая картина внутреннего убранства только что покинутого Исаакиевского собора: уходящие ввысь, одетые в малахит и лазурит, порфир и разноцветный мрамор стены и колонны, на которых играли отблески многотысячных огней от лампад и свечей; нестерпимое сияние бронзы и позолоты; причудливые блики света, выхватывающие фрагменты мозаик, росписей, скульптур. И исполинской величины фигуры ангелов, пророков и патриархов, сурово взирающие с купола, с сорокасаженной высоты на просветленные, трепетные лица православных.

Вместе с нарядной толпой верующих, надышавшихся сладостным духом ладана и горящих свеч, ощущая рядом с собой сосредоточенно-торжественных спутников — старшую сестру Брунгильду и доктора Клима Кирилловича Коровкина, а также не теряя из виду следовавшего чуть поодаль мистера Чарльза Стрейсноу, Мура выбралась через массивные двери и теперь медленно обходила храм.

Как она любила эти минуты! Три пушечных выстрела с Петропавловской крепости в течение часа... Последний из них, двенадцатичасовой, сразу же подхватывался звучным ударом громаднейшего колокола Исаакиевского собора, и ему начинали вторить колокола церквей. Столица моментально освещалась огнями торжественной иллюминации, и тут же зажигались мириады восковых свечей у храмов, газовые щиты — по улицам и электрические фонари на высоких столбах Невского, Большой Морской. Вспыхивали факелы в руках гигантских ангелов Исаакия, высящихся на крыше.

Вместе с отступающей зимой уходили из мира и из сердца пасмурная тишина будней, тягостные размышления и сожаления... Крестный ход соединял в своих рядах бедного и богатого, юного и дряхлого, мудрого и

неопытного — на широких ступенях собора каждый глубоко вдыхал полной грудью влажный апрельский воздух и думал, что вот теперь-то все будет по-другому, чувство всеобщего раскаяния откроет дорогу братской любви и пониманию... Смертью смерть поправ... Воистину Воскресе!

Крестный ход тянулся вдоль собора, но возглавлявшее его, сверкающее светлыми ризами высшее духовенство, окруженное церковным причтом, держащим в руках хоругви, дикирии и трикирии, остановилось у запертых ворот храма и обернулось к собравшейся на улице толпе — не все смогли попасть в храм вечером, но услышать слово пастыря в эту волнующую минуту желал каждый.

— Христос Воскресе! — торжественно возвестил уже полуохрипшим голосом согнувшийся под тяжестью серебряных одежд настоятель храма.

— Воистину Воскресе! — грянул в гудящем от колокольного звона воздухе нестройный, радостный ответ паствы.

Мария Николаевна Муромцева перекрестилась и, склонив голову, глянула искоса на сестру. В белых кружевах вокруг золотистых волос, в белом шерстяном платье и светлой пелерине Брунгильда, преображенная внутренним волнением, была сейчас особенно хороша. Ее глаза загадочно мерцали в отблесках свечи, которую она держала, ограждая потрескивающее пламя ладонью, обтянутой лайковой перчаткой.

— Христос Воскресе! — повторил пастырь.

— Воистину Воскресе! — откликнулась толпа, вскинувшая троеперстие ко лбам, и замерла в ожидании благой вести.

— Мура, — обеспокоенный голос наклонившейся старшей сестры вывел девушку из благодного состояния, — ты не видишь мистера Стрейсноу?

Мура, услышав в третий раз вздох окружающей ее толпы, автоматически прошептала «Воистину Воскресе», поспешно перекрестилась и привстала на цыпочки, стараясь разглядеть в многолюдье долговязую фигуру английского гостя. Площадь была ярко освещена вспыхнувшими после полуночи огнями фонарей, свечами в руках прихожан, но сэра Чарльза нигде не было видно.

— Клим Кириллович, — она обратила встревоженный взор за спину сестры, — вы не видели, куда направился сэр Чарльз?

Клим Кириллович Коровкин с досадой мотнул головой.

— А вдруг его задавили в толпе? Вдруг ему стало плохо? — быстро зашептала Мура давнему и надежному другу муромцевского семейства.

— Англичане народ дисциплинированный, рассудительный, закаленный, — ответил доктор Коровкин, взглянув на округлое личико с

широко распахнутыми синими глазами, и тоже стал внимательно осматривать толпу. — Думаю, мистер Стрейсноу не потеряется. Не удивлюсь, если он сидит на дереве — оттуда удобно фотографировать крестный ход.

— Я предупредила сэра Чарльза, что в храме во время богослужения фотографировать нельзя, — обернулась к спутникам Брунгильда, — но этот упрямец все равно взял с собой фотографический аппарат.

— Всю службу для меня испортил, — беззлобно поддразнил девушек доктор Коровкин. — Я так и ждал, что он начнет фотографировать и нас выдворят из храма.

— Но, кажется, все обошлось, буйный протодьякон Малинин очаровал его своим голосом, — поспешила сменить тему Мура, — а сейчас мы должны сэра Чарльза найти.

Они двинулись вперед.

— У меня начинает болеть голова, — капризно пожаловалась Брунгильда, — я боюсь, что не выдержу еще несколько часов службы.

— Но если мы вернемся раньше времени, мама огорчится, что мы не выстояли службу... Вон, вон он! — неожиданно воскликнула Мура и радостно затеребила доктора за рукав пальто. — Видите, справа, у входа, на ступенях... Он нас ждет... Слава Богу, не потерялся...

— А мне кажется, что он вовсе не ждет нас, — охладил ее пыл доктор, — а нашел себе другую компанию.

— Как бы то ни было, — голос Брунгильды стал строгим, — я чувствую некоторую ответственность за этого человека. Он приехал в Петербург вроде бы по моему приглашению, и я обязана ему: во время моей поездки в Берлин и Рим мистер Стрейсноу оказал мне немало услуг.

Все трое замолчали и с трудом стали продвигаться сквозь толпу по направлению к мистеру Стрейсноу.

В добротном пальто, застегнутом на все пуговицы, с зонтом и шляпой в руках, долговязый англичанин, возвышаясь над окружающими, стоял, как монумент на ступенях храма. Левой рукой он придерживал висящий на груди кожаный чехольчик с фотоаппаратом. Голову он держал прямо и гордо, правая нога была чуть выставлена вперед, вся его поза демонстрировала решительность. Однако выразительное лицо этого тридцатипятилетнего человека искажалось растерянностью, взор круглых темных глаз под черными полукружьями бровей был устремлен на двух энергично жестикулирующих перед ним мужчин. Сохранить между собой и посторонними людьми должную дистанцию чопорному британцу явно не удавалось.

Один из наскакивавших на англичанина был лет сорока, малого росточка, кругленький, в распахнутом пальтеце, из-под которого выбивался клетчатый шарф. Другой, помоложе, — напротив: крупен, широк в плечах и бедрах, фигуру его плотно облегла задрипанная серая шинелишка, наглухо застегнутая. Над поднятым воротником — широкое костистое лицо, украшенное вислыми черными усами. Надо лбом незнакомца дыбом стояла жесткая черная шевелюра.

— Я же говорил вам, господин Закряжный, — это воистину чудо, — как будто он воистину воскрес. И — представляете мое состояние, потрясение моей души — я увидел его в тот момент, когда разнеслась над всем Божьим миром весть о Воскресении! — Круглый человечек с рыжеватой пышной щеточкой над верхней губой увивался, как собачонка, вокруг неподвижного англичанина. — Простите, братец, — толстячок задрал голову к надменному лицу с надувшимися от напряжения щеками, с плотно сжатым маленьким ртом, — простите душу христианскую, в такую минуту восторг мой простителен, похристосоваться с вами счел бы за великую честь, хоть и незнакомы мы. Но дело это поправимое, позвольте представиться, Модест Макарович Багулин.

— Молчи, Модест, не мельтеши, — прервал его усач в серой шинели, — а что натуру такую мне углядел — спасибо, хвалю, за это обещаю тебя увековечить. Но потом, после юбилея.

Он, не глядя, схватил Модеста за лацкан пальто, притянул его к себе и трижды смачно облобызал куда попало, не сводя глаз с англичанина. Отпихнув свою жертву в сторону, отчего Багулин едва не рухнул на ступени, Закряжный неожиданно поклонился в пояс Чарльзу Стрейсноу, резко выпрямился и смело взял англичанина за плечи.

— I don't understand you, — отпрянул тот, его маленький пунцовый рот под странными, кошачьими, словно прилипшими над верхней губой усами скривился. — What's the matter?^[1]

— По-голландски чешет, ишь ты, — одобрительно хмыкнул, глянув на смешавшегося Багулина, усач. — И чего он топорщится? Ну да, мы люди простые, расейские, православные. А отказать в братском христианском поцелуе сегодня и собака не может...

Он резко дернул к себе оторопевшего мистера Стрейсноу и одарил его тремя звучными поцелуями.

— Неужели живой? Неужели настоящий? — забежал вновь вокруг англичанина Модест Багулин. — Хоть я особа и незначительная, а нельзя ли и мне похристосоваться с этим чудом?

— Христос Воскресе! — требовательно произнес Закряжный, тряхнув

буйной шевелюрой. — Не отвечает... Как бы объяснить ему, что он должен отправиться ко мне? Непременно, сию же минуту. Если он не согласится, то я последую за ним, буду ходить по пятам, пока он не сообразит, чего от него хотят. Эх, жаль, голландского не знаю... Ты же, Модестушка, не выпускай его из виду, нам терять его нельзя...

Закряжный быстро повернулся и оказался лицом к лицу с двумя молоденькими девушками, сопровождаемыми серьезным господином лет тридцати.

— Милые барышни, Христос Воскресе, не откажите в любезности, не знаете ли голландского?

— Help me! Doctor Corovkin! — раздался из-за спины усача высокий голос англичанина. — Come here. Miss, I am very glad to see you!^[2]

— В чем дело? — сурово спросил доктор Коровкин, обходя заступившего ему путь Закряжного, и, направляясь к зарубежному гостю, перешел на английский язык. — Мы потеряли вас, дорогой мистер Стрейсноу. Надеюсь, все обошлось. Кто эти люди?

— I don't know.^[3] — К англичанину вернулось поколебленное было спокойствие, щеки его пришли в нормальное состояние.

— Мистер Стрейсноу, — мелодично проворковала на хорошем английском Брунгильда, одаривая всех легкой улыбкой, обращенной к каждому и ни к кому конкретно, — теперь мы не сможем войти в храм, и вам не удастся досмотреть до конца пасхальную службу. А вы так мечтали об этом!

— Позвольте, позвольте, — рядом с англичанином вновь возникла массивная фигура в серой шинели, — простите, если мы вас напугали. Но, мадемуазель, вы так прекрасны, что вы меня поймете. Христос Воскресе!

Брунгильда сделала шаг назад — несмотря на угрызения совести, ей вовсе не хотелось христосоваться с неизвестным господином в серой шинели. Клим Кириллович взял ее под руку и встал между ней и настойчивым незнакомцем.

— У вас ничто не пропало? — участливо спросила Мура англичанина и, засмеявшись, повторила свой вопрос по-английски.

— Как вы, милая барышня, можете в такую минуту, в такой час, в такую ночь задавать такие вопросы? — обиженно воскликнул, не дав англичанину ответить, Модест Багулин. — Мы не воры, не карманники. Мы серьезные люди. Таланты в своем роде. И ваш мистер Стрейсноу нас потряс. Правда, Роман?

— Позвольте объясниться, — голос господина Закряжного стал

любезным и вкрадчивым, — нынче внешность только для прикрытия внутренности существует. Вы на мою шинель не смотрите! Это я в образе! Имею честь представиться — лучший художник двадцатого века — Роман Закряжный! Лучший портретист России! Вы не видели моих работ? — Выдающийся художник современности устался на новых знакомцев в ожидании восторгов, но, не обнаружив на их лицах ничего, кроме некоторого любопытства, стремительно выдохнул: — О, жаль! Они выставлены в галереях Москвы и Рима, но в основном украшают частные коллекции! И члены императорской фамилии не гнушаются почтить меня своими заказами.

— Доктор Коровкин, Клим Кириллович, держу частную практику, — уже более миролюбиво ответил спутник профессорских дочерей, которому доводилось слышать имя эксцентричного художника от своих весьма уважаемых пациентов. — Вместе со мной Брунгильда Николаевна Муромцева, пианистка, и ее сестра Мария Николаевна, бестужевская курсистка.

— О, весьма польщен, — склонился Закряжный, — позвольте вашу ручку.

Он приложился своими смешными усами к перчаткам Брунгильды и Муры.

— Разрешите и мне представиться. — Перед доктором и барышнями возник, как будто из-под земли, вытянув руки по швам, малорослый толстячок. — Багулин, Модест Макарович, агент российского страхового товарищества «Саламандра». Поклонник всего возвышенного.

Мура приветливо улыбнулась толстяку, смешно шаркнувшему коротенькой ножкой в галоше, и перевела взгляд на Закряжного.

— Чего же вы желаете, господа, от мистера Стрейсноу?

Услышав свое имя, англичанин, вопросительно поглядел на Брунгильду. Она, порозовев, ободряюще кивнула своему английскому другу.

— Пустяки, ничего особенного, — оскалился Закряжный, и Мура вздрогнула от его жесткого черного взгляда, подчеркивающего ненатуральность широкой улыбки. — Мы пытались объяснить господину Стрейсноу, что хотим пригласить его в гости ко мне в мастерскую, но не смогли.

— Зачем же он нужен вам в мастерской? — удивился доктор Коровкин.

— Вы все поймете, дорогие господа, если будете так добры, что не откажете мне в маленькой просьбе — и в эту святую ночь, в пасхальную ночь, ночь всеобщей любви и прощения, соблаговолите вместе с

господином Стрейсноу посетить мою скромную мансарду... Вы все поймете, вы не пожалеете! К тому же у меня уже и стол накрыт — разговляться пора... Не откажите страдальцу — по-христиански, по-православному, сжальтесь.

Казалось, Закряжный готов был упасть на колени перед доктором Коровкиным и его спутницами.

— А в чем состоит ваше страдание, господин страдалец? — лукаво спросила Мура, едва сдерживая смех, — очень забавно перевоплощался человек в задрипанной шинели.

— А в том, милая моя панночка, — умильно пропел модный портретист, — что мне нужна модель, настоящая модель! Помогите бедному таланту! Не губите!

Все невольно рассмеялись.

— Господин Закряжный! — раздался вдруг откуда-то сбоку звонкий девичий голосок.

Случайные собеседники дружно оглянулись, с гранитных ступенек храма они увидели чудом пробравшийся сквозь толпу экипаж.

— Прошу прощения, одну только минуту, — поспешно бросил Закряжный и бегом помчался вниз по пологим ступеням.

Добежав до экипажа, он начал что-то быстро говорить и размахивать руками, затем открыл дверцу и помог седокам сойти на землю. Потом заспешил обратно, часто оглядываясь на следовавших за ним: на пожилую пару и более всего на стройного молодого человека в форме чиновника Ведомства Императрицы Марии и на юную девушку, хрупкую, изящную, едва достающую ему до плеча.

— Господа, господа, — запыхавшийся художник остановился перед оставленным им обществом, — сегодня воистину чудесная ночь. Позвольте вам отрекомендовать — действительный тайный советник, господин Шебеко, Ермолай Егорович с супругой, Прасковьей Семеновной. И их внучка, Катенька, Екатерина Борисовна Багреева, Катенька — фрейлина Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. И, наконец — служащий Ведомства Учреждений Императрицы Марии Федоровны, Дмитрий Андреевич Формозов.

— Христос Воскресе! — вразнобой воскликнули все вместе.

— Здравствуйте, Клим Кириллович, Христос Воскресе. — Неожиданно для художника супруги Шебеко первыми облобызали доктора Коровкина.

— Воистину Воскресе, — доктор с улыбкой оглядел стариков, — что-то давно вы меня не беспокоите, да видать и к лучшему, выглядите вы прекрасно.

— Так это заслуга нашей Катеньки, — довольно произнес Ермолай Егорович, — она перебила вашу практику. Лучшее лекарство для нас — юная душа рядом. Как вышла из Смольного института, так и солнышко засияло в нашем доме.

— Ермолай Егорович похлопотал, и Катеньку пожаловали во фрейлины Вдовствующей Императрицы... Я и рада, ей надо быть в свете, надо пользу обществу приносить, — просияла супруга действительного тайного советника.

Доктор Коровкин с явным удовольствием смотрел на юное, с нежным заостренным подбородком, личико Кати, которая, казалось, вся светилась радостью и добротой. Девушка без стеснения потянулась к доктору — и Клим Кириллович, склонившись и взяв ее за руку, трижды коснулся пересохшими от волнения губами благоухающих фиалками щечек.

— Позвольте представить вам дочерей профессора Муромцева, — он все еще не отпускал нежную ручку Кати, — Брунгильда Николаевна и Мария Николаевна.

— Как же, как же, много наслышаны, — радостно закивала госпожа Шебеко.

— И в газетах писали о вашем искусстве, мадемуазель, — подхватил господин Шебеко.

Брунгильда сдержанно поклонилась, чуть приподняв уголки губ в знак благодарности за признание, и повела точеным подбородком в сторону аккуратного молодого человека в темно-зеленом мундире; его глаза мгновенно вспыхнули. Мистер Стрейсноу неопределенно хмыкнул и передернул плечами.

— Вместе с нами, — продолжил доктор Коровкин, не замечая нахмуренных соболиных бровей Муры и помрачневшего лица зарубежного друга Брунгильды, — наш гость из Англии, сэр Чарльз Стрейсноу, баронет.

Англичанин сделал шаг вперед и, прижав к груди шляпу, поклонился.

— Боже! — одновременно воскликнули господин и госпожа Шебеко. — Да он вылитый Петр Великий!

— Да, сходство есть, — неохотно согласился доктор, — рост, сложение, глаза, усы...

— Мистер Стрейсноу, — приятным баритоном, очень осторожно обратился по-английски к иностранцу господин Формозов, — не было ли в вашем роду кого-нибудь, кто был знаком с Петром Первым?

— На что вы намекаете? — строго вскинулась госпожа Шебеко.

— На внебрачных детей вашего императора, — ответил англичанин. — Русские, когда я был в Берлине и Риме, надоедали мне этим вопросом.

— Если бы мистеру надеть лавровый венок на голову да усадить на коня — прямо Медный всадник.

Вынырнувший откуда-то сбоку господин Багулин махнул рукой в сторону могучей фигуры на вздыбившемся коне, едва видневшейся на берегу Невы.

— Глазастый Модест, — вздохнул кротко художник, — он и высмотрел в толпе это чудо. Вот приглашаю к себе в мастерскую мистера и его друзей. Да заодно и разговляться пора. Да все никак не получаю согласия.

— А если я попрошу вас принять приглашение? — Катенька Багреева ласково заглянула снизу вверх в лицо смущенного доктора Коровкина. — И дедушка с бабушкой с нами пойдут. Тем более я должна убедиться, что заказ господину Закряжному для резиденции Марии Федоровны готов. Он мне клялся, что не обманет.

— Готов-готов, милая моя бесценная госпожа, — театрально склонился перед хрупким созданием художник, — да разве я мог обмануть такого ангела? Да и просьбы Вдовствующей Императрицы для меня не пустой звук, а великая честь. Прошу пожаловать всех вас, господа, в мою мансарду, не извольте омрачить отказом святую ночь братской любви и единения.

Мура закусила губу — художник ей нравился с каждой минутой все больше и больше, и она готова была рассмеяться, если бы ее не раздражало излишнее внимание доктора Коровкина к смазливой фрейлине.

— Брунгильда, — обратилась она к сестре, — что ты думаешь по этому поводу?

— Я ничего не думаю, — равнодушно ответила сестра, — я хотела бы узнать мнение сэра Чарльза. Мистер Стрейсноу, не желаете ли осмотреть мастерскую лучшего российского художника-портретиста?

— О, yes, — кивнул англичанин, на левой руке его, прижатой к груди, блеснул перстень.

— Ура! Идем! Прошу всех следовать за мной, прошу не теряться, здесь совсем рядом, совсем близко. — И художник повлек за собой пестрое общество.

Мура шла рядом с доктором, впереди шествовала Брунгильда с англичанином, а еще дальше, рядом с могучей фигурой художника, мелькало светлое кружево на голове Катеньки Багреевой, держащей под руки бабушку и дедушку.

Позади Муры шли стройный подтянутый Дмитрий Формозов и забавный толстячок Модест Багулин.

Замыкал шествие экипаж, неожиданно лишившийся своих седоков.

Когда процессия уже свернула в переулок, в котором стоял дом, давший приют художнику, Мура услышала за спиной обиженный голос страхового агента.

— И все-таки есть в этом человеке что-то тревожное, что-то опасное. У меня нюх, я чую.

— Вы про кого говорите? Про англичанина? — уточнил приятный баритон Формозова.

— Про него, будь он неладен. Я чувствую, что от него веет смертью.

— Это из-за его сходства с покойным императором. Мистика какая-то, — баритон звучал вполне равнодушно.

— Вот и я говорю. Жуть. Холод кладбищенский. Не по себе мне. А вам? — настаивал толстячок.

— Да, пожалуй, — нехотя подтвердил чиновник. — Смерть всегда рядом.

— Тогда еще есть время, — схватил его за рукав Модест Багулин. — Срочно, прямо сейчас, застрахуйте у меня вашу жизнь!

Глава 3

Художник Роман Закряжный толкнул незапертую дверь мастерской, прихожая которой освещалась тусклой электрической лампой в причудливом плафоне.

— Жаль, Аглаши нет, не пришла еще, видно, со службы, — пояснял он на ходу, — этажом ниже проживает, вышивальщица, помогает мне по хозяйству. Вот и стол сегодня приготовила — сейчас разговляться будем. Прошу проходить и присаживаться.

Его гости, освободившись в тесной прихожей от верхней одежды, галош и ботинок, прошли в протопленное просторное помещение. Вдоль стены мастерской справа от входа тянулись полки со свернутыми холстами, ящичками с красками, какими-то склянками, кувшинчиками, безделушками, с опущенными в банки кистями и предметами непонятного назначения. Левый угол занимала широкая софа под кретоновым покрывалом вызывающего красно-вишневого цвета, ближе к окнам размещался заставленный снедью стол и разномастные стулья.

Напротив входа, у занавешенных плотными шторами окон, с незаконченного портрета на мольберте из-под насупленных бровей грозно взирали на вошедших темные очи. Портретами были увешаны все не занятые полками стены, но и на полках стояли миниатюры, живописные и скульптурные — и все они изображали вдохновенное лицо императора Петра.

— Прошу садиться, — послышался голос художника, примчавшегося из кухни с подносом, заполненным плошками со студнем. — Я же говорил вам, что будете поражены. Мистер Стрейсноу, прошу вас! Сударыни, судари, подкрепимся, чем Бог послал.

Оправившись от удивления, гости направились к столу, уставленному пасхальными яствами. В центре, выложенная на фаянсовом блюде с синей каймой, возвышалась пасха: на боковых плоскостях творожной пирамиды выделялись четко прорисованные растительные узоры и буквы «Х» и «В» — «Христос Воскресе». Рядом, на таком же фаянсовом блюде лежали крашенные яйца: традиционные красные и пестрые, всех цветов, с причудливой виньеткой, в центре которой помещалось знакомое лицо с черными торчащими усами. Завершал композицию пышный, покрытый глазурью кулич.

Долговязый англичанин не отводил глаз, ставших совсем круглыми, от блюда с расписными яйцами.

— Да вы объясните ему, что все еще в субботу освящено, стараниями Аглаши. — Усатый художник беспомощно взглянул на Брунгильду, которая вполголоса поясняла мистеру Стрейсноу особенности русской Пасхи, голос ее звучал нежно, и лицо заморского гостя постепенно становилось безмятежно-непроницаемым.

Но сам Закряжный разговеться не спешил — неожиданно он порывисто устремился к маленькой фрейлине.

— Милая Екатерина Алексеевна, сейчас предъявлю вам готовый заказ, извольте принять.

Он бросился в угол, к внушительному холсту, натянутому на подрамник и повернутому изображением к стене.

— Портрет в натуральную величину. Не правда ли, великолепно? Почти как живой — основатель столицы российской! Вот пригляжусь сейчас к мистеру Стрейсноу — возьму кисть в руки, трону холст — и оживет этот великолепный портрет! Воскреснет!

— Вам виднее, господин Закряжный, — подала голос Катя, — но мне портрет и так нравится. Я беспокоюсь только, чтобы он пришелся по вкусу Марии Федоровне, если уж ему суждено украшать Аничков дворец.

— Вдовствующая Императрица — она сейчас пребывает в Дании — доверила Катеньке проследить за ходом работ над этим портретом. Поручение первое, надо, чтобы Императрица осталась довольна, — важно заметил Ермолай Егорович.

— Пусть портрет остается как есть, — виновато попросила его супруга. — И так-то страшен государь, а если живинки ему подбавить... Не испугается ли Мария Федоровна?

— Не вижу ничего грозного в императоре, — созналась Брунгильда и взмахнула ресницами в сторону стройного молодого человека. — Господин Формозов, а какова ваша роль в этом деле?

— Мне поручено, мадемуазель, заниматься скучными вещами — следить за финансовыми бумагами. А Ее Величество соблаговолили заказать портреты императора Петра и для множества опекаемых Ею учреждений. Императрица приедет на следующей неделе, будет, скорее всего, инспектировать свои сиротские и воспитательные учреждения... — Помолчав, рассеяно добавил: — Хотя это может быть и бессмысленно.

— Бессмысленного в призрении сирот не вижу, — проворчал Ермолай Егорович.

Большой красивый лоб чиновника покрыла легкая испарина. Уголки

рта, обведенного темными усиками, сливающимися с аккуратной бородкой, скривились:

— Значительная часть заказов поручена господину Закряжному, по мнению специалистов, он — непревзойденный мастер исторического портрета.

— Истинная правда! Что ни портрет — то шедевр! — поспешно вскричал страховой агент, он где-то задержался и появился в мастерской только что. — А упрямец не соглашается страховать свои полотна! Взываю к вам, милостивые государи, — объясните пользу полиса!

— Однако разговляться, так разговляться... — заторопился художник. — Не хочу слушать о полисах. Модест, доставай портвейн да «Ерофеича», ты знаешь где... Куда же Аглаша запропастилась? Без нее как без рук...

Художник проворно освободил поднос от плошек со студнем и снова выскочил из мастерской, как оказалось, за недостающей посудой. Помешкав у полки с миниатюрами, чиновник последовал за ним.

После того как перед каждым гостем поставили тарелку, бокал, рюмку, разложили приборы, трапеза приняла оживленный характер.

Неясные флюиды носились в комнате. Разрумившийся толстячок-агент нашел заинтересованного собеседника в лице добродушного тайного советника. Прасковья Семеновна украдкой переводила взор с мистера Стрейсноу на портрет на мольберте. Брунгильда с повышенным вниманием следила, чтобы тарелка сэра Чарльза не оставалась пустой. Англичанин нерешительно поглядывал на соленый огурчик, лежащий на тарелке перед ним; щеки британского гостя слегка порозовели. Приятное, мягко суживающееся к подбородку лицо молодого, лет двадцати пяти, чиновника то и дело обращалось к Брунгильде. Яркие полные губы господина Формозова светились слабой улыбкой, резные крылья прямого носа трепетали. Мура старалась не смотреть на юную фрейлину, которая с чарующими интонациями что-то щебетала наклонившемуся к ней, довольному Климу Кирилловичу, и вполслуха слушала сумбурные речи своего соседа по застолью, хозяина мастерской.

Слегка захмелевший художник вскочил с поскрипывающего венского стула, задев доктора локтем, отчего тот неловко опрокинул кусок студня себе на руку.

— Простите великодушно, господин Коровкин, — запричитал художник, пропуская мимо себя направившегося вон из комнаты доктора. — Вы можете умыться на кухне, вторая дверь налево по коридору.

Высокий усач заходил по комнате, то и дело переставляя холсты, некоторые из них он поворачивал к гостям, чтобы те оценили его талант.

— Признаюсь, иногда и мне становится не по себе. Сижу один среди портретов — и все мне кажется — а ну как сольются эти плоские образы в один объемный? А ну как сойдет с полотна ожившая историческая личность?

Он двинулся к вожделенной модели.

— Господин Стрейсноу! Не могли бы вы поднять голову чуть-чуть выше?

Появившийся в дверях доктор смущенно отирал руки платком. Англичанин, с глубоким подозрением взглянув на мельтешащего в опасной близости от него хозяина, что-то пробормотал, встал из-за стола и отправился в прихожую.

— Куда он? — пролепетал страховой агент.

— Сэр Чарльз хочет сфотографировать нас, он пошел за фотоаппаратом, — пояснила Брунгильда.

Взволнованное общество начало обсуждать, как лучше расположиться вокруг картины, так, чтобы всем хватило места. Мужчины перенесли стулья от стола, женщины бросились к своим ридикюлям и достали зеркальца. Художник бегал из угла в угол и потрясал то пыльной треуголкой, то старым драным кафтаном, сожалея, что нет для гостей подходящих исторических костюмов. Наконец появился англичанин. Он невозмутимо остановился в отдалении и принялся настраивать аппарат. Живописная группа застыла с улыбками на лицах. В помещении повисла тишина.

— Attention! — Мистер Стрейсноу склонился над объективом.

И в эту минуту послышался явственный звук приближающихся шагов. Затвор щелкнул, сверкнула вспышка магния, англичанин распрямился, с недоумением глядя на запечатленных им людей.

— Всем оставаться на местах! — раздался за его спиной властный голос.

Англичанин вздрогнул и обернулся. Лицо его залила мертвенная бледность.

Взорам собравшихся предстал плотный господин — выше среднего роста, в фуражке и шинели. Он грозно сдвинул плоские белесые брови.

— Кто из вас господин Закряжный Роман Мстиславович?

— Я, ваше благородие, я и есть Закряжный, — робко двинулся вперед художник.

— Вы арестованы, милостивый государь!

— Но, Карл Иванович, господин Вирхов, это недоразумение. — Клим Кириллович надеялся, что следователь, его старинный знакомый, обратит на него внимание. — Уверяю вас, здесь какая-то ошибка.

— Никакой ошибки нет, уважаемый доктор, — возразил следователь Вирхов. — А есть злостное кощунство и богемный цинизм. В святую пасхальную ночь! Убить беззащитную женщину!

— Какую женщину? Когда? — трясущимися губами прошелестел художник.

— Не лгите! — топнул ногой Вирхов. — Не притворяйтесь! Труп мещанки Аглаи Фоминой еще не остыл — и он вопиет к убийце этажом ниже...

Глава 4

— Итак, Матильда Яновна, продолжайте. Я вас слушаю.

Суровый взгляд следователя Вирхова был обращен на домовладелицу Матильду Бендерецкую, которая, терзая углы теплой серой шали, накинутой на плечи поверх нарядного палевого платья, сидела перед ним на слишком хрупком для ее массивной фигуры венском стуле. Дородная дама с пухлыми щечками и двойным подбородком монотонным севшим голосом повторяла свои показания.

— Пришла я, значит, пан Вирхов, со службы, а я, хоть и католичка, но и православную веру уважаю — Христос-то один. А моя квартира находится на первом этаже, вы знаете, и хотя швейцара у нас нет, а дворник, с моего разрешения, разговлялся со всем своим семейством, дом был под моим присмотром. И я слышу, когда дверь хлопает, да и в окошко поглядываю. Тихо все было. Ну, выпила я рюмочку-другую, закусила, чем Бог послал, и стало мне скучно, и прислугу-то я на службу отпустила, одна в квартире. Дай, думаю, зайду к Аглаше, девушка она одинокая, смиренная, работающая... Стучала в дверь, стучала, ответа нет. Смотрю, а дверь-то не заперта. Вздремнула, думаю, Аглаша, утомилась, решила зайти к ней. А как вошла, едва чувств не лишилась. Лежит, бедняжка, на полу, рученьки раскинула... В доме порядок, чистота, видно, что к празднику готовилась: все-то ее вышивки убраны, кулич и яйца, что накануне святила, на столе стоят... А полог у кровати откинут, а сама лежит, и вокруг головы ее красное, вроде как шаль ее новая, да только цветов не видно, и больно темная стала... Не сразу я и сообразила, что шаль-то вся кровью пропитана, уж и на половик затекла... А в луже и кость баранья валяется... Полированная, вершка три, наверное, будет, с виду на сечку похожа... Тут-то я и бросилась к Федору, к дворнику: послала его за околоточным, а сама сижу у дверей своей квартиры и дрожу как осиновый лист — не ждет ли и меня смерть лютая?

— Но из дома никто не выходил? Вы это точно помните? — прервал ее Вирхов.

— Как есть никто, драгоценный пан, ни одна душа живая не выскользнула. Жильцы мои порядочные, богомольные. Все отправились службу до утра стоять пасхальную... Только господин Закряжный с гостями изволил явиться...

Даже откровенный испуг не мог стереть яркие краски с ее лица, на

котором особо выделялись полные вишневые губы.

— Наши люди проверят все ходы и выходы, — безнадежно вздохнул следователь. — А есть ли в доме чердак? Заперт ли он?

— Чердак заперт, — ответила черноглазая домовладелица, — и ключ хранится у меня. Никого туда не пускаю. Оконце чердачное разбито, да все недосуг вставить.

— Проверим и чердак, — заявил следователь и продолжил дознание: — А почему вы, госпожа Бендерецкая, утверждаете, что убийца — именно Роман Закряжный? — Он бросил жесткий взгляд на окаменевшего художника. Тот стоял у портрета Петра Великого, рядом возвышалась тучная фигура околоточного.

— Да кость-то баранья — его! — воскликнула домовладелица. — Я ее у него на кухне видела, еще подивилась — зачем она?... Да и господин Закряжный не отрицает, что кость его.

— Хорошо, хорошо. — Вирхов, плотно сжав маленький рот, оглядел собравшихся в помещении людей. Женщины застыли на стульях. Мужчины напряженно следили за беседой, стоя чуть поодаль от стола. — Можете идти к себе. И отдайте ключ от чердака моему помощнику, Павлу Мироновичу, он вас проводит.

Дородная брюнетка с пухлыми щечками, сопровождаемая застенчивым молодым человеком, покинула мастерскую.

Карл Иванович чувствовал подступающую дурноту. Полчаса назад он спускался с художником в квартиру двадцатилетней мещанки Аглаи Фоминой и тот, мыча и запинаясь, сознался, что полированная баранья кость, коей размозжен череп жертвы, находилась прежде у него. Сейчас в квартире работают эксперты, фотографы, полицейский доктор — увы, для полиции нет праздников. После дактилоскопической экспертизы очевидное — виновность Закряжного — подтвердится наверняка.

Вирхов проводил первоначальное дознание подальше от трупа: осмотреть место преступления и жертву он уже успел, а здесь, в мансарде, и просторней, и воздух чище, не стоит мешать экспертам и фотографу.

— Итак, господин Закряжный, подойдите ближе, — пригласил устало Вирхов и, дождавшись, когда подталкиваемый околоточным массивный усач переместится пред его светлые очи, спросил: — И как же ваша баранья кость стала орудием убийства?

— Богом клянусь, не знаю. — На широком лбу художника, у висков, выползая из-под жесткой черной шевелюры, набухали голубоватые жилки.

— А когда вы видели ее в последний раз?

Подозреваемый замялся, глаза его виновато забегали и остановились на

мертвенном лице мистера Стрейсноу:

— Не помню, — проямлил он.

— А зачем вы вообще держали у себя дома полированную баранью лопатку?

Художник, не спуская глаз с англичанина, пожал могучими плечами. Растерянность этого крупного человека выглядела по меньшей мере странно.

Сэр Чарльз стоял недвижно, его ледяная невозмутимость и полуприкрытые глаза томили художника.

— Где вы ее обычно хранили? — продолжал наступление Вирхов.

— Где придется, — с трудом выдавил из себя портретист.

Озадаченно помолчав, Вирхов спросил:

— Ну, а откуда она у вас взялась, вы, надеюсь, помните?

— Из бараньего рагу. Аглаша к Рождеству готовила.

Доселе бледное костистое лицо допрашиваемого побагровело.

Среди затаивших дыхание свидетелей предварительного дознания пронесся невольный вздох — несчастная Аглаша погибла от орудия, принесенного в дом ее собственными руками!

Поняв, что с бараньей лопаткой ясности он не добьется, по крайней мере теперь, Вирхов повторил прежний вопрос:

— Когда вы видели последний раз мешанку Фомину?

— Вчера вечером, еще до того, как она отправилась на службу, — нехотя признался Закряжный, отведя наконец взор от окаменевшего англичанина, и уставился на вернувшегося в мастерскую застенчивого помощника следователя. — Аглая Ниловна помогала мне подготовить стол для разговления, одарила куличом...

— А сами вы заходили к ней? — спросил Вирхов.

— Да, — смутился художник, — она как раз на службу собиралась.

— А с какой целью вы к ней заглядывали? — напирал Вирхов.

— Из любопытства... — казалось, к художнику постепенно возвращается дар речи, — заметил я как-то, что вышивает она золотыми нитями на холсте — обычном, но очень большом, — какие-то слова... Одно разобрал — что-то вроде Донского... Все подшучивал над ней, старался выведать... Не о Дмитрие ли Донском идет речь? Думал, заказ какой-нибудь из церкви, да само полотно скромное, безыскусное... Любопытство заело...

— Из любопытства и лишили ее жизни при помощи бараньей кости? — Карл Иванович оценивающе рассматривал вероятного преступника, приходя к выводу, что силы в этом человеке достаточно, чтобы лишить

слабую женщину жизни с помощью столь нетривиального оружия.

— Господин следователь! Не убивал я Аглаю! И зачем? — В возмущении художника проскальзывало что-то неестественное, деланное.

— Мотивы убийства мы выясним, — прервал его Вирхов. — А вот почему вы в шлеме, милостивый государь? Что за маскарад?

— Фотографировался в нем... А купил у старьевщика, дешево. Думал, пригодится для какой-нибудь модели... Потом, позже. Сейчас-то я только заказы на Петра Первого исполняю.

— Вижу-вижу, — обвел взором стены помещения Вирхов. — А как вы объясните, что тот холст со словами, о котором вы изволите рассуждать, при осмотре места происшествия не обнаружен?

— А никак... — Художник потерял свой вислый ус. — Был он, в пятницу видел.

— Так-так, вчера. А был ли он сегодня, вы не знаете?

— Нет, господин следователь, не знаю, — опустил голову Закряжный.

— Странно... А не заговорила ли в вас преступная алчность? — Следователь встал со стула и начал расхаживать перед допрашиваемым. — Если холст забрал заказчик и заплатил за него, то не на денежки ли вы и позарились? По вашему жилью не скажешь, что вы сильно преуспели в материальной сфере жизни.

Вирхов выразительно обвел глазами комнату, софу под дешевеньким покрывалом, точно таким же, какое он видел в комнате убитой, стол со скудной трапезой.

Художник остановившимся взором смотрел на дознавателя. Околоточный, нетерпеливо переминающийся около него огромными ножищами в сапогах, на которые были напялены галоши с прорезями для шпор, решил подойти к следователю и что-то виновато прошептал ему на ухо. Вирхов недовольно кивнул и, дождавшись, пока полицейский выйдет из мастерской, продолжил:

— Вы убили беззащитную женщину. Ограбили ее, забрали денежки и как ни в чем не бывало отправились на пасхальную службу. Пригласили гостей, как я понял, завлекли их в свою мастерскую, инсценировав праздник и творческое вдохновение. Причем дверь на лестницу оставили открытой. Так, чтобы подозрение могло пасть на любого из здесь присутствующих...

— Ну уж нет... — возразил неуверенно художник. — Да и все мои гости могут подтвердить, что я стучал в дверь Аглаи, хотел, чтобы она с нами села разговляться...

— Вы могли это предусмотреть, чтобы обеспечить себе алиби, —

отрезал Вирхов. — Хотя все могло быть и по-другому. Может быть, вы использовали бедную женщину для помощи по хозяйству, а также искушали ее амурными поползновениями. Может быть, вы ее убили не из-за денег, а из чувства ревности? Может быть, она отдала свое сердце другому?

— Насколько мне известно, у Аглаи не было ни друга, ни жениха.

— Но мужчины-то к ней ходили, — утвердительно произнес Вирхов.

— Только заказчики, — сопротивлялся допрашиваемый, — и вполне солидные люди.

— Вы знаете кого-нибудь из них?

— Последнее время бывал только господин Крачковский. Я его не видел, но Матильда Яновна как-то говорила мне, что ее соотечественник зачастил, отзывалась о нем как о приятном господине.

— А что заказывал поляк Аглае?

— Вроде халат расшитый хотел, Матильда точнее знает.

— А что вы имеете против него?

— Да я никогда его в глаза не видел! — чуть на плача вскричал Роман Закряжный. — Богом клянусь!

Вирхов поморщился.

— А теперь объясните мне, почему вы, войдя с гостями в мастерскую, оставили дверь на лестницу незапертой?

— Забыл, запамятовал, — зачастил подозреваемый, — на меня облик господина Стрейсноу подействовал. Такое разительное сходство с императором Петром Великим!

При упоминании своего имени англичанин восторженно кивнул, но Брунгильда легким кивком успокоила его.

— И вы квартиру свою не покидали? — продолжил Вирхов.

— Нет, господин следователь, не покидал! — заверил его художник. — Был с гостями. Только на кухню за студнем да за посудой сбегал.

— Так-так, — протянул следователь. — И как долго вы отсутствовали?

— Ну, может быть, минуты три-четыре, — замялся художник, — впрочем, точно не скажу.

— Значит, из мастерской вы выходили, — констатировал Вирхов. — И алиби у вас нет.

Вирхов отвернулся от художника и осмотрел понурых гостей Романа Закряжного.

— Доктор Коровкин, — обратился он к старому знакомому, — а вы не заметили, сколько времени отсутствовал господин Закряжный?

Смущенный доктор не торопился с ответом.

— Видите ли, Карл Иваныч, точного времени я не заметил, — наконец начал он. — Однако, признаюсь, и я покидал ненадолго застолье. Подозрение может пасть и на меня. Кроме того...

Клим Кириллович запнулся и покраснел.

— Продолжайте, продолжайте, — поощрил его Вирхов, — мы во всем разберемся. Вы же не были заказчиком покойной?

— Нет, Карл Иваныч, не имел чести, — доктор раздумывал, — но мне кажется, что только присутствовавшие дамы не выходили из комнаты... Да и господин Шебеко все время оставался здесь.

— Так-так, очень интересно. — Карл Иванович испытующе посмотрел на бесстрастное лицо англичанина. — Действительно, чертовски похож на великого государя! Так и мистер Стрейсноу тоже выходил из помещения?

— Ему необходимо было взять фотоаппарат, оставленный в прихожей, — пояснил доктор, — он делал групповой снимок вокруг портрета. — Клим Кириллович чуть улыбнулся, а Брунгильда что-то зашептала мистеру Стрейсноу.

— Да, я видел, — рассеянно ответил следователь. — А вы, вы, уважаемый господин...

Вирхов остановился возле молодого интеллигентного вида чиновника.

— Дмитрий Андреевич Формозов, — мягко подхватил тот, — как уже вам сообщал, служу в управлении Ведомства Императрицы Марии, находящегося в настоящее время под покровительством Вдовствующей Государыни Марии Федоровны.

— Итак, уважаемый Дмитрий Андреевич, покидали ли вы во время застолья мастерскую?

— Выходил на несколько минут, по надобности, — понизив голос, сообщил Формозов.

— И я выходил, — сделал шаг вперед страховой агент. Мятый серый пиджак его топорщился на плечах, а нестерпимо розовый галстук, как нарыв, торчал у кадыка. — Честь имею представиться, Модест Макарович Багулин. Папироску выкурил на лестничной площадке, чтобы дам не смущать да пожара в мастерской ненароком не устроить. Имущество-то ведь и гениальные картины — все не застраховано.

— А, так это ваш окурок мы нашли на лестнице, — сердито сказал Вирхов, с ног до головы оглядывая румяного толстячка. — Значит, еще один подозреваемый. Ну что ж, выпишем всем повестки для снятия подробного допроса. А господин Закряжный как главный подозреваемый будет немедленно арестован.

— А что будет с моей мастерской? — сиплым голосом спросил

Закряжный. — С портретами Петра Великого?! Их же надо доставить тем, кто за них заплатил! И Ее Величество Вдовствующая Императрица разгневадается! Вон тот портрет нужно установить к ее приезду в Аничковом дворце!

— Мастерскую опечатают, — сурово отчеканил Вирхов.

— А если ее кто-нибудь подожжет?! А если мои работы украдут?! — возопил в отчаянии художник.

— Я готов забрать портрет прямо сейчас, если позволит господин следователь, — раздался приятный баритон Формозова. — Документы на заказ оформлены. Как только следствие убедится в невинности господина Закряжного — а я в ней уверен, — он получит в нашем ведомстве причитающуюся ему сумму.

После недолгого раздумья Карл Иванович согласился. Следователь объявил собравшимся, что пока они могут быть свободны.

Подавленные женщины начали подниматься, и смятенная группа гостей выдающегося портретиста двадцатого века собралась покинуть помещение, но тут в дверях появился запыхавшийся околоточный.

— Господин Вирхов! — крикнул он с порога. — Происшествие на Мойке! Горит парадный зал Воспитательного дома! Ночной сторож убит!

Карл Иванович замер, решая, стоит ли сейчас же ехать к месту очередного происшествия, или лучше положиться на полицейских дознавателей. Но его размышления прервал истеричный вопль хозяина мастерской:

— Звери! Чудовища! Они убьют меня! В парадном зале Воспитательного дома мой лучший портрет императора! Надо его спасти!

— Молчать! — рявкнул, вздрогнув от неожиданности, Вирхов и, раздувая ноздри, уставился на художника: глаза портретиста бегали, он перебирал ногами, как лошадь, вот-вот готовая сорваться с места. — А что, если этот поджог — лишь средство отвлечь наше внимание от вашего преступления? Может быть, у вас есть сообщник?

— Как вы можете такое говорить? — отпрянул художник. — Каждый мой портрет — художественная ценность!

— А, — махнул рукой Вирхов, — вон их сколько тут, этих ценностей. Одним больше, одним меньше — потеря невелика. А алиби обеспечено!

Глава 5

Думал ли частнопрактикующий доктор Коровкин, что для него пасхальная ночь 1903 года обернется таким ужасным финалом? Еще вчера было у доктора ощущение, что праздник Воскресения Христа сможет вселить в его душу чувства лучшие, светлые, добрые... Являлась к нему и мысль о том, что зимнее наваждение, пасмурный морок, тоскливый гнет будней исчезнут без следа, и были тем надеждам основания — день ото дня прибавлялось все более и более света, набухали почки на деревьях, кое-где на черемухах уж проклюнулись и зеленые язычки... А как ликовала нарядная петербургская публика всего неделю назад, когда на Неве открылась навигация!

Лед шел сплошной массой во всю ширину царственной Невы. Ладога прислала дочери роскошный подарок — белые хрустальные льдины сверкали на солнце всеми цветами радуги. А в 6 часов пополудни комендант Петропавловской крепости генерал от инфантерии Эллис под канонаду салюта совершил, во главе гребной флотилии, обычный церемониальный проезд через реку Неву, наполнил на середине реки серебряный кубок и доставил невскую воду в Зимний дворец, — после чего и было открыто судоходство, вступила в свои права весна...

Да, конечно, полз по городу шепоток, что злоумышленники во множестве рассылают и разбрасывают прокламации, призывающие всех примкнуть к беспорядкам, намеченным на день празднования 200-летия Петербурга. Петербуржцы стали опасаться поджогов, взрывов, нападений на ни в чем неповинных людей. Листки отравляли спокойствие министра внутренних дел Плеве и градоначальника Клейгельса, будоражили обывателей.

К Пасхе город был очищен от криминальных элементов, полиция произвела массовые облавы с целью обезопасить жителей от воров и бандитов, однако события показывали, что в Пасхальную ночь можно убить беззащитную женщину. А пожар в Воспитательном доме?

Доктор Коровкин проснулся в первый день светлой седмицы с далеко не праздничными мыслями. Проснулся он поздно и, приведя себя в порядок, вышел в столовую, где его ждала тетушка Полина Тихоновна. В ее темных глазах он прочел неизменную любовь и ласку, сопутствовавшие ему на протяжении всей его тридцатилетней жизни.

— Христос Воскресе, милый Климущка. — Она отложила в сторону газету, которую просматривала в ожидании пробуждения племянника, встала, обменялась с ним лобзаниями и захлопотала вокруг стола.

Тетушка потрудилась на славу: розовая пасха, замешанная с малиновым вареньем; благоухающие ванилью, шафраном и кардамоном пышные куличи; крашенные в луковой шелухе яйца — химических порошков и всяких там «Мозаичных блесков» Полина Тихоновна не признавала. Все это тетушка освятила в Благовещенской церкви, предпочтя изящный храм лейб-гвардии Конного полка пышному Исаакиевскому собору. Клим Кириллович подозревал, что его деликатная тетушка отказалась идти с ним в Исаакий потому, что не желала мешать компании молодых людей, но перечить вчера ей не стал. Окинув взглядом тетушкины яства — заливную телятинку, тушенных с чесноком и эстрагоном цыпляток, ломтики копченого окорока, страсбургский пирог, — он подумал, насколько их стол отличается от скромного угощения художника. Быть может, Вирхов прав, и исторический портретист, несмотря на свою популярность, стеснен в средствах. Закряжный, судя по поведению, человек страстный. А отсюда и до убийства недалеко.

— В «Ведомостях» полицейская хроника кратко сообщила об убийстве мещанки Фоминой. — Голос тетушки заставил его вздрогнуть, она как бы прочла его потаенные мысли. — А в хронике пожаров — о поджоге Воспитательного дома ничего не говорится. Наверное, не успели.

— А почему вы, милая тетушка, уверены, что имел место поджог? Вероятней, неосторожное обращение с огнем, — безучастно произнес доктор.

— Да как же, Климущка! Весь город говорит, что террористы запланировали поджоги. Конечно, склады, лавки да мастерские всегда горели, но чтоб Воспитательный дом...

Доктор оторвался от цыпляток и испытующе взглянул на тетушку. Полина Тихоновна выдержала взгляд племянника и непринужденно добавила:

— Не сказать ли Карлу Иванычу, чтобы он установил наблюдение за господином Стрейсноу?

Кусок цыпленка едва не застрял в горле доктора.

— Вы в чем-то его подозреваете? — спросил он.

— Во-первых, я не уверена, что он настоящий баронет. Во-вторых, хоть я его и не видела, но ты сам говорил, что он поразительно похож на Петра Великого.

— Ну и что? — доктор недоуменно пожал плечами.

— А вдруг он — действительно потомок Петра Алексеевича? — выдохнула Полина Тихоновна.

Доктор Коровкин откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на Полину Тихоновну. Она — такая рассудительная, такая здравомыслящая женщина — предается фантазиям.

— Дорогая тетушка, мистер Стрейсноу никак не производит впечатления террориста. Думаю, вы в этом убедитесь, когда с ним познакомитесь.

— Ты хочешь пригласить мистера Стрейсноу к нам в гости? — В глазах Полины Тихоновны блеснул хищный огонек.

— Не думаю, что это целесообразно, — ответил племянник. — Но когда профессор вернется из поездки в Европу, мы навестим Муромцевых, там, наверное, встретимся и с англичанином. Мистер Стрейсноу уже не раз интересовался, когда приедет Николай Николаевич.

— Это тебе Мура сказала? — спросила, насторожившись, тетушка.

— Да, как-то упомянула в телефонном разговоре.

— А зачем мистеру Стрейсноу нужен профессор? — удивилась тетушка.

— Я об этом как-то не думал, — признался племянник. — Англичане вообще народ чудаковатый.

После паузы посерьезневшая Полина Тихоновна важно изрекла.

— Здесь есть две версии. Либо он хочет попросить руки Брунгильды Николаевны. Либо он хочет выведать какую-нибудь научную тайну.

Доктор рассмеялся.

— Ты напрасно смеешься, Климушка, — сказала чуть обиженно Полина Тихоновна. — Я интуитивно чувствую — здесь что-то нечисто. А Мура? Что думает о нем Мура? — неожиданно добавила тетушка Полина.

— Вот сегодня у нее и поинтересуюсь, — пообещал Клим Кириллович. — Мы заранее заказали ложу в театр — все в городе сходят с ума по Горькому. Пьесу «На дне» и бранят, и хвалят.

— Поговорим о пьесе, когда ты посмотришь спектакль. А сейчас давай обсудим другую проблему, — попросила тетушка. — Не думаешь ли ты, что нам надо застраховать свою жизнь и свое имущество?

— Тетушка, если вы хотите, я не возражаю. Жизнь современного эскулапа часто подвергается опасности. Вот, например, завтра придется мне поехать в Чумной форт...

— Что? — встрепенулась испуганная женщина. — И ты молчал?

— А что бы изменилось, если я сказал вам раньше? Ехать-то все равно

придется, — вздохнул Клим Кириллович. — Все практикующие дипломированные медики обязаны регулярно подкреплять свои знания в области инфекционных заболеваний.

Клим Кириллович вздрогнул от резкого звука телефонного звонка и отставил чашку с чаем. Он поднялся со стула и прошел к аппарату, громоздкому ящику, крашенному под орех.

— Доктор Коровкин слушает. Полина Тихоновна улыбнулась — она была уверена, что звонят из квартиры Муромцевых. Брунгильда или Мура интересуется, скорее всего, в котором часу он заедет за ними на Васильевский?

— Христос Воскресе, дорогая Екатерина Борисовна. Как изволили почивать? Здоровы ли Ермолай Егорович и Прасковья Семеновна?

Тетушка насторожилась.

— Да-да, Екатерина Борисовна, — в голосе Климушки Полине Тихоновне слышались какие-то необычные нотки, какая-то особая ласковость и осторожность. — Польщен. Весьма тронут. Приглашение ваше с радостью принимаю. Разумеется, готов вам служить всем, чем смогу. Впрочем, может быть, мы увидимся и сегодня? В театре? Тогда там и поговорим. Будьте здоровы, Екатерина Борисовна, мой нижайший поклон вашим старикам.

Доктор положил трубку на рычаг и, не торопясь, повернулся к тетушке. Следы смущенной улыбки играли на его лице...

— Екатерина Борисовна, фрейлина Вдовствующей Императрицы, внучка Шебеко, приглашает завтра вечером посетить торжественное освящение портрета Петра в парадном зале Аничкова дворца, — сказал он. — Отказаться не мог...

Глава 6

Младшая дочь профессора Муромцева, бестужевская курсистка Мария Николаевна, которую по домашней привычке близкие все еще называли Мурой, сердилась на доктора Коровкина. Пасхальной ночью она почувствовала раздражение, заметив необыкновенную любезность Клима Кирилловича по отношению к фарфоровой куколке — фрейлине Вдовствующей Императрицы. И что он в ней нашел? Да, она юная, миловидная, хорошо себя держит — но куда ей до Брунгильды! Вот кто мог бы по-настоящему блистать при дворе — ее старшая сестра: у нее врожденный аристократизм, хоть она и не училась в Смольном институте.

Мура лежала в постели и слушала звуки музыки. Брунгильда встала гораздо раньше сестры и проводила за инструментом положенные час-два. Судя по игре — а избрана была моцартовская соната, — пианистка пребывала в превосходном настроении. После возвращения из заграничного турне Брунгильда стала еще прекраснее, еще одухотвореннее...

И как доктор Коровкин не смог оценить такой девушки? Как он мог предпочесть дешевую подделку бриллианту чистой воды?

Мура вскочила с постели, подбежала к зеркалу и скептически осмотрела себя. Прошедшая зима наложила и на нее свой отпечаток. Она много читала, много думала, редко выбиралась на воздух. И вот теперь в свете солнечного апрельского дня зеркало явило ей то, что скрадывало зимнее искусственное освещение. Круглое лицо, кожа на лбу и подбородке сероватого цвета, волосы тусклые, и губы блеклые, потерявшие упругость. К тому же на носу появились бледные желтые пятнышки — в апреле высыпают веснушки...

«Скоро мой день рожденья, — подумала Мура сердито, — обязательно попрошу папу, как только он вернется, подарить мне велосипед. Буду летом совершать дальние прогулки. Клим Кириллович считает, что красота в движении и здоровье».

Мура ловко собрала длинные темные волосы в узел на макушке и отправилась умываться.

Через четверть часа она сидела в столовой.

— Дорогая, ты сегодня очень хорошенькая, — ласково встретила ее мать, по легкому нездоровью неделю не выходявшая из дому.

Елизавета Викентьевна, спокойная, полноватая дама, по характерной вертикальной черточке между черных, шелковистых бровей своей младшей дочери сразу поняла: Мура опять пребывала в свойственных юности сомнениях по поводу своей внешности. Но любящая мать знала, чем отвлечь дочь от пустых тревог, и, просматривая газеты в поисках полезных для ее мужа публикаций, воспользовалась безукоризненно действующим лекарством:

— Зачем русским историкам заниматься Египтом и Палестиной, зачем так далеко ходить? В «Санкт-Петербургских ведомостях» сообщается, что и с датой основания Петербурга не все ясно. Историк Петров считает, что столица основана не 16 мая, а 26 июня, ссылаясь на рукопись «О зачатии и здравии царствующего града Санкт-Петербурга».

Мура задумчиво размешивала серебряной ложечкой сахар в чайной чашке.

— Как мне надоел Петр Первый, — ответила она с досадой, — от него спасения никакого нет. Куда ни придешь — обязательно тарачится на тебя со стены или из угла...

Мура отхлебнула чай. Горничная Глаша, пухленькая темноглазая девушка с милостивым лицом, внесла миндальный мазурек — плоский продолговато-четырёхугольный пирог, поставила свою ношу на стол и вынула из кармашка фартучка розовое яичко.

— Христос Воскресе, барышня. — Горничная радужно улыбнулась, и Мура, встав со стула, похристосовалась с Глашей.

— Говорят, — сообщила Глаша, — по ночам призраки Петра Великого шастают, людей пугают... — И, помолчав, добавила: — А дворник уверяет, император не один по столице бродит, с ним и арапчонка видели, черного как уголь...

— Басни, милая Глаша, — Елизавета Викентьевна не знала, сердиться или смеяться, — я думаю, что к слухам невольно причастен мистер Стрейсноу. Кстати, Мура, ты говорила, что вид у английского гостя не совсем здоровый. Может быть, он отравился устрицами?

— Про устрицы не знаю, — отозвалась Мура. — А что, они стали опасны для здоровья?

— В печати сообщается, что английские устрицы запрещены при берлинском дворе, считают, что они причина тифозной лихорадки. Надеюсь, Николай Николаевич будет избегать их в Германии. А в Англии бактериологи обследовали устричные отмели, отбросы в устье Темзы, и обнаружили чудовищное загрязнение, триллионы убийственных микроорганизмов, — пояснила Елизавета Викентьевна. — Глаша,

пожалуйста, напомни Брунгильде Николаевне, что пора завтракать.

— Интересно, — задумчиво протянула Мура, обрадованная тем, что разговор ушел от Петра Великого, — надо подумать... Хотя, как говорила Брунгильда, Чарльз уже давно не был в Англии, он путешествовал по Европе.

— Уайтстебльские английские устрицы усердно предлагают и наши гастрономические магазины, могут ли лакомки от них воздержаться? — заметила Елизавета Викентьевна.

В этот момент в столовой появилась старшая дочь профессора Муромцева, она обняла и поцеловала сестру и с отсутствующим видом села за стол.

— Сестричка, ты не знаешь, мистер Стрейсноу не увлекается устрицами? — спросила Мура.

— Ничего не понимаю, — Брунгильда недоуменно повела изящно убранной головой, — при чем здесь устрицы? Меня больше интересует, едем ли мы сегодня в театр? Был телефон от Клима Кирилловича?

— Нет еще, — быстро ответила Мура, на ее лицо набежала легкая тень, — вероятно, спит после ночных приключений.

— У меня до сих пор в голове не укладывается то, о чем вы мне ночью рассказали, — вздохнула Елизавета Викентьевна. — За что убили бедную женщину? Мне всю ночь мерещилась баранья кость.

— Решено, баранину больше не покупаем, — торжественно возвестила Брунгильда и, повернувшись к Елизавете Викентьевне, ласково сказала: — Не волнуйся, мамочка. Я уверена, художник — не убийца. Следствие должно во всем разобраться. Роман Закряжный — человек талантливый. Он чувствует, что в каноническом изображении Петра есть нечто ненатуральное. Чувствует, что требуется оживить портрет.

— Не нравится мне эта гоголевская мистика, — вздохнула Елизавета Викентьевна. — Зачем портреты оживлять? Шаманство какое-то.

— Может быть, — не стала спорить Брунгильда и повернулась в сестре: — Мурья, а не могла бы ты ответить мне на один вопрос по исторической части? Почему, собственно говоря, самодержец Всея Руси обычно изображается без короны? Где его царский венец? Ты не думала об этом?

— Нет, не думала, — растерянно уставилась на сестру Мура, расправившаяся с аппетитным кусочком мазурека, и удивленно добавила: — А действительно... Скульптура Екатерины с короной, а скульптура Петра в лавровом венце... Что бы это значило?

— Ученые сомневаются, что северная столица основана в мае, ты — что Петром Великим, — чуть насмешливо ответила Елизавета

Викентьевна. — Так можно договориться и до того, что он не имел права на русский трон.

В комнате повисла тишина, только Брунгильда продолжала с аппетитом есть домашнюю еду, по которой так соскучилась во время зарубежного турне.

В тишину ворвался звонок, раздавшийся в прихожей, и минуты через две Глаша ввела в столовую ассистента профессора Муромцева — Ипполита Прынцаева.

— Христос Воскресе. — Румяный молодой человек, на которого не могли смотреть без улыбки обе профессорские дочери, вспоминая множество забавных ситуаций с его участием, секунду поколебавшись, направился к хозяйке дома.

— Воистину Воскресе, — нестройным хором ответили женщины, обмениваясь с гостем троекратными поцелуями.

Приглашение к столу ассистент принял с видимым удовольствием.

— Давненько мы с вами не видались, Ипполит Сергеевич. — Елизавета Викентьевна наливала гостю чай, барышни заботливо наполняли его тарелку куличом, пасхой, мазуреком. — Чем изволите заниматься?

— В отсутствии Николая Николаевича хлопот с лабораторией прибавилось, за всем надо следить самому, — важно ответил Ипполит, — да и наше спортивное общество требует немало забот.

— В чем же состоят ваши заботы? — поинтересовалась Мура.

Ипполит покосился на безмятежно слушающую его Брунгильду.

— Заботы организационные. Мы планируем устроить велопробег, посвященный 200-летию города. Надо выбрать подходящую трассу, подумать об экипировке. — Ипполит Сергеевич привстал со стула, загибая пальцы правой руки. — Мы хотим установить на руле каждого велосипеда портрет Петра Первого. А портреты тоже надо кому-то заказать да приладить так, чтобы не падали во время движения.

— О Боже! — вздохнула Брунгильда. — У меня от петровских портретов рябит в глазах. Умоляю вас, откажитесь от этой затеи.

— Но почему? — горестно округлил глаза Прынцаев. — Мы не хуже других, и потом, это будет очень эффектно.

— Впрочем, мне все равно, — милостиво согласилась Брунгильда, — могу вам даже посодествовать. Правда, Мурыся? — И пояснила занявшемуся наконец куличом поклоннику: — Мы сегодня ночью познакомились с замечательным художником, он малюет великого самодержца с утра до вечера.

— Правда, пока он находится в Доме предварительного заключения. По

обвинению в убийстве, — холодно уточнила профессорская жена.

— А кого он убил? — оторопело спросил ассистент, рука с куличом застыла у рта.

— Какую-то вышивальщицу, она жила этажом ниже, — спокойно пояснила Брунгильда. — Из квартиры бедной женщины кое-что исчезло...

— Боже мой, какое кощунство! — воскликнул возмущенно Ипполит. — Крадут все, что можно и нельзя украсть. Страна воров! Я тоже скоро стану скупщиком краденого!

— Вы? — удивилась Елизавета Викентьевна. — Как это, Ипполит Сергеевич?

— Очень просто, — заявил Ипполит. — Скупщиком краденого может стать и Николай Николаевич. И вообще любой из нас.

Женщины смотрели на него во все глаза.

Довольный произведенным эффектом, Ипполит Прынцаев, протягивая руку за мазурekom, спросил:

— Николай Николаевич поехал за границу? Поехал. А зачем он туда поехал?

— Насколько мне известно, — произнесла оскорбленным тоном Елизавета Викентьевна, — он собирался закупить реактивы, приборы, материалы... У него есть договоренности с зарубежными лабораториями.

— А откуда зарубежные лаборатории берут продаваемые вещества, вы знаете? — загадочно улыбнулся Прынцаев.

— Существует налаженное производство, — сурово изрекла профессорская супруга.

— Так-то оно так, — Прынцаев многозначительно прищурился, — но тогда объясните мне, откуда малодоступные вещества появляются у частных лиц? Почему мне звонит какой-то человек и предлагает их купить?

— Кто и когда вам звонил? — настороженно спросила Мура.

— Кто, не знаю, — быстро отреагировал Прынцаев, — он не представился. А цену назвал — восемьдесят пять тысяч рублей. И я ему не отказал сразу же. А знаете, почему? — Вид у ассистента стал гордым. — А вдруг Николаю Николаевичу не удастся купить нужное в Европе? Начнет меня бранить, что я упустил вещество здесь.

— А что же он предлагал у него купить? — спросила Брунгильда, розовые губки ее безглаголиво скривились.

Ипполит Прынцаев понизил голос до шепота:

— Несколько граммов радия!

Глава 7

Вечер первого дня светлой седмицы судебный следователь Карл Иванович Вирхов проводил в одиночестве, в своей холостяцкой квартире на Кирпичном. После бессонной ночи и суматошного дня он чувствовал себя опустошенным: в его многолетней практике такого еще не было! Чего-чего не повидал он на своем веку, с какими только преступлениями ни сталкивался, но еще никогда ни одно из них не носило столь кощунственного характера. В пасхальную ночь, когда весь православный люд радуется Воскресению Христову, находится урод, который проникает в квартиру беззащитной женщины и лишает ее жизни ударом бараньей кости по голове! А другой урод поджигает парадный зал Воспитательного дома! Зачем?

Несмотря на праздник, пришлось Карлу Ивановичу заниматься убийством и поджогом. На место пожара он ходил еще утром: парадный зал пострадал мало, обгорела стена да погиб портрет Петра и наполовину выгорела рама, в которую он был заключен. После дотошного осмотра и повторных допросов служащих и дежурного дворника, учиненных вместе с брандмайором Петербурга, Вирхов разрешил приводить зал в порядок.

Сейчас он пытался сосредоточиться на убийстве. Он опросил сегодня множество свидетелей по делу мещанки Фоминой, но картина не прояснилась. Единственное, что удалось установить точно, — так это то, что за час до полуночи и в течение часа после нее вход в дом, где обитала жертва, оставался без присмотра — войти и выйти мог кто угодно. Но именно в этот промежуток времени, как утверждают домовладелица Бендерецкая и подозрительный портретист Закряжный, должна была отсутствовать и Аглая Фомина. Можно ли доверять им? Арестованный признался, что, отправляясь на службу, заходил к девушке, благодарил за помощь по хозяйству, но не задержался — поспешил к ожидавшему его у подъезда Модесту, с которым состоял в приятельских отношениях уже с полгода.

Карл Иванович предполагал, что убийца — Закряжный, в конце концов, именно ему принадлежало орудие убийства, у него была возможность в любой момент войти в квартиру доверявшей ему девушки. Предстояло выяснить мотив преступления — не исключено, что художник и в самом деле позарился на немудрящую вырубку вышивальщицы, — в ее жилище

денег так и не обнаружили, хотя искали тщательно. Могла иметь место и вспышка ревности — вышивальщица выглядела миленькой. Удар нанесен в левый висок, нападавший находился спереди, девушка явно не ожидала нападения: нет следов сопротивления, борьбы, лицо оставалось спокойным.

Однако человек, которому грозило обвинение в убийстве и каторжные работы, при задержании вел себя по крайне мере странно: ходил из угла в угол с полубезумным взором, причитал во весь голос о шедевре, погибшем во время пожара в Воспитательном доме. А что, если он действительно психически болен? И эти сотни портретов Петра Великого и есть тайное проявление его недуга?

Впрочем, арест художника не исключал поиска возможного убийцы и по другим направлениям. Вне подозрений оставались немногочисленные жильцы дома Бенедерцкой — у них было твердое алиби. Домовладелица назвала имена заказчиков Аглаи Фоминой, которые посещали квартиру бедняжки, — их в ближайшие дни опросят, проверят алиби.

Была у Карла Ивановича и еще одна версия: убийца — кто-то из гостей художника. Но она казалась ему наименее вероятной. Во-первых, сразу следовало исключить из числа подозреваемых господина и госпожу Шебеко и их хорошенькую внучку. Во-вторых, вряд ли дочери профессора Муромцева или доктор Коровкин могли убить бедную вышивальщицу бараньей костью, тут и о мотивах думать бессмысленно, их и быть не может.

А вот за чиновником Ведомства Марии Федоровны господином Формозовым, а также за страховым агентом Модестом Багулиным негласный надзор учрежден. Пришлось телефонировать начальнику сыска, в светлый день беспокоить не поздравлениями, а служебной просьбой. Тот поворчал, но людей своих выделил. Для собственного спокойствия Вирхов прикрепил соглядатая и к англичанину, который появился в столице всего несколько дней назад и остановился в приличной гостинице Лихачева, у Аничкова моста.

Карл Иванович отодвинул плотную гобеленовую штору — ранние апрельские сумерки уже нависли над городом. Еще один одинокий вечер. На кресле спал, уютно свернувшись, полосатый серый кот Минхерц. Натура самостоятельная, он оказывал знаки внимания хозяину, только когда хотел есть. Карл Иванович втайне надеялся, что сегодня заглянет на огонек единственная близкая душа — частный детектив Фрейберг, король петербургских сыщиков. От Карла Фрейберга мысли Вирхова почему-то неожиданно перешли к Полине Тихоновне Коровкиной...

Следователь тряхнул головой, опустил штору и рассмеялся — не навестить ли тетушку доктора Коровина? Не поздравить ли со светлым праздником? Полина Тихоновна казалась Карлу Ивановичу женщиной достойной и рассудительной, а временами он думал о ней и с жалостью — тоже душа одинокая. Сидит в четырех стенах, души не чает в своем племяннике, всю жизнь посвятила Климушке... А тот днем по пациентам разъезжает да во всяких заседаниях участвует, а ночью, видишь ли, вместо того, чтобы быть дома, под крылом любящей тетушки, развлекается в мансарде подозрительного художника.

«Если потребуются дополнительные свидетельства от доктора, — решил Карл Иванович, — не буду я вызывать его к себе, а заеду-ка к нему домой. А пока надо дать отдых голове и ногам». Но и оказавшись в постели, под тяжелым атласным одеялом, Вирхов мысленно перебирал встречи минувшего дня, в том числе и те, что состоялись в следственной камере на Литейном...

Новый товарищ прокурора положил конец его самодеятельности, категорично потребовав, чтобы судебный следователь участка № 2 Адмиралтейской части исполнял присутственные обязанности только в здании Окружного суда, как и положено, и Вирхову пришлось расстаться с уютным, обжитым кабинетиком в Ново-Исаакиевском переулке. Карл Иванович понимал, что товарищ прокурора прав, но в Ново-Исаакиевском следователь был территориально ближе к своим подопечным, да и казенная, пугающая обстановка Окружного суда не способствовала доверительности разговоров. Но начальник есть начальник...

Постепенно думы следователя сосредотачивались вокруг двух допросов, которые он провел в следственной камере на Литейном...

В ожидании свидетельницы по делу Фоминой, доставить которую он поручил еще утром, Карл Иванович безуспешно поинтересовался результатами исследования бараньей кости: эксперты еще только приступили к работе. Отправил молоденького помощника, кандидата на судебные должности, проходящего у него практику, поискать, значится ли в полицейских картотеках Крачковский.

Появившаяся в сопровождении дежурного курьера маленькая сгорбленная старушка пошарила глазами по углам, перекрестилась на портрет императора Николая II и поклонилась в пояс следователю.

— Лукерья Христофоровна Фомина?

Карл Иванович встал навстречу посетительнице и сделал жест, приглашающий женщину сесть на стул.

Письмоводитель занял свое место за черным, покрытым бумагами

столом, стоящим поодаль, около шкафа с раскрытыми дверцами, забитого грудой дел в синих обложках. Когда этот худой, взъерошенный человек водрузил на нос круглые очки в черной оправе и придвинул к себе лист бумаги, Карл Иванович понял, что можно начинать допрос.

Тем временем старушка вынула из рукава темного убогого жакета платок и поднесла к маленьким впавшим глазкам.

— Примите мои соболезнования, — сказал Карл Иванович, усаживаясь. — С трудом разыскали вас — да с печальной вестью. Но вы единственная родственница покойной.

— Дальняя родственница, хотя горемычная и называла меня теткой, — прошелестела Лукерья, — да и виделись мы нечасто. Я далеко, в Волковой деревне обитаю да христарадничаю на старости лет. Сил уж нет копейку заработать.

— А Аглая помогала вам деньгами? — спросил участливо Вирхов.

— Да иной раз у нее самой работы не было, и без гроша часто сидела. Она из Торжка на заработки приехала, торжковское шитье знаменито, и на царей работали. Да кому оно теперь надо? — жалостливо понурилась старушка. — Это она только недавно комнаткой здесь обзавелась, да и то потому, что хозяйке и жильцам по хозяйству помогала. Так и рассчитывалась.

— А вас к себе жить не приглашала? — Светлые глаза из-под белесых бровей смотрели на свидетельницу доброжелательно.

— Звала, батюшка, звала, да что проку от меня? Только нахлебничать, — охотно отвечала старушка.

— А не припомните ли вы, Лукерья Христофоровна, когда в последний раз встречались вы с племянницей?

— Как же, не забыла — с неделю тому назад будет. Навещала она меня, с Вербным воскресеньем поздравила да немножко денег оставила. Говорила, что выполняет заказ богатый. Мечтала капиталец сколотить.

— А что за заказ? От кого? Не говорила?

— Да пошто я упомяну фамилию? — вздохнула старушка. — Нет, не скажу. А думаю, что был это какой-то полячишко.

— Почему вы так думаете?

— А Бог его знает, — смутилась старушка, — откуда в голове такое очутилось?

— Не о Крачковском ли шла речь? — подсказал Вирхов.

— Похоже. Крачковский? Имечко-то шляхетское... Нет, врать не буду, фамилию не припомню. Да и про заказ не говорила, все отмалчивалась, чего шьет... А вот что пришло мне на ум — я тогда над ней посмеивалась,

так, по-доброму, — дескать, не хватит ли в старых девках сидеть, нельзя ли за денежного полячишку замуж выйти?

Женщина вздохнула и задумалась, видимо, представив мысленно свою Аглаю.

— И не уродом была девка, да работающая. Почему нет?

— И что ответила вам Аглая? — спросил Вирхов.

— Стала надо мной, старой дурой, насмехаться. Говорила — он похож на бочонок, поставленный на две кривые оглобли.

— Длинноногий, значит. — Вирхов не заметил, как машинально начал подкручивать кончик своего пшеничного уса. — С брюшком. А лет, лет ему сколько? Не говорила?

— Про лета не упоминала, — покачала головой старушка. — Только я думаю, если б он моложе ее был, она бы сказала. Значит, по возрасту подходил. Или постарше ее.

— А где живет, не упоминала, как познакомилась?

— Нет, батюшка, ничего не знаю. Может, на гуляньях в Екатерингофском — раза два она там была. А так все с иголкой сидела.

Карл Иванович встал и начал расхаживать за спиной посетительницы. Пауза затянулась. Молоденький кандидат Павел Миронович Тернов проскользнул в дверь и замер, встав у широкого подоконника, где лежали вещественные доказательства, проходившие по другим делам: фомка — воровской лом — да пузырек с темной жидкостью.

Старушка оглянулась и через плечо спросила:

— А вы, батюшка, уж не полячишку ли в убийстве подозреваете?

Вирхов остановился.

— А когда Аглая должна была богатый заказ выполнить? Не к Пасхе ли?

— Чего не знаю, того не знаю, — огорчилась старушка, — кабы знать заранее, что такая беда грянет, поспросила бы и вдоль и поперек, а так не любопытничала, грешна... Хотя погодите... Аглаша обещала мне на огородишке помочь — вот на будущей неделе, говорила, посвободнее буду. Верно, к Пасхе и должна была управиться.

— А не было ли у Аглаи другого сердечного дружка на примете? — И так как Лукерья не отвечала, Вирхов решил помочь ей: — Художник, например, что выше этажом жил? Про него Аглая ничего не говорила?

— Хвалила его, она у него по хозяйству хлопотала, да и жалела очень. Иной раз, говорила, затемно работает, поесть забывает. Если бы не Аглаша, так и с голоду помер. Но чтоб замуж ее звал, речи не было. — И так как Карл Иванович слушал внимательно, не перебивал и сердечными

делами покойной племянницы явно интересовался, Лукерья Христофоровна совсем разоткровенничалась: — А кто их знает, дело молодое. Денег у него не брала, я спрашивала, да он и не предлагал. На еду, правда, давал да подарки делал, то шаль, то сережки позолоченные подарит. Не обижал он ее, не слышала...

— А какие отношения были у вашей племянницы с хозяйкой, Матильдой Яновной?

Вирхов намеренно избегал в разговоре употреблять слово «покойная».

— В гости к друг другу ходили. Матильда-то женщина одинокая, скучно ей. Родни в Петербурге никакой. Дом от покойного мужа достался, вдовеев она давно, бездетная. Нет, хозяйка Аглашу жаловала, за чистоплотность уважала, заказчиков ей приискивала.

— Спасибо, Лукерья Христофоровна. — Вирхов чувствовал исчерпанность допроса, ничего более свидетельница сообщить ему не могла. — Я распоряжусь, чтобы вас до вашего дома доставили, а то вам далеко добираться.

— Спасибо тебе, бабушка, за доброту твою, — поклонилась вставшая со стула старушка, — век за тебя молиться буду.

Письмоводитель поднес бумаги, на которых допрашиваемая поставила крупный крест вместо подписи, потом Карл Иванович проводил свидетельницу до дверей.

Кандидат, белокурый молодой человек с тоненькой шеей, жалобно выглядывавшей из крахмального воротничка рубашки, со светлыми прямыми усиками, не придававшими ему солидности, следил за допросом с затаенным дыханием — теперь наконец-то он мог отчитаться. В полицейской картотеке имя Крачковского не значилось. Не было ни отпечатков его пальцев, ни описаний, ни упоминаний в связи с другими криминальными происшествиями. Вирхов поблагодарил старательного помощника. И призадумался: сведений из адресного стола еще не поступило, а Матильда Бендеревская клялась, что адреса Крачковского не знает. Телефонировать в сыскную бесполезно, сейчас агенты обходят костелы, шныряют по всем значным местам, ищут таинственного поляка, выясняют в православных храмах, не заказывал ли кто-нибудь пелены с именем Дмитрия Донского.

Карл Иванович принял в Светлое воскресенье еще одного посетителя, сторожа Воспитательного дома. Околоточный, примчавшийся в мансарду художника, поспешил с выводами. Да, сторож лежал у крыльца без чувств, лицом вниз, ступени у его щеки были залиты кровью. Но он не был мертв — а только потерял сознание, что установил прибывший на место

происшествия полицейский доктор. Беднягу отвезли в Мариинскую больницу, где оказали первую помощь. Но оставаться в больнице пострадавший отказался, отправился домой. Околоточный, вручавший сторожу повестку, подтвердил, что старик в состоянии прибыть в Окружной суд сегодня.

Вирхов выглянул в серый коридор со стеклянным потолком. В будние дни это казенное помещение, забитое скучающими конвойными, курьерами, оторванными от дел, сидящими с утра до ночи рядом на скамьях, свидетелями напоминало ему гигантский муравейник, и Карл Иванович снова и снова с тоской вспоминал сыскной кабинет на Ново-Исаакиевском с его уютной приемной.

Но сегодня коридор являл собою пустыню. Около его кабинета, украшенного табличкой «Судебный следователь участка № 2», томился кряжистый мужичок в пиджаке, жилете, хромовых сапогах. Из-под забинтованного лба глядели растерянные, близко посаженные глаза. Мужичок сглатывал слюну поминутно — и на его худой шее ходил острый кадык.

Вирхов вернулся, прикрыл дверь и обратился к робкому кандидату:

— Павел Миронович, сами будете следующего свидетеля допрашивать или еще понаблюдаете?

— Пожалуй, я еще присмотрюсь, — покраснел тот, обернувшись на ухмыляющегося письмоводителя, и отправился приглашать свидетеля по делу о пожаре в следственную камеру.

— Ну что, братец, выжил на свое счастье? — приветствовал Вирхов сторожа и кивнул помощнику — тот подвел доставленного к стулу и помог ему сесть. — Кто же тебя так отделал?

Сторож смотрел во все глаза на Вирхова, изучая его массивный подбородок и маленький рот.

— Имя, фамилия, отчество, — мягче сказал следователь, в то время как письмоводитель придвигал к себе очередной лист бумаги.

— Кротов Кузьма Кузьмич, — хрипло произнес сторож.

— Излагай по порядку, как было дело, — вполне добродушно предложил Вирхов. — Все припомни хорошенько. Можешь? Или запамятовал?

— Все помню, господин следователь, — ответил Кротов, — да только вы мне не поверите.

— Твое дело рассказать, а наше дело понимать, — изрек важно Вирхов. — Не тушуйся, братец. Если что — поможем тебе. Итак?

— Мое дело предупредить, — виновато опустил голову сторож, — а

там Бог нам судья.

— С этим не спорю, — согласился Карл Иванович. — Не надо ли воды?

— Нет, господин следователь, не надо, — вздохнул Кротов, — а за заботу спасибо. Да и чувствую я себя терпимо. Как все произошло? Сам не знаю. Обходил я, как всегда, вокруг Воспитательного дома да завидовал тем, кто в этот час в храме стоит, ангельское пение слушает, Воскресению Божьему радуется. Грустно мне было... Один раз обошел — все тихо, спокойно, другой, третий... А может, и четвертый — уж не упомяну точно. В который раз пошел, поднял голову, смотрю, на стекле оконном блики какие-то пробежали. Остановился, чтобы поглубже заглянуть. А там, в окне, и вижу, что писанный портрет императора Петра вдруг начинает снизу светом освещаться, да свет все более и более разгорается... А потом и языки пламени выросли. Ахнул я, да глаз отвести не могу — зашевелился Петр, заблестали очи его царские, стали руки двигаться. Будто ожил на моих глазах... Уж и понял я, что пожар начинается, а все глаз отвести не могу от ожившего императора, как колдовство какое-то... Но и это еще не все... Только хотел я бежать пожарных вызывать, как прямо передо мной в стекле еще одна фигура возникла — маленькая, черненькая с ног до головы... Вот он-то, арап Петра Великого, арапчонок, вскочил на подоконник, рвет раму, как будто хочет выпрыгнуть на меня да живота лишиться... Бросился я стремглав, обо всем забыв, а куда бросился — и сам не понимаю, такой ужас меня охватил... Вспыхнули в душеньке моей отчаянные мысли: говорили же мне в трактире мужики, что поверье сложилось... Воскреснет Петр в последнюю Пасху перед праздником двухсотлетия да наведет порядок в стране... Но кто же знал, что вместе с ним и арапчонок явится?

— погоди, погоди, братец, — очумевший Вирхов тряс головой и пытался осознать услышанное. — Так это арапчонок тебя по голове ударил?

— Нет, ваше благородие, убежал я, насилию ноги унес. Да видно, Бога чем-то прогневал... Со страху в темноте запнулся о камень да об каменную ступеньку крыльца и расшиб голову... А уж дальше не помню ничего...

— Да, занятная история. — Карл Иванович откинулся на спинку стула и смотрел задумчиво на сторожа. Не в бреду ли он? — А не припомнишь ли ты, дружок, накануне или того ранее не бродили ли поблизости какие личности подозрительные?

— Все было чинно и благородно, — ответил уверенно сторож. — В толк не возьму, как пожар мог произойти? Печи с утра протапливали. Ворота заперты были прочно, двери тоже. Посторонних не было... Да и в

парадный зал дверь с вечера запирается...

— А не мог ли кто-то там зажженную свечу оставить по недосмотру? — поинтересовался Вирхов. — Не произошло ли самовозжигание от огня, упавшего на паркет?

— В парадном зале установлено электрическое освещение по милости благодетельницы нашей, Ее Величества Вдовствующей Государыни Марии Федоровны, — ответил Кротов.

— А кто мог в это время находиться в парадном зале?

— Да кому ж там быть в эту пору? Да и ключ надзиратель в сейфе держит.

— Да, там мы его и обнаружили. И надзирателя вызвали из-за праздничного стола, — подтвердил Вирхов и задал следующий вопрос: — А есть ли в Воспитательном доме кто-нибудь, кто ходит босиком?

— Босиком, в апреле? Так зябко ж еще... И такой-то уж рвани босаяцкой у нас не бывает, — обиделся Кротов.

— И тем не менее какая-то рвань к вам заглядывает, — усмехнулся следователь.

— Прошляпил я кого-то, получается, — поник Кротов, — неужто поймали злодея?

— Поймать не поймали, — вздохнул Вирхов, — а следок обнаружили. Очень характерный следок. На сырой земле возле кустов.

— Думаете, призрак арапчонка? — побледнел Кротов. — Тогда по приметам его легко разыскать!

— А вот зачем он материализовался да еще решил бродить по городу? Это и есть самый интересный вопрос. — Вирхов встал из-за стола.

Глава 8

Карл Иванович Вирхов, вспоминая свою давнюю знакомую Полину Тихоновну Коровкину, был прав — первый день светлой седмицы симпатичная ему дама провела в одиночестве.

После праздничного завтрака, покидая тетушку Полину, чтобы нанести визиты своим постоянным пациентам, Клим Кириллович Коровкин чувствовал себя неловко, потому что пасхальной ночью отступил от своего обычного правила: не ходить в чужие квартиры к малознакомым людям. В прихожей, уже одетый в пальто с каракулевым воротником, он поцеловал тетушку Полину. Конечно, нанести визиты пациентам он мог и в другой день, но очень ему хотелось сбежать от рассуждений об убитой вышивальщице и пожаре в Воспитательном доме.

Доктор вышел на улицу и, взяв извозчика, отправился на Караванную — в первую очередь следовало навестить княгиню Татищеву.

По мере того как экипаж удалялся от дома на Большой Вельможной, доктор все более и более отвлекался от тягостных дум. Город сиял чистотой и нарядным убранством. Повсюду флаги, разноцветные стеклянные фонарики, развешанные на протянутой между столбами проволоке, звезды и вензеля, составленные из светящихся в темное время трубок.

Клим Кириллович довольно быстро очутился на Невском. Фасады зданий до самой крыши были покрыты вывесками и броскими плакатами, за зеркальными окнами многочисленных магазинов громоздились выставленные напоказ товары. По широким тротуарам сплошной стеной двигалась празднично одетая публика, и на лицах прохожих доктор читал какое-то особое выражение.

Особенная суতোлка наблюдалась на солнечной стороне, где фланировала золотая молодежь, молодящиеся старички, скучающие дамы, явно готовые завести случайные знакомства. Посередине улицы, придерживаясь правой руки, чтобы не мешать встречным, мчались кареты, коляски, шарабаны, извозничьи пролетки. То и дело звенел колокольчик: кучер конки давал сигнал зазевавшимся пешеходам или извозчикам. На углах перекрестков газетчики с кожаными сумками через плечо, в форменных фуражках с названием газеты на медных бляхах выкрикивали сенсационные сообщения своих газет.

У ограды Екатерининского сада, напротив роскошного, еще не освобожденного полностью от лесов новомодного Елисейского палаццо, доктор Коровкин увидел какого-то побирושку. Мужчина с черной повязкой на глазу сидел, поджав ноги, прямо на тротуаре. На коленях его лежал сверток, похожий на спеленутого младенца. Сердобольные горожане подавали милостыню несчастному, но доктор Коровкин был убежден, что младенец у босяка фальшивый. Уже миновав то место, где сидел попрошайка, доктор обернулся — в тот момент, когда извозчик остановился, пережидая поток экипажей, чтобы свернуть на Караванную, — и увидел, что к нищему приблизился человек в форме Ведомства Императрицы Марии. Показалось доктору или нет, но в нем было сходство с вчерашним знакомцем Дмитрием Формозовым.

С этим ощущением доктор Коровкин вошел в жарко натопленный кабинет старой княгини Татищевой. В стороне от изразцовой печи из расписного мейсенского фаянса стояла ширма из бамбука и нежно-голубого китайского шелка, увитая сочными ветвями исландского плюща. Живые цветы в старинных китайских вазонах: глоксинии с крупными бархатистыми листьями, нежные перистые аспарагусы, темно-зеленые олеандры с красными и розовыми цветами в изобилии расплозились по всей комнате. Изящные жардиньерки с цветущими примулами, являвшими все оттенки розового, красного и светло-лилового, странно выглядели около широченного, заваленного бумагами и книгами стола.

Лицо старой дамы, восседавшей в этом цветнике, — смуглое, морщинистое, крупной резкой лепки — при виде доктора Коровкина осветилось улыбкой.

— Христос Воскресе, дорогой Клим Кириллович, — сказала она и, привстав, сдержанно облобызалась с подошедшим гостем. — Прошу присаживаться.

— Надеюсь, княгиня, вы здоровы, — галантно осведомился доктор, садясь в кресло и расправляя фалды визитки.

— Жалоб на здоровье не имею, — ответила хозяйка, — хотя поститься мне уже тяжеленько... Последние дни испытывала такую телесную легкость, что иной раз и до головокружения доходила...

— Не посоветоваться ли вам со своим духовником? — предложил доктор. — Может, позволит вам отойти от излишней строгости в пост.

— Да я уж и сама об этом подумывала, — призналась княгиня, — помирать раньше времени не хочется... Тем более что архив и коллекцию покойного мужа оставить мне не на кого.

Она посмотрела со значением на доктора — Клим Кириллович

чувствовал себя немного смущенным, в последнее время старая княгиня частенько заговаривала с ним на эту тему. Единственная дочь ее, Ольга, по-прежнему прозябала в старых девах, неважный характер в общем-то симпатичной девушки сводил на нет любые попытки матери подыскать ей подходящую брачную партию... И не надумала ли старая княгиня склонить доктора к браку с Ольгой?

— Не перегружаете ли вы себя работой? — нашелся Клим Кириллович, сделав вид, что не понимает взгляда пациентки. — Не вредно ли это? Может повыситься внутричерепное давление...

Княгиня неопределенно взмахнула маленькой ручкой, усеянной старинными перстнями.

— Ах, доктор, оставьте, не пугайте меня. Внутричерепное давление бывает только от безделья. А когда голова работает, то никаких последствий нет. Сами знаете, если какой-то механизм пылится без дела, то он ржавеет.

— Вы, наверное, занимаетесь изысканиями, связанными с историей Петра Первого? — лукаво улыбнулся доктор. — Сейчас это модно.

Княгиня согнала улыбку с лица и жестко ответила:

— То, что модно, меня не касается. А то, что я вижу в архиве мужа, боюсь, способно только испортить образ Петра.

— У вас есть какие-то неизвестные документы? — поинтересовался доктор. — Не собираетесь ли экспонировать их на какой-нибудь выставке?

— Документы у меня есть, — усмехнулась княгиня, — да экспонировать их нельзя.

— Неужели такие ветхие? — приподнял брови доктор.

— Милый Клим Кириллович, — вздохнула княгиня Татищева, доверительно наклонившись к симпатичному ей молодому человеку, — дело не в ветхости. А в решениях Международного исторического конгресса.

— Да? — удивился доктор. — Мария Николаевна Муромцева, бестужевская курсистка исторического отделения, говорила, что и наши историки ездили на этот конгресс. И посол наш в Риме Нелидов удачно выступил там. А какое отношение конгресс имеет к Петру Первому?

— Конкретно к нему — никакого, — Татищева явно подбирала слова, — но эта международная банда приняла решение действовать по единому плану.

— Простите, Христа ради! — воскликнул доктор. — Но я ничего не понимаю!

— Дорогой мой, — тряхнула головой княгиня, — вдумайтесь сами. По

какому такому единому плану?

— Ну, э-э-э... единому плану всемирной истории... — растерянно произнес доктор.

— А кто составил этот план? — недобро усмехнулась Татищева.

— Не знаю, как-то не думал об этом, — пролепетал Клим Кириллович. — А разве это не объективное знание?

Чем дольше доктор говорил, тем явственнее видел издевку на морщинистом лице своей пациентки.

— Хорошо, я объясню вам все на пальцах, — решительно заявила она. — Вы знаете, что существует в мировой медицине понятие микроба или бациллы. Немецкие медики говорят вам, что есть палочка Коха или чумная бацилла. Вы им верите?

— Да, — охотно согласился доктор, — тем более, что могу проверить с помощью микроскопа.

— Вот то-то и оно, — злорадно продолжила княгиня. — А теперь скажите мне, откуда вы знаете про Александра Македонского?

— Я? Из истории... — после раздумья ответил доктор. — Но и история опирается на какие-то документы...

— Именно что на какие-то... — сурово изрекла княгиня. — Их вы не видите и под микроскопом рассмотреть не можете. А если у меня, допустим, есть документ, летопись или грамота, в которой сказано, что Александр Македонский в знак прекращения войны закопал пицаль и построил храм?

— Фальшивка! — не задумываясь, заявил доктор.

— А почему вы так решили? Вы изучили мой документ под микроскопом? — С победоносным видом старая княгиня откинулась на высокую, обитую красным бархатом, спинку кресла.

— Нет, — понурился ее собеседник, — просто я опираюсь на авторитет мировой науки.

— Вот мы и дошли до сути дела. — Лицо княгини смягчилось. — А если этот авторитет зиждется на фальшивых документах?

— Вы думаете, ученые искажают и историю России? — осторожно спросил доктор.

Княгиня снова усмехнулась и продолжила:

— Почему бы и нет, если она не соответствует единому плану? Конгресс призывает лучшие умы Европы и Америки развивать уже существующую версию. Чем все это чревато?

— Думаю, тем, что документы, противоречащие ей, будут объявляться недостоверными и уничтожаться... — предположил доктор.

— Правильный вывод, — поощрила его княгиня.

— А ваши опасения имеют отношение к Петру Великому? — спросил он. — Вы владеете документами, которые могут изменить наше представление о нем?

Княгиня таинственно улыбнулась и промолчала.

— Кстати, — встрепенулся гость, — недавно в Петербург приехал один англичанин. Поразительно похож на Петра Великого. Я знаком с ним.

— А как фамилия англичанина? — В глазах хозяйки блеснул хищный огонек.

— Он представляется баронетом. Чарльз Стрейсноу.

Княгиня задумалась.

— Стрейсноу, Стрейснёу, Стрейснёв... — повторяла она, вслушиваясь в звучание слова. — Похоже на Стрешнёва... А нет ли у него перстня с сердоликом?

От неожиданного вопроса доктор вздрогнул.

— Перстень вроде бы есть, но не помню, с сердоликом ли...

— А по виду древний? — продолжила допрос княгиня. — Как вам показалось?

— При случае рассмотрю получше, — заверил доктор. — А что, этот перстень может о чем-то свидетельствовать?

— Да, если в нем есть тайник, а в тайнике прядка волос, а на крышке тайника миниатюрный женский портрет.

— И это как-то связано с Петром Великим? — спросил похолодевший доктор.

— Существует в России выморочный род Стрешнёвых, — объяснила княгиня, — в петровское время знатный и влиятельный. Один из представителей рода был влюблен в Евдокию Лопухину.

— В супругу императора Петра?

— Да, вернувшись из-за границы, царь отправил несчастную женщину в монастырь. И в роде Стрешнёвых есть предание, что из своего монастырского заточения отослала она на память влюбленному в нее юноше Стрешнёву перстень. Дальнейшие сведения об этом юноше туманны и противоречивы...

— Ничего не понимаю, — признался озадаченный доктор. — Евдокия Лопухина родила царю сына Алексея, впоследствии казненного отцом. Более детей у нее не было, кажется. Как же может мистер Стрейсноу, даже если он является потомком того самого влюбленного Стрешнёва, быть так разительно схожим с императором?

— Вот это-то и любопытно, — заключила княгиня. — Если будет

возможность, привезите-ка, голубчик, его ко мне. Скорее всего, его жизни может угрожать опасность.

— Из-за сходства с императором Петром Великим? — уточнил доктор.

— Ах, голубчик, неплохо было бы доказать и это — имел ли человек, которого мы называем Петром Великим, право на российский престол?

Глава 9

Огромная театральная люстра, свисающая с расписного потолка, медленно гасла. Шум и говор в партере стихали, обитатели лож устраивались поудобнее, легкое движение и толкотня галерки не доносились до слуха доктора Коровкина и дочерей профессора Муромцева, сидящих в ложе второго яруса. Девушки были охвачены предвкушением предстоящего зрелища — так, по крайней мере, казалось их спутнику.

Но на самом деле Брунгильда Николаевна к предстоящему театральному действию относилась весьма скептически — она сомневалась, стоит ли выводить на театральную сцену обитателей городского дна: босяков и воров, пьяниц и нищих. Ее консерваторские подруги говорили ей, что пьеса Максима Горького заставляет состоятельную буржуазию и чванливую аристократию увидеть в бедном человеке — Человека с большой буквы, существо, имеющее право на достойное место под солнцем. Брунгильда Николаевна и до на шумевшей пьесы считала, что городское отребье, обитатели трущоб и ночлежек, достойны сочувствия и милосердия.

Подобные мысли в хорошенькой головке известной пианистки мешались с думами о Чарльзе Стрейсноу — он собирался сегодня с ними на представление московских гастролеров, но намерение свое изменил — телефонировал Муромцевым и сослался на плохое самочувствие. Действительно, голос у него звучал слабо, временами прерывался. Жаловался он на боли в животе — захвативший за сестрами доктор Коровкин выслушал по телефону подробный отчет возможного пациента о его недуге, и только явное нежелание англичанина принять помощь готового отправиться к нему доктора заставило Клима Кирилловича отказаться от намерения завезти барышень в театр, а самому устремиться в гостиницу, к прихворнувшему баронету. Ограничились тем, что доктор из ближайшей аптеки с посыльным отправит в гостиницу на имя мистера Стрейсноу новое чудодейственное средство пурген с соответствующими предписаниями о приеме. Мура высказала предположение, что сэр Чарльз отравился уайтстельскими устрицами, но Клим Кириллович считал, что расстройство вызвано скорее всего непривычностью английского желудка к невской воде, оставляющей желать много лучшего.

Но не только неожиданное недомогание английского гостя тревожило

Брунгильду. Ее беспокоило и другое: на пути в театр, обозревая из экипажа сверкающий праздничными огнями весенний город, Брунгильда заметила вблизи Поцелуева моста у одной из подворотен долговязую фигуру с зонтиком в руках, в шляпе, низко надвинутой на лоб. Видение мгновенно скользнуло прочь от фонаря и тут же растворилось во влажных густеющих сумерках — и все же у Брунгильды мелькнула дикая мысль, что это ни кто иной, как сэр Чарльз. И теперь она сильно сомневалась, лежит ли баронет в своем гостиничном номере, страдая животом, или он солгал?

Далеки от спектакля были и мысли Муры Муромцевой. Да, она, конечно, видела декорации, от одного созерцания которых хотелось заткнуть нос — заваленные тряпьем нары, грязные рогожи, драное тряпье. Она слышала речи опустившихся людей, сопровождаемые звуками граммофона: разговоры злобного слесаря Клеща, чахоточный кашель его умирающей жены Анны, до ее слуха доносилась бессвязная болтовня картузника Бубнова, рыхлой мещанки Квашни и еще каких-то обитателей ночлежки — в том, кто есть кто сразу было разобраться невозможно. Но одновременно Мура думала о докторе Коровкине. Он не похвалил ее платье — одно из тех, что привезла сестра из Парижа. А нежный пепельный оттенок платья очень идет ей, и покрой выгодно подчеркивает тонкую талию.

Судя по всему, доктор знал, что сегодня в театре встретится с этой несносной, слащавой фрейлиной. По крайней мере, увидев ее, он не удивился. Катя Багреева, в сопровождении Дмитрия Формозова, сидела в ложе бельэтажа — именно туда и обращал взоры доктор Коровкин, слишком частые, по мнению Муры. Она, нарушая все приличия и виновато поглядывая на Брунгильду, поминутно спрашивала доктора: «А это кто?», «А кто его играет?», «А о чем они говорят, я не расслышала». Тот отвечал рассеянно, невпопад. Наконец Мура демонстративно обернулась к нему и с деланным возмущением прошипела:

— Милый Клим Кириллович, разве вам неинтересно? О ком вы думаете?

Ответ доктора заставил ее не на шутку рассердиться:

— О Петре Великом, — он приблизил губы к розовому ушку беспокойной соседки, — меня поразила княгиня Татищева. Она сомневается, что Петр Первый законный российский император.

Княгиня Татищева вызвала в его сознании целую бурю. Если Петр не имел прав на российский престол, то не имел их и сын его, убитый Алексей. И дочь Петра, Елизавета — самозванка?... Доктор был уверен, что неравнодушная к исторической науке Мария Николаевна Муромцева

потрясена его словами и теперь, глядя из-под мрачно насупленных бровей на сцену, размышляет не о горьковских босяках, а об особах императорской фамилии.

В антракте они встретились с Катенькой и следовавшим за ней стройным чиновником, естественно, разговор зашел о пьесе. Неожиданно для доктора самым пристрастным критиком оказалась Брунгильда.

— Я сочувствую беднякам, — говорила она сердито, — но не до такой степени, чтобы лить слезы над сценическими персонажами, не очень убедительными. Кажется, и Дмитрий Андреевич со мной согласен.

— Я служу на благотворительном поприще, — поглаживая аккуратную темную бородку, чиновник с восхищением смотрел на красавицу. — Вдовствующая Императрица призывает сырых, да и я милостыней нуждающихся не оставляю. Правда, в светлые пасхальные дни несчастных побирушек полиция убрала с улиц.

— Но один-то остался, — благодушно заметил доктор, — сидит, горемыка незрячий с ребеночком на руках прямо на Невском.

Пустячное замечание доктора подействовало на чиновника неожиданным образом: темные глаза его сверкнули, несимметричные брови дрогнули, лицо вытянулось и побледнело, он напряженно смотрел на улыбающегося доктора.

— Проезжал сегодня по Невскому, видел несчастного и подающих ему, — торопливо добавил Клим Кириллович.

— А как красив Васька Пепел! — Мура, пораженная реакцией чиновника на безобидное замечание доктора, поспешила сменить тему. — В такого должны все барышни влюбляться!

— Вор он! — возмущенно откликнулась Брунгильда. — А показан как истинный герой. Да еще этого Барона, опустившегося аристократа, лаять заставляет! Ужасная мерзость!

Екатерина Борисовна во время беседы сохраняла молчание, была грустна, и доктору показалось, что веки ее чудных глаз слегка воспалены, — неужели она так сопереживает происходящему на сцене? Изредка юная фрейлина с каким-то странным выражением лица глядела то на доктора, то на барышень. Клим Кирилловичу даже показалась, что она сожалеет, что не может поговорить с ним один на один немедленно.

Мура не отпускала доктора ни на шаг, стараясь показать новым знакомым, что Клим Кириллович является собственностью муромцевских барышень, чувствовала: доктор и фрейлина подавали друг другу глазами какие-то сигналы!

И в следующем антракте поговорить с Мурой и с фрейлиной доктору

Коровкину не удалось — некстати явился в фойе давнишний знакомец, Илья Михайлович Холомков. Неувядающая красота тридцатилетнего мужчины — золотистая шевелюра, томные синие глаза, чуть длинноватый, но правильной формы нос, чувственные яркие губы, великолепная фигура при хорошем росте — вновь поразила доктора, но еще большее воздействие имела, кажется, на барышень Муромцевых. Розовый румянец покрыл и прозрачную кожу Катеньки Багреевой. На время девушки забыли о горьковских босяках, поддавшись очарованию непринужденной беседы Ильи Михайловича. Он поведал о том, что недавно вернулся из-за границы, удивлялся, что нигде не встретил там Брунгильды Николаевны, рассказывал забавные истории.

Вернувшись с барышнями Муромцевыми после антракта на свои места, Клим Кириллович посмотрел на ложу, занимаемую внучкой господина Шебеко, — она была пуста. Он и не заметил, как Екатерина Борисовна вместе с господином Формозовым покинули театр.

По дороге домой Клим Кириллович и Мура молча слушали гневные суждения Брунгильды о театральном зрелище. Ее речь прервал пронзительный трубный звук, характерный непрерывный звон колокола, и экипаж, в котором ехали Клим Кириллович и барышни Муромцевы, резко свернув к тротуару, остановился. Мимо промчался на верховой вороной лошади пожарный с поднесенной ко рту трубой, за ним неслась квадрига — четверка горячих могучих лошадей, запряженная в линейку. На продольных скамьях длинной повозки спиной к спине сидели пожарные в сияющих касках, над скамьями, на особом стеллаже, лежали багры и лестницы. Вслед за линейкой с такой же бешеной скоростью следовала пароконная повозка с пожарным инвентарем: катушками, шлангами, а за ней, тоже на пароконной подводе — блестящая даже в темноте паровая машина, предназначенная качать воду. Замыкал длинный обоз медицинский фургон. Несмотря на поздний час, за обозом бежали любопытствующие зеваки.

Пока ярко-красные экипажи следовали мимо, Клим Кириллович привстал в коляске и осмотрелся: на пожарной каланче он увидел три зажженных фонаря — пожар был серьезный. Он вышел из коляски и проследовал вперед. Свернув за угол, он увидел горящее здание. Пожарные уже приступили к работе: выломав двери и разбив в двух окнах стекла, они стали пускать струи воды внутрь помещения. Оттуда повалили удушливые клубы густого черного дыма. Пожарная паровая помпа подавала воду сразу в несколько шлангов. Всем действием руководил богатырского роста брандмейстер в зеленом офицерском сюртуке, фигуру его освещали двое

пожарных с факелами в руках.

Клим Кириллович вернулся к коляске. Его встретили две пары встревоженных глаз.

— Придется добираться в обход, там не проехать: горит здание, где открылась выставка Первого дамского художественного кружка, — сообщил он своим спутникам.

— Боже! — воскликнула Брунгильда, приподнимаясь с сиденья. — Я же должна была завтра здесь выступить! С благотворительным концертом!

— А куда должны были пойти средства, полученные от пожертвований? — спросил доктор Коровкин.

Расстроенная пианистка опустила на сиденье и закрыла лицо руками.

— На поддержание нужд слепых в приюте Вдовствующей Императрицы.

Глава 10

Карл Иванович Вирхов сидел в своем кабинете в глубоком раздумье. Напрасно он вчера вечером надеялся, что к нему в холостяцкую квартиру заглянет король петербургских сыщиков — Карл Фрейберг, видимо, был занят. Зато Вирхов хорошо выспался и с утра сегодня чувствовал себя бодрым и деятельным.

Карл Иванович заново просмотрел бумаги, связанные с происшествиями в пасхальную ночь. Баранья кость, ставшая орудием убийства, указывала на то, что преступник — Роман Закряжный. Но художник яростно отрицал свою вину. Поступили и результаты дактилоскопической экспертизы. К разочарованию Карла Ивановича, на отполированной поверхности орудия убийства отпечатков пальцев Закряжного не обнаружилось. Да и вообще никаких отпечатков найдено не было — очевидно, злоумышленник орудовал в перчатках, а до того тщательно протер орудие убийства. Уничтожить следы мог, конечно, и сам художник.

Погорячился Карл Иванович Вирхов и когда оказывал на подозреваемого психологическое давление, обвиняя Закряжного в организации поджога в Воспитательном доме. Версия с сообщниками выглядела малоубедительной, хотя и красивой — Закряжный в кутузке, а сообщники, сговорившиеся заранее, поджигают здание, чтобы обеспечить главарю алиби.

Предыдущая ночь тоже не обошлась без пожара. Горело помещение, в котором располагалась выставка Дамского художественного кружка. Был там и портрет императора Петра кисти Романа Закряжного. Художник пока не знает, что еще один его «шедевр» уничтожен. Пожары в Петербурге, конечно, не редкость, но в этих двух есть какая-то странность. Каменная Адмиралтейская часть, по сравнению с другими, горит редко, оба пострадавших здания содержались в порядке, требования пожарных соблюдались. Хуже всего, что оба пожара косвенно задевают Вдовствующую Императрицу. Вирхов в совпадения не верил. Он не сомневался, что имели место поджоги. Но в кого метили?

Вирхов перебрал все донесения, поступившие на этот час в его кабинет из сыскальной полиции. Страховой агент Багулин после пасхальной ночи отправился к себе домой — видимо, отсыпаться. Во второй половине дня

вышел из дома и сделал несколько визитов — ездил поздравлять вышестоящих чиновников страхового товарищества «Саламандра». По пути заскочил в лавровые оранжереи Таврического дворца, где выставлена для приема заказов гнутая садовая мебель фирмы Шлоссберга, клиента «Саламандры». После выставки образцы планировали передать в собственность мастерских приюта св. Ольги, находившегося, между прочим, под покровительством Марии Федоровны. Ближе к вечеру посетил Багулин Екатерингофский дворец, после этого отправился ужинать в «Фортуну». Оттуда загулявшего клиента, находившегося в полубессознательном состоянии, доставил домой извозчик, в пролетку Багулина усаживал швейцар ресторана.

Дмитрий Андреевич Формозов, доставив вместе с двумя полицейскими из квартиры художника портрет Петра в Аничков дворец, вернулся ближе к утру на свою казенную квартиру. Отоспавшись, явился вновь во дворец, приглядеть за установкой портрета, затем подался в Исаакиевский собор, где около часа беседовал с настоятелем, затем поехал на Мойку, к дому, где проживали господа Шебеко.

Полдня валялся в постели и долговязый англичанин Стрейсноу. Заказал завтрак себе в номер, говорил по телефону, затем пошел в одиночестве побродить по городу и где-то у Поцелуева моста свернул в грязную подворотню. Агент не сразу понял, что та ведет в три проходных двора, и не смог определить, куда свернул англичанин. С час протоптался агент на набережной Мойки, не выпуская из виду злосчастную подворотню, и уже собирался мчаться вновь к гостинице, чтобы там поджидать объект наблюдения, но англичанин появился — шел медленно и, оказавшись на тротуаре, начал озираться. На его счастье, мимо проезжал извозчик и именно на нем мистер Стрейсноу возвратился опять в гостиницу. Более из своего номера не выходил. Ни с кем не встречался.

Гораздо лучше обстояли дела с господином по фамилии Крачковский. В Петербурге удалось найти четырех Крачковских. Под описания Лукерьи, тетки убитой мещанки Фоминой, и домовладелицы Бендереевской подходил один. Высокого роста, лысоватый, внушительное брюшко его колыхалось над длинными кривоватыми ногами. Он не отрицал, что обращался к вышивальщице, и даже предъявил вышитый Аглаей халат, разумеется, не холщовый, а бархатный, и разукрашенный шелковыми драконами. Опять же — ничего о Дмитрие Донском на халате не было написано. Да и халат этот, по утверждению господина Крачковского, забрал он у Аглаи за три дня до Пасхи. Было у него и твердое алиби — хозяин ресторана «Семирамида», метрдотель и все опрошенные служащие подтвердили, что

в предполагаемое время убийства вышивальщицы господин Крачковский вместе с господином Холомковым разговлялись в отдельном кабинете ресторана.

Помощники Карла Ивановича собрали сведения и о происхождении основных фигурантов дела.

Роман Закряжный, сын мелкопоместного дворянина из Херсонской губернии, приехал в Петербург совсем юным, сразу был принят в Академию художеств, учился у Чистякова, стажировался в Риме, но курс неоднократно бросал, потом возвращался снова. Слабости к крепким напиткам не имеет, на бегах не играет. Неуживчивый характер и самомнение развели его с передвижниками, пробовал выставяться вместе с художниками «Мира искусства», но повздорил с ними по поводу трактовки образа Петра. Долго бедствовал. По протекции члена попечительного Совета Ведомства учреждений Императрицы Марии — Липатко, имеющего поместья в Херсоне, — получил заказ на портрет Петра для Воспитательного дома. После этого материальное положение Закряжного выправилось, последовали хорошо оплачиваемые заказы от казенных учреждений на портреты великого императора, но образ жизни и мастерскую Закряжный не переменил...

Матильда Ваньковская, по мужу Бендерская, — обрусевшая полька из Томашовского уезда Люблинской губернии, дом в К-ком переулке достался по наследству от мужа Адама Бендерского, вдовствует десять лет, детей, родни не имеет. Поведения благонамеренного, дом содержит в порядке.

Модест Багулин — сын разорившегося купца из Гатчины, живет в небольшой квартирке, охвачен стремлением собрать хоть какой-то капитал, без усталости работает на страховом поприще. Человек приятный, общительный, балагур. Страховое товарищество «Саламандра» подтвердило, что Модест Багулин — один из лучших страховых агентов: тогда как основная масса едва зарабатывает рублей сорок-пятьдесят в месяц, улов Модеста Багулина доходит в иные месяцы аж до двухсот рублей!

Дмитрий Формозов — единственный сын инспектора уездных училищ Архангельской губернии Андрея Венедиктовича Формозова и его супруги Ксении Карповны закончил гимназию, затем университет, после чего пошел по линии Министерства просвещения... По рекомендации казначея Человеколюбивого общества Михайловского, дальнего родственника матери, был принят на службу в Ведомство учреждений Императрицы Марии Федоровны. Скромный, опрятный, услужливый, добросовестный,

нареканий по служебной линии не имеет.

Что же касается мистера Стрейсноу, то относительно него еще вчера был отправлен запрос в Англию, но сведения придут не ранее, чем через несколько дней. Одно можно утверждать с уверенностью, отпечатки пальцев мистера Стрейсноу не значатся ни в одной дактилоскопической картотеке России.

Впрочем, то же самое относится и к господам Багулину и Формозову.

Вот и получается, что, как ни крути, основной подозреваемый в убийстве — Роман Закряжный, привравший насчет холста с вышивкой. Карл Иванович встал с кресла, прошелся по комнате, поглядел в окно. Даже сквозь стекла было слышно звонкое щебетание птиц — и это в начале апреля! Наверное, весна будет ранней, а лето — жарким.

Вирхов три раза присел, вытянув руки вперед, затем сделал несколько наклонов туловища в сторону — с удовольствием почувствовал, как напряглись мышцы на плечах и спине. Для своего возраста он был еще в очень неплохой форме.

Взбодрившийся таким образом следователь решил прекратить бесплодные размышления и начать действовать.

Он подошел к столу и нажал кнопку электрического звонка. Когда появился дежурный курьер по коридору, велел ему привести в кабинет задержанного Романа Закряжного. Потом заглянул в смежную комнату и пригласил притихших там письмоводителя и кандидата занять свои места в кабинете.

Художник явился в дверях кабинета и быстро устремился к вирховскому столу, на ходу выпаливая вопрос за вопросом:

— Ну что, Карл Иваныч, что? Удалось ли вам найти злодея? Пойман ли святотатец, покусившийся на произведение искусства?

— Сядьте, господин Закряжный, сядьте, — осадил его Вирхов. — И отвечайте лучше на мои вопросы.

Художник, всклокоченный еще более прежнего и, кажется, не спавший ни минуты с того момента, как был арестован, механически опустился на стул и костистое лицо его залил румянец гнева.

— Чем вы занимаетесь?! — взревел он. — Гибнет шедевр русского искусства — лучший портрет императора! — а вы меня здесь держите по каким-то глупым обвинениям!

— Спокойно, господин Закряжный, — Вирхов хлопнул ладонью по столу, — прошу без истерики. Обвинения не глупые, а самые что ни на есть серьезные — убита Аглая Фомина. Причем бараньей костью, которая является вашей собственностью. Или признавайтесь, или начинайте

думать. Попробуйте сообразить, как эта кость могла исчезнуть из вашей мастерской.

— Может быть, я, уходя на службу в храм, забыл запереть дверь? — страдальчески сморщился Закряжный. — Если это так, то любой мог зайти ко мне и взять ее.

— А вы что, всегда забываете запирают двери?

— Иногда забываю, — смущенно признался художник, беспомощно оглянувшись на строчившего протокол допроса письмоводителя. — Но я живу на самой верхотуре, туда никто и не заглядывает...

— Значит, заглядывает.

— А что, если это госпожа Бендерецкая? — побледнел художник.

— А в каких вы с ней отношениях? — спросил Вирхов.

— Э... ну... в общем, хороших, приятельских, — замялся арестованный.

— То есть в интимных, — подвел черту под мычанием портретиста Вирхов.

— Не так чтобы уж совсем интимных, но раз или два пригрел... да она алчная, завистливая, себе на уме... Думала, видно, что сможет меня окрутить да всю мою славу и деньги заграбастать. Но я был начеку... Может, поэтому и решила убить Аглаю, а на меня свалить? Тогда все картины ей достанутся.

Карл Иванович ясно представил себе могучие формы домовладелицы, в ее ручках баранья кость может стать грозным оружием.

— И вы думаете, что госпожа Бендерецкая могла украсть холст, которым вы интересовались в квартире Фоминой?

— Могла! Могла! И очень подозрительно, что именно она обнаружила труп бедняжки Аглаи.

— А зачем Бендерецкой пелена к образу Дмитрия Донского? — спросил холодно Вирхов. — И куда она ее девала?

— Откуда я знаю! — Роман Закряжный вскочил. — Вы меня измучили! Я Аглаю не убивал! И почему я сижу здесь, когда там, в моей мансарде, моим картинам грозит опасность!

— Не волнуйтесь, господин Закряжный, — успокоил его Вирхов, все более укрепляясь в мысли, что холст — выдумка, — ваша квартира заперта, а за домом установлено наблюдение. Я окружил его бдительным надзором.

— Но вы ее не знаете! — не унимался художник. — Эта бесноватая эротоманка способна на все, чтобы мне отомстить.

— Не слишком ли вы переоцениваете свою неотразимость для дамских

сердец? — ирония Карла Ивановича призвана была охладить пыл портретиста.

— Нет, не слишком! — с вызовом ответил тот. — Женщины от меня без ума!

— А с покойной Аглаей Фоминой вы тоже состояли в приятельских отношениях?

Закряжный прикрыл глаза и помолчал.

— Аглаша — святая душа, — проникновенно ответил он. — Она мне по хозяйству помогала.

— А подарки вы ей только в благодарность за хозяйственные хлопоты делали?

Художник густо покраснел.

— Как относилась Бендеревская к вашей «дружбе» с Аглаей?

— Думаю, бешено ревновала.

Возникла пауза. Художник ждал следующего вопроса. Для пущего эффекта Карл Иванович не спешил продолжать.

— А на ваш портрет императора Петра, украшающий выставку на Большой Морской, тоже госпожа Бендеревская покушалась? — Светлые глаза под белесыми бровями вперились в лицо допрашиваемого.

— Что? — возопил в отчаянии художник. — Что вы сказали?

— Я сказал, что сегодня ночью еще один написанный вами портрет погиб в огне пожара. — Вирхов выговаривал слова размеренно и четко.

— Не может быть! — на глазах художника появились слезы.

— Может! Сгорел. И госпожа Бендеревская в этот момент грелась на своих пуховиках. А как вы, милостивый государь, объясните мне такую закономерность, — продолжал следователь. — Пожары произошли там, где висят портреты Петра Великого вашей кисти. А вот, например, в Екатерингофском дворце, где есть прижизненные изображения императора, никаких возгораний не наблюдается... Может быть, в ваших работах есть какой-то изъян, вызывающий в неустойчивых душах импульс разрушения?

— Я не понимаю, о чем вы... — Безумный вид художника подтверждал: он не лжет. — Какой я дурак! Боже! Зачем я не застраховал свои работы? Теперь все пропало.

Художник закрыл лицо руками, но через мгновение с новой страстью стал взывать к следователю.

— Карл Иваныч, господин следователь, я начинаю думать, что поджигатель — навязчивый Модест...

— Хватит, господин Закряжный, довольно. — Вирхов встал. — Вы

меня уводите от существа дела. О Модесте позже... Вернемся к Аглае Фоминой. Вы говорили, что видели, как она вышивала на каком-то холсте.

— Да, говорил. — Художник сник.

— А почему же тогда никто другой этого холста не видел? Ни госпожа Бендеревская, ни тетка покойной?

— Не знаю, — безучастно ответил художник.

В этот момент в кабинет следователя заглянул дежурный курьер и громким шепотом поинтересовался, можно ли войти господину Фрейбергу?

Карл Иванович кивнул и пошел к дверям. Лицо его расплылось в широкой улыбке, но двигался он боком — чтобы краем глаза не выпускать из поля зрения поникшего Романа Закряжного.

— Христос Воскресе, любезный Карл Иваныч, — резким, металлическим голосом произнес высокий худощавый шатен, снимая шляпу и лобызая Вирхова.

— Воистину Воскресе, — ответил следователь, заметивший за спиной всегда элегантного короля петербургских сыщиков его ассистента Пиляева. Ассистент любил преобразаться. Ныне его голову украшала новая прическа: короткая стрижка сзади, а спереди — прямой пробор с прядями, уложенными на лоб симметричными полукружиями.

Вирхов крикнул, повернулся и вместе с другом уставился на Закряжного.

— Ну что, мин херц, все сражаешься с задержанными? — чуть покровительственно спросил король сыщиков.

— Никак не могу путеводную нить нащупать, — вздохнул Вирхов.

— А нить-то прямо перед тобой, друг мой, — уголки губ Фрейберга тронула улыбка. Он подошел к Закряжному и стал с интересом рассматривать его огромные стоптанные ботинки. — Решил я тебе помочь, мин херц, как только прочитал сегодня в газете, что при проведении дознания в Воспитательном доме обнаружил ты на почве следок человеческой ноги.

— Да, обнаружил, происхождения непонятного. Но верить басням, что оживший арап Петра Великого босиком разгуливает по городу, не хочу.

— И напрасно, друг мой, напрасно, — хмыкнул Фрейберг. — Отправил я своего доктора Ватсона после этого обследовать пространство вокруг дома, где выставка сегодня ночью горела. И как ты думаешь, что он обнаружил?

Побледневший Вирхов повернулся к фрейберговскому помощнику и покосился на карман его пальто. Не заметив никакого движения ткани,

Вирхов вздохнул с облегчением — значит, ручной крысы Фунтика, постоянного обитателя этого кармана, нет.

Ассистент вынул из нагрудного кармана сложенный лист бумаги и протянул его Вирхову. Карл Иванович развернул лист и увидел четко прорисованный след босой ноги. Дюймов десять в длину.

— Судя по всему, имеет место поджог одним и тем же злоумышленником, который принципиально ходит босым.

Энергичное чисто выбритое лицо Фрейберга сохраняло предельную серьезность.

— Неужели какой-нибудь нищий бродяга дошел до такой дерзости? — спросил Вирхов, разглядывая рисунок. Он сделал шаг по направлению к встрепенувшемуся Закряжному. Художник поднялся и, быстро скользнув глазами по бумаге, воскликнул:

— Это не моя нога! Это нога Модеста! Я точно помню, у него обувь маленького размера!

— Но не ходит же он босиком в апреле по Петербургу! — осадил его Вирхов. — Нет, невероятно.

— Модест это или не Модест, — прервал их Фрейберг, — но господина Закряжного, если я его имею честь видеть, отпустить придется.

— Как? Почему? — опешил Вирхов.

— Потому что ваши люди, Карл Иваныч, плохо обследовали местность, прилегающую к догму, где живет господин художник. А вот мой доктор Ватсон не поленился пройти по вашим следам. И кое-что интересное обнаружил. Не далее как полчаса назад. С этим и отправились спешно к вам. Покажите, голубчик.

Фрейберговский ассистент достал из кармана еще один лист и протянул его Вирхову.

На листе были очертания босой ноги, а под ними надпись, что обнаружен след на земле за дворовой конюшней, примыкающей боковой стеной к задней части здания, где живет художник.

— Хорошо, что дождя не было, — растерянно произнес Вирхов, — след замечательно сохранился. Получается, злоумышленник-поджигатель имеет отношение и к убийству мещанки Фоминой?

Вирхов наложил второе изображение на первое. Очертания полностью совпали.

— Так я оправдан? — вскричал художник. — Я могу идти? Это не моя нога! Это точно!

— Погодите-погодите, — почесал затылок Вирхов. — Насколько я помню учение профессора Османа, такой тип ноги изобличает в

преступнике женщину...

Глава 11

— Меня беспокоит, что сэр Чарльз не пошел вчера на спектакль. — Брунгильда Николаевна Муромцева бережно погладила черно-белые клавиши рояля, на котором она только что закончила непрерывные утренние музыкальные экзерсисы, и задумчиво посмотрела на сидевших тут же, в гостиной, мать и сестру. — И сегодня по телефону его голос звучал слабо, он собирается оставаться в гостинице весь день. Не заболел ли он и впрямь чем-нибудь серьезным?

— Не попросить ли доктора Коровкина навестить мистера Стрейсноу? — участливо предложила Елизавета Викентьевна.

— Клим Кириллович сегодня весь день занят, — ответила Брунгильда. — К сожалению, его услугами нам воспользоваться не удастся.

— Но что же делать? — нахмурилась Елизавета Викентьевна. — Следовало бы навестить мистера Стрейсноу. Я, правда, чувствую себя еще слишком слабой, чтобы самой выезжать из дому. Но прилично ли молодым девушкам навещать холостых мужчин в гостинице?

— Конечно неприлично, мамочка, — закусила губу Брунгильда, — мы и не сомневаемся. Но надо найти какой-нибудь выход.

— А что, если попросить Ипполита? — спросила Мура. — Он, сестричка, тебе не откажет.

— В самом деле, — оживилась Елизавета Викентьевна, — надо телефонировать Ипполиту и выяснить, располагает ли он временем. Если вы не возражаете, эту миссию я могу взять на себя.

Дочери не возражали, и профессорская жена направилась к телефонному аппарату. Ипполит Сергеевич обрадовался предложению сопроводить Муру и Брунгильду в гостиницу к заболевшему англичанину и, со своей стороны, пригласил их до визита в гостиницу прогуляться в Екатерингофский сад. Прынцаев хотел осмотреть его в светлое время суток на предмет велосипедных тренировок. Парк, конечно, достаточно запущен, но в последние годы Общество трезвости, устраивающее в саду народные гулянья, немало постаралось, чтобы привести его в пристойный вид, и, главное, там сохранилась чудесная кольцевая дорога для экипажей.

Дочери профессора Муромцева с удовольствием приняли это приглашение, и через час, нарядившись в весенние пелеринки и новые

шляпки, сидели в коляске. Напротив сияло радужной улыбкой розовощекое лицо велосипедного аса. Молодцеватый извозчик, ухарски заломив свою похожую на лукошко шапку, покрикивал на гнедую лошадку и искусно направлял ее бег по петербургским мостовым.

Коляска въехала в ворота Екатерингофского сада на широкую аллею, вдоль которой стояли высоченные деревья. Поколебавшись, Прынцаев велел ехать прямо, ко дворцу. Остановились около ажурного мостика, перекинутого через канал перед дворцом — двухэтажным деревянным зданием, облицованным дорогой тонкой фанерой.

С максимальной предупредительностью и галантностью Ипполит Прынцаев помог барышням выйти из коляски и велел извозчику ждать. Молодые люди постояли на легком мостике, любуясь тонкими пластинками льдинок в темной воде канала, потом направились ко дворцу, поднялись по чисто вымытым ступеням и вошли в холл — навстречу им поднялся из-за стола седенький старичок в пенсне.

— Чем могу служить, милостивые государи и государыни? — проскрипел он, двигаясь навстречу посетителям.

— Мы бы хотели взглянуть на покои, где хранятся прижизненные вещи Петра Великого, — расцвела в улыбке Мура.

— Должен вас огорчить, барышня, — поклонился хранитель, — но они закрыты на просушку. Могу предложить посмотреть две китайские комнаты, они на втором этаже. Там хранятся все дары, что привез из Пекина императору посол Измайлов.

— Нет, благодарю вас, — смутилась Мура, — меня интересуют портреты Петра Первого, писанные при его жизни.

— Понял, понял, — подхватил старичок, — портреты замечательные, да идти к ним надо через другие комнаты, а потому нельзя. Все заперто на просушку.

— А почему эти комнаты так отсырели? — огорченно спросила Брунгильда. — Разве дворец зимой не отапливается?

— Отапливается, барышня, отапливается, как же без этого, — охотно продолжил старичок. Видно, посетители не баловали его своим присутствием, и он был рад услужить молодым людям. — Дело не в сырости. Дворец-то деревянный, отопление печное, не дай Бог, пожар. Вспыхнет, как спичка... А то и поджечь могут из озорства или по злому умыслу. Но у нас нашелся благодетель, предложил за свои собственные денежки спасти нас от этой напасти. И денег дал, и людей нанял...

— И как же он спасет дворец от пожара?

Прынцаев перестал крутить головой и уставился на высокую печь,

выложенную голландскими, белыми с голубым, изразцами.

— С помощью нового заграничного средства. Им можно пропитать все деревянные предметы: и пол, и стены, и потолок, и мебель, просушить хорошенько — и все. Никакой огонь не страшен, — горделиво приосанился хранитель. — Полы-то и стены уже намазали, теперь сохнет. И ходить туда нельзя. На человеческий организм средство действует неизвестным образом.

— А как же с картинами? — спросила Мура. — Их тоже надо покрывать этим средством?

— Можно покрыть холст с обратной стороны, — объяснил хранитель, — придут мастера, снимут картины и сделают их неопалимыми. С картой труднее.

— С какой картой? — Глаза Муры загорелись.

— О, барышня! — воскликнул восхищенно хранитель. — Это настоящее чудо — карта Российской империи! Она занимает полстены. Говорят, великий император возле нее экзаменовал по географии своих генералов...

— И ее нельзя увидеть? — Искреннее огорчение синеглазой барышни заставило дрогнуть сердце служителя.

— Разве что с порога, через щелочку в двери... Согласны? — после минутного колебания предложил он.

— Конечно! — с радостью выдохнула Мура и двинулась за старичком к широкому деревянным дверям, покрытым белой и золотой красками.

Хранитель достал из кармана сюртука ключ, вставил его в замок и приоткрыл дверь.

Мура с порога заглянула внутрь просторной комнаты, освещенной яркими лучами весеннего солнца, льющимися сквозь высокие окна с металлическими переплетами, в которые были вставлены квадратики толстого голубоватого стекла.

В узком дверном проеме Мура увидела серую стену, на которой выделялись красной линией какие-то странные очертания. Она напрягла зрение и углядела две огромные буквы — сверху и снизу — «S» и «N», юг и север.

— А вы обратили внимание, как необычно расположены концы света? Они поменялись местами — север внизу, а юг наверху, — пояснил хранитель.

Мура с удивлением разглядывала диковинную карту, постепенно узнавая темно-синие извивы Волги, Днепра, Оби, Енисея, Амура.

— Есть и другие несуразности, — улыбнулся хранитель темноволосой

барышне, которая уже отошла от двери для того, чтобы дать взглянуть на карту своим терпеливо ожидавшимся спутникам. — Например, возле Амура обозначено место, куда дошел Александр Македонский. И есть надпись, что там он закопал пицаль и отлил колокол.

— Но как же это могло быть? — поразились Мура. — На Бестужевских курсах нам этого не говорили. Неужели просвещенный Петр Великий думал, что Александр Македонский жил в эпоху огнестрельного оружия? Ведь пицали появились в Европе и в России только в пятнадцатом веке!

— А вы приходите сюда потом, когда просохнут полы и стены, — предложил старичок, — рассмотрите карту поближе и прочтете надпись собственными глазами. Некоторые историки утверждают, что к изготовлению карты приложила руку жена Петра Алексеевича Евдокия Лопухина. И, видимо, она была несильна в науках.

— Но как же Петр мог учить по ней географии своих генералов? Он-то был силен в науке о морях и земле? — спросила Брунгильда. — Всю Европу объездил в юные годы.

— Я не ученый, не историк, — смутился старичок, — я только хранитель. Что знаю, то вам и сообщаю.

— Мы очень вам признательны, — поспешила успокоить его Мура. — Непременно приедем еще раз. Спасибо вам.

Молодые люди отправились к выходу, где их поджидала коляска. С удовольствием опустились они на мягкие, обитые синим сукном сиденья, и коляска направилась по широкой аллее и свернула на дорогу, идущую по периметру обширного парка. Местами на пожухлой прошлогодней траве, на гравийной дорожке еще сохранились жесткие островки потемневшего снега и истонченного льда, из-под которых бежали веселые струйки воды. Около образовавшихся лужиц суетились воробьи и синицы, с явным одобрением поворачивая круглые головки к солнечным лучам. Сквозь обнаженные ветви деревьев виднелись остовы старинных садовых строений, предназначенных на снос. Лишь дважды мелькнули вдали фигурки молодых мешанок с детьми.

Мура не переставала думать о странной карте, Брунгильда втайне мечтала поскорее выбраться из парка и отправиться к заболевшему мистеру Стрейсноу, а Ипполит Прынцаев с удовольствием потирал руки.

— Годится, вполне годится, — говорил он девушкам, которые отвечали ему вежливыми безучастными улыбками.

Он попросил кучера остановиться, энергично спрыгнул на землю и, пригнувшись, старательно ощупал плотную гравийную дорожку. Затем дважды подпрыгнул.

— Здесь вполне можно тренироваться, — радостно сообщил он, заняв свое место в коляске. — Ну-ка, дружок, — крикнул он извозчику, — ездай-ка дальше, проверим всю трассу.

Коляска медленно покатила в дальнюю часть сада, где шатрами раскинулись кустарники ивы и сирени, покрытые зеленовато-желтым пушком проклевывающихся почек. В кустах промелькнула фигура согбенного человека, а после очередного поворота взорам пассажиров открылась покосившаяся деревянная скамейка, на которой сидел какой-то оборванец, а рядом с ним — Дмитрий Андреевич Формозов!

По просьбе Брунгильды коляска остановилась. Девушки с растерянными улыбками взирали на смущенного чиновника Ведомства Императрицы Марии. Господин Формозов встал и подошел к коляске.

— Добрый день, Брунгильда Николаевна, — его улыбка выглядела неискренней, — добрый день, Мария Николаевна.

— Довольно неожиданная встреча, — мелодичным голосом произнесла Брунгильда. — Прошу знакомиться, Ипполит Сергеевич Прынцаев, ассистент отца. А это Дмитрий Андреевич Формозов, трудится на ниве благотворительности.

Мужчины поклонились друг другу.

— Что вы здесь делаете, господа? — Формозов в растерянности оглянулся на сидящего бродягу, который теребил лежавший у него на коленях сверток.

— Хотели осмотреть дворец, — зашепила Мура, — но неудачно. Он закрыт на просушку. А вы, Дмитрий Андреевич, какими судьбами здесь оказались?

— Намеревался в уединении прогуляться. — Мягкий баритон Формозова звучал неуверенно. Преодолев замешательство, он добавил: — Если вы располагаете временем, то буду рад видеть вас сегодня в Аничковом дворце, предстоит освящение портрета, писанного господином Закряжным. Приглашен протодьякон Малинин.

— Мы подумаем, — улыбнулась Мура и лукаво взглянула на сестру.

Брунгильда еще третьего дня уверяла, что именно буйволиный рык протодьякона Малинина притягивает паству в Исаакиевский собор и что у обладателя могучего баса не меньше поклонниц, чем у «душки» Собинова.

— Я-то, к сожалению, воспользоваться вашим приглашением не могу, — сердито фыркнул Прынцаев, — у меня тренировка в гимнастическом зале.

Дмитрий Формозов еще раз поклонился, давая понять барышням, что более не смеет их задерживать.

Коляска тронулась, Мура обернулась и увидела между кустами темную фигурку, двигавшуюся к скамейке, на которой сидели оборванец и Формозов.

Более об этой встрече они не вспоминали. Настроение Принцаева было испорчено: он хмурился и смешно надувал губы. Тем не менее кликнул извозчику, что надо ехать к гостинице Лихачева.

После одуряющей влажной свежести сада, особенно нестерпимыми показались дым и смрад на прилегающих к нему улицах. Увы, зеленый островок все больше теснили подступающие к нему фабрики и заводы. С Бумажного канала тянуло совсем уж мерзкими запахами сточных вод. Это только в центре столица преображалась, хорошела, принаряжалась к юбилею: красили фасады зданий, убирали улицы, мостили дороги, разбивали новые скверы и расчищали старые... А здесь, в окраинной части города, мелькали низенькие каменные строения складов и мастерских, перемежаемые грязными кособокими заборами, за которыми стояли разномастные деревянные домишки, иной раз весьма убогие. Из ворот под ноги лошади бросались куры и собаки. Какое счастье, думала Мура, что они с Брунгильдой редко здесь бывают!..

Мистер Стрейсноу остановился в весьма респектабельной гостинице Лихачева, неподалеку от Аничкова моста. Славилась она не только своей опрятностью, добросовестностью прислуги, говорившей и на европейских наречиях, — но и здоровой кухней. Да и внешне производила впечатление приятное: огромные стекла окон первого этажа давали возможность заглянуть любопытным внутрь холла, украшенного пальмами в кадках, мраморными скульптурами, бронзовыми светильниками и бра. Около камина стояли мягкие покойные кресла.

Швейцар в длинном сюртуке, украшенном гигантскими, позолоченными пуговицами, со старомодным поклоном открыл стеклянные двери перед Принцаевым и его спутницами, и вся троица направилась к стойке портье. У него они узнали, что мистер Стрейсноу находится в своем номере.

Барышни Муромцевы, предводительствуемые Ипполитом Принцаевым, поднялись на второй этаж по пологой, застланной ковровой дорожкой лестнице, и постучали в дверь номера, указанного коридорным.

Из-за двери раздалось слабое, невнятное бормотанье. Принцаев и его спутницы восприняли его как приглашение войти.

Толкнув дверь, они оказались на пороге просторной комнаты с синими, усыпанными розами обоями. Шторы такой же расцветки были задернуты. Комнату освещал голубой фонарь, стоявший на низеньком столике. Рядом

с фонарем лежал фотоаппарат в кожаном чехле и блистала золотом массивная шкатулка. Комнату загромождали мягкие кресла, стеганные голубым джутом, и столики всех размеров. В голубоватой мгле они не сразу разглядели кушетку, притулившуюся у стены рядом с дверью, ведущей в спальню.

На кушетке в темно-синем бархатном халате, расшитом драконами, укрыв ноги клетчатым пледом, лежал сэр Чарльз. Его голова и плечи покоились на высокой подушке. В свете голубой лампы лицо его казалось особенно бледным, каким-то синюшным, глаза горели лихорадочным огнем.

Из-за спины Ипполита Мура заметила, что на лице больного отразилось недоумение при виде незнакомого посетителя. Потом взор круглых черных глаз упал на Брунгильду и Муру: щеки и лоб англичанина залила пунцовая краска.

Он резко сел. Лицо его скривилось. Затем он встал — странным рывком выпрямил тело, откинул плед, повернулся и сделал несколько шагов по направлению к визитерам.

Он не успел сказать ни слова. Внезапно лицо его побледнело, на лбу появилась испарина, он покачнулся и с грохотом рухнул на ковер к ногам Ипполита. Прынцаев вздрогнул и машинально отпрыгнул в сторону, едва не задев окаменевшую с полуоткрытым ртом Брунгильду.

— Мистер Стрейсноу! Мистер Стрейсноу!

Мура бросилась к распростертому на полу англичанину. Он упал как-то неловко — запястье правой руки легло на его горло, и Муре показалось, что это мешает сэру Чарльзу дышать. Она осторожно попыталась отвести руку и задела полу синего халата.

Взору Муры, Ипполита и Брунгильды, замерших за ее спиной, открылась страшная картина: на правом боку мистера Стрейсноу, под сдвинувшейся марлевой повязкой, сочился сукровицей длинный разрез, кое-как стянутый тремя стежками хирургической нити.

Глава 12

Доктор Коровкин был рад, что поездка в Чумной форт позволила ему хотя бы на полдня вырваться из столицы и отвлечься от неожиданно свалившихся на него забот и треволнений. Он уже две ночи плохо спал, его мучили кошмары. И виной тому были не только случайное знакомство в пасхальную ночь с модным художником и трагическое завершение визита в мастерскую, не только нечаянная близость к месту убийства мещанки Фоминой, но и таинственная просьба Екатерины Борисовны Багреевой. В душе копошилось какое-то нехорошее предчувствие: что-то должно случиться еще, об этом говорило и появление в театре Ильи Михайловича Холломкова, который всегда возникал как вестник несчастий и вносил смуту в души барышень Муромцевых. Настораживал доктора и охотничий азарт в глазах Муры, явно взволнованной смертью молодой вышивальщицы.

Клим Кириллович предавался размышлениям, забравшись в теплую ванну, заботливо приготовленную к его возвращению тетушкой Полиной. Хотя поездка в Чумной форт никакой опасностью не грозила, доктор не пренебрегал устоявшейся привычкой — подвергать санитарной обработке, дополнительной, домашней, самого себя и свою одежду. Он понимал, что получает эффект скорее психологический, но и это немало.

Через высоко расположенное квадратное окошко ванной комнаты проникали озорные лучи весеннего солнца: они шаловливо скользили по сияющим чистотой фаянсовым плиткам пола и стен, по краям белоснежной эмалированной ванны, по наполнявшей ее голубоватой воде. Клим Кириллович не удержался и, высунув из воды ногу, несколько раз сильно шлепнул ступней по радужным, искрящимся солнечным зайчикам. Пушистые комочки мыльной пены разбежались и через мгновение вновь засверкали разноцветными веселыми блестками. Клим Кириллович невольно засмеялся и, намыливая мочалку, подумал, что водные процедуры прекрасно помогают при неврастениях и способны дать самым тревожным мыслям спокойное направление.

Едва он успел вернуться домой из Чумного форта и ступить на порог своей квартиры, как тетушка сообщила, что в его отсутствие звонил господин Шебеко и подтвердил приглашение Екатерины Борисовны пожаловать вечером на освящение портрета императора Петра в Аничков

дворец. Фамилия доктора Коровкина внесена в список гостей.

Клим Кириллович с удовольствием провел бы вечер дома, в обществе Полины Тихоновны, — и так он слишком часто в последнее время оставляет ее в одиночестве. Да и самому не мешало бы передохнуть, заглянуть в медицинские журналы. Но отказать действительному тайному советнику Шебеко он не мог — чувствуя, что за приглашением скрывается все то же желание Екатерины Борисовны поговорить с ним о чем-то для нее важном...

Доктор вылез из ванны, обтерся мохнатым полотенцем и надел халат. Русые волнистые волосы его потемнели от воды — их требовалось хорошенько просушить, прежде чем выходить на улицу. А пока можно пообедать в обществе тетушки, порадовать ее беседами о всяких разностях.

Обсохнув и переодевшись в домашние жакет и брюки, он, в благодушном настроении, вышел в столовую. Тетушка встретила его радостной улыбкой. Как коротко женское счастье — часок-другой рядом с родной душой, а потом вновь целый вечер тишины, пустоты.

— Как тебе повезло, Климуська, — сказала Полина Тихоновна, разливая из пузатой супницы в тарелки аппетитно пахнущий рассольник с гусиными потрохами. — Я никогда не бывала в Аничковом, да и вообще ни в одном настоящем дворце. Там, наверное, соберется блестящее общество: генералы, сенаторы, фрейлины, приближенные Государя и Вдовствующей Императрицы...

— Надеюсь, никому из них не понадобится медицинская помощь, — шутливо заметил Клим Кириллович.

— Если портрет кисти господина Закряжного так хорош, как говорят, то чьи-то слабые нервы могут и не выдержать, особенно у тех, кто питается свининой и рыбой... Испуг, обморок — при виде грозного облика великого императора чувствительная натура может потерять над собой контроль.

— Тетушка, — мягким тоном заговорил доктор, — видел я этот портрет собственными глазами. Ошеломляющего воздействия он не производит. Даже Брунгильда Николаевна — уж на что девушка чувствительная! — и то сохранила выдержку, даже не побледнела.

— Брунгильда Николаевна владеет своими нервами, потому что правильно питается, — предположила тетушка. — И ты, Климуська, тоже. Мы не едим баранину, от которой люди чувствуют себя несчастными. — И, встретив недоумевающий взгляд племянника, Полина Тихоновна гордо пояснила: — Я прочла результаты новейших английских исследований о влиянии пищи на темперамент. От свинины только меланхолия, а от рыбы самый веселый человек брюзгой станет. Говядина же дает энергию и

мужество. Но самое главное — избегать баранины.

Клим Кириллович посмотрел на надкушенный пирожок с мясной начинкой и подумал, что теперь надолго обречен есть одну говядину. Он постарался придать голосу суровость:

— Тетушка, но англичане наверняка имеют в виду злоупотребление тем или иным продуктом. — И, покосившись на нахмурившуюся Полину Тихоновну, грустно добавил: — Теперь, когда я слышу о баранине, я сразу же вспоминаю баранью кость, которой убили вышивальщицу. Никогда бы мне не пришло в голову, что кость можно использовать как орудие убийства.

— Ты, Климушка, психически нормальный человек, а убийца, возможно, болен. — Брови пожилой дамы расправились, глаза заблестели. — Если убийца художник, он мог свихнуться от написанных им портретов.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво ответил племянник, — художник мне показался полным сил и вменяемым. А вот мистер Стрейсноу был бледен и двигался как-то неуверенно. Я сначала решил, что у него чахотка, — но нет, кашля не заметил, румянца чахоточного тоже... Может быть, недостаточное кровообращение?...

Через полчаса после окончания обеда Клим Кириллович предстал перед Полиной Тихоновной облаченный в черный фрак с шелковыми лацканами, из-под которого выглядывал белый пикейный жилет. Она помогла племяннику приладить золотые запонки на манжеты белоснежной крахмаленной рубашки, поправила белую бабочку. Климушка смотрелся очень импозантно. Она проводила своего красавца в прихожую, и когда племянник покидал квартиру, со вздохом перекрестила его спину.

До Аничкова дворца доктор Коровкин добрался быстро.

Вальяжный слуга в ливрее с блестящими галунами проводил его в залитый электрическим светом, сверкающий белизной мрамора и золоченой бронзой, зал. В дальней его части на специальной подставке стоял знакомый доктору портрет императора Петра Великого, писанный Романом Закряжным. Нарядные дамы в светлых платьях, мужчины в военных и гражданских мундирах, духовные лица в пышных облачениях разбились на живописные группы.

Доктор сделал несколько нерешительных шагов по блестящему скользкому паркету. Он чувствовал себя неуверенно, а потому с облегчением вздохнул, когда от одной из групп отделилась знакомая ему внушительная фигура действительного тайного советника Шебеко, облаченного в парадный, шитый золотом мундир. По шаркающей походке

Ермолай Егоровича доктор догадался, что его пациента снова беспокоит боль в суставах.

— Рад вас видеть, Клим Кириллович, — расцвел улыбкой господин Шебеко. — Спасибо, что приняли приглашение.

— Я не ожидал, что на освящение соберется столь представительное общество. — К доктору Коровкину возвращалось ровное расположение духа. — А чем вызвана такая спешка? Не лучше ли было дожидаться возвращения Вдовствующей Императрицы из Дании?

— Мария Федоровна обеспокоена пожаром в Воспитательном доме, да и на благотворительные поступления из Дамского кружка в опекаемый Вдовствующей Императрицей приют теперь рассчитывать не придется. Вот от Ее Величества и поступила в Канцелярию срочная депеша: освятить портрет Петра Великого, как только его перевезут во дворец. Вот Катенька и хлопочет.

Ермолай Егорович взял доктора под руку и неспешным шагом повел его к своей супруге Прасковье Семеновне, беседовавшей с красавицами-фрейлинами Голенищевыми-Кутузовыми.

Внимание Клим Кирилловича привлекла, однако, необыкновенно изящная, тоненькая девушка, внимательно слушающая почтительно наклонившегося к ней статного молодого человека в эффектном темно-зеленом мундире чиновника Ведомства Марии Федоровны. Девушка, словно почувствовав его взгляд, очаровательно повела головкой, и, к своему удивлению, Клим Кириллович узрел точеный профиль Брунгильды Николаевны Муромцевой. Узнал он и ее собеседника — Дмитрия Андреевича Формозова. Рядом с ними, спиной к доктору, стояла Мура.

Откуда-то сзади и сбоку появилась Екатерина Борисовна, она улыбнулась дедушке, доктору, протянула Климу Кирилловичу свою маленькую ручку — и, когда тот склонился над ней, торопливо прошептала, оглядываясь на отвернувшегося деда:

— Как только начнется служба, идите в маленькую дверь справа.

И, еще раз одарив сияющей улыбкой Клим Кирилловича, она упорхнула в другой конец зала.

Слушая вполслуха Прасковью Семеновну, доктор размышлял о том, стоит ли ему подходить к Брунгильде и Муре? Может быть, им достаточно общества господина Формозова? Почему девушки не сказали ему, что приглашены сюда?

Пока доктор раздумывал, в зале произошло легко перемещение, и сверкающие парчовыми нарядами священнослужители приготовились творить свое действие. По воздуху поплыл сладкий дух ладана и горящих

свеч, раздались слова молитвы.

Приглашенные гости смолкли и потянулись за священнослужителями. Прасковья Семеновна истоиво закрестилась и, оставив доктора, присоединилась к участникам церемонии.

Клим Кириллович вздохнул, бросил взгляд на поглощенных зрелищем сестер Муромцевых и сделал два осторожных шага назад. Он, стараясь быть неприметным, добрался до указанной ему дверцы, белая поверхность которой сияла золотом причудливо вьющихся стеблей. Нажав на бронзовую, в виде львиной головы, ручку, он открыл дверь и очутился в длинном коридоре без окон, освещенном электрическими лампами бронзовых бра. Прикрыв бесшумно дверь, доктор остановился в нерешительности. Через несколько мгновений метрах в десяти от него появилась легкая фигурка фрейлины Багреевой — девушка сделала ему знак рукой и поманила за собой. Доктор поспешно последовал вперед и свернул в проем двери. Перед ним открылась комната, затянутая алым штофом: по стенам — обитые красным бархатом диваны и кресла, около них, у окон — столики, инкрустированные самоцветными камнями. И повсюду — вазоны и жардиньерки с цветущими камелиями: на столиках, на каминной полке, на подоконниках.

Доктор опустил в указанное ему Екатериной Борисовной кресло. Она устроилась напротив него.

— Простите, господин Коровкин, мою настойчивость, — лицо ее выражало смущение, — мне не с кем посоветоваться по очень важному делу. И бабушке с дедушкой сказать тоже нельзя.

Девушка явно волновалась и говорила полусшепотом, поглядывая на закрытую дверь, в которую они недавно вошли.

— У нас есть несколько минут, пока меня не хватятся. — Она закусила нижнюю губку.

— Располагайте мной, я привык хранить чужие тайны, — шепотом отозвался доктор.

Ее голубые глаза миндалевидной формы, в которых в пасхальную ночь почудились ему мечтательность и тонкая душа, смотрели холодно и жестко.

— Дорогой доктор, — решила фрейлина, — доверяю вам мое честное имя. Положение мое отчаянно.

— Ну-ну, не торопитесь, — поспешил успокоить ее доктор, — давайте разберемся. Что случилось?

— Вот. — Откуда-то из складок своего платья Катенька вынула розовый конвертик. — Смотрите.

Доктор открыл незапечатанный конверт и вынул оттуда фотографию. Она изображала черноволосого красавца с холеными усами и бородой, на коленях самоуверенного фата сидела обнаженная... Екатерина Борисовна.

Доктор поднял глаза на фрейлину, чувствуя, как лицо его заливают краска. Но хорошенькое личико внучки господина Шебеко выражало лишь холодную брезгливость.

— Вас интересует, с кем это я и где? — срывающимся шепотом произнесла она.

— Я... э... э-э... нет, — промямлил доктор.

— Этот гнусный фотомонтаж вручил мне посыльный. Слава Богу, бабушки и дедушки дома не было. Но вы не знаете этого человека?

— Нет, — сказал доктор, — впервые вижу.

— Великий князь Александр Михайлович. Красавец Сандро, непутевый член династии.

— Чего же добивается шантажист? — спросил Клим Кириллович.

— В конверте послали только фотографию. Сам шантажист еще не объявился. — Фрейлина покосилась на дверь. — Я решила, что надо действовать немедленно. Но как? Я же никому не могу показать эту гадость. Будет скандал.

— Надо бы разыскать негатив, — поморщился доктор, — теперь я вижу, что это грубая фальшивка. Только лицо ваше, а все что ниже — чужое... — Клим Кириллович покосился на пышные формы красавицы, к телу которой приставили голову Катеньки. — Есть ли у вас какие-то подозрения? Когда вы это получили?

— На Страстной, в четверг. — Лицо девушки помрачнело. — Конкретных подозрений у меня нет.

— А жених у вас есть? — мягко спросил Клим Кириллович. — Может быть, кто-то хочет расстроить ваш союз?

— Нет, я еще о замужестве не думала, — равнодушно бросила фрейлина и тревожно заглянула в глаза своему собеседнику: — Подскажите, Клим Кириллович, как найти негодяя?

— Есть у меня одна идея, — ласково сказал доктор Коровкин, — я обещаю вам сегодня вечером подумать. А вы, если шантажист объявится, сразу же телефонируйте мне. Скажите какую-нибудь условную фразу. Ну, например, — э-э-э — «призрак ожил». Я все пойму и сразу начну действовать.

— Благодарю вас, Клим Кириллович. — Губки Екатерины Борисовны задрожали. — За что только мне такое несчастье?

Она встала, быстрым движением сунула злосчастный конверт в складки

юбки. Клим Кириллович, совершенно убитый, вернулся в огромную залу, где раздавался оглушающий бас протодьякона Малинина:

— Создателю и Содетелю человеческого рода, Дателю благодати духовныя, Подателю вечнаго спасения, Сам, Господи, послѣ Духа Твоего Святого с вышним благословением на вещь сию, яко вооружена силою небеснаго заступления хотящим ю употребляти, помощна будет к телесному спасению и заступлению, О Христе Иисусе Господе нашем...

Минуту помедлив, доктор направился к выходу.

Не хотелось ему наблюдать церемонию освящения — одна мысль о том, что кто-то в окружении Екатерины Борисовны, может быть, присутствующий здесь, способен на такие гнусности, как скабресный фотомонтаж, испортила ему все настроение.

Доктор Коровкин вернулся домой раньше назначенного времени.

Открывшая дверь прислуга сообщила, что у тетушки Полины гость. Оглядев вешалку, доктор увидел на ней шинель и фуражку судебного следователя.

Полина Тихоновна, порозовевшая от волнения, потчевала гостя чаем. Стол был заставлен тарелками с куличами, вареньями, крендельками, пирожками, формочками с пасхой. В центре на блюде лежали ширхановские пирожные и марципаны — подарок Карла Ивановича.

— Как прошло освящение портрета? — спросила тетушка. — Я уж доложила Карлу Иванычу, что ты приглашен во дворец.

— Все великолепно, — сдержанно ответил племянник, решив не вдаваться в подробности. — Общество блестящее, что и говорить. Портрет тоже хорош.

— Говорите прямо, что работа художника — гениальная, — аккуратно рот судебного следователя тронула улыбка, — не стесняйтесь. А то вы, верно, думаете, что он все еще под подозрением находится.

— А что, разве нашелся настоящий убийца? — округлила по-молодому блестящие глаза Полина Тихоновна.

— Пока нет, но мы уже вышли на верный след, — важно изрек Вирхов. — И господин Фрейберг так считает.

— И что, Карл Иваныч, вы отпустили господина Закряжного? — спросил доктор, принимая от тетушки чашку с чаем.

— Как же! С полчаса тому назад будет, как отпустил... Извел он меня своими причитаниями и упреками. А кулич у вас, Полина Тихоновна, замечательный.

Довольная хозяйка зарделась.

— А как же неопровержимая улика — баранья кость? — Доктор

пытался изобразить заинтересованность, хотя мысли его были далеко.

— Как злосчастная кость оказалась в квартире убитой, мы выясним. —
Вирхов, приосанившись, смотрел на раздумывающуюся Полину Тихоновну. — Мы попробуем найти холст, вышить который кто-то заказывал убитой.

— А что за холст? — подалась вперед Полина Тихоновна.

— Бог его знает. — В светлых глазках старого холостяка, устремленных на приятную даму, разгорались веселые огоньки. — Может, покров какой, может, пелена... Самое главное, у него примета есть — вышито там имя Дмитрия Донского.

Тетушка Полина задумалась. После небольшой паузы она вкрадчиво спросила:

— Карл Иваныч, вы говорили о пелене?

— Так точно, дорогая Полина Тихоновна, о ней, может, бедный храм какой для образа князя заказ Аглае сделал. Придется побегать, выяснять.

— Но храм такие заказы делает только для святых, такая пелена называется убрусец, — осторожно продолжила тетушка Полина.

— И что вы хотите этим сказать? — насторожился Вирхов. — Не улавливаю вашу мысль.

Полина Тихоновна аккуратно разгладила столовую салфетку:

— Я боюсь огорчить вас, дорогой Карл Иваныч, но Дмитрий Донской русской церковью не канонизирован!

Глава 13

Младшая дочь профессора Муромцева проснулась в прескверном настроении. Она всю ночь мучилась кошмарами: в голове ее мешались в диком беспорядке обрывки событий последних дней. Особо волновало случившееся вчера.

Удивляло поведение Брунгильды. Вчера утром сестра тревожилась о здоровье мистера Стрейсноу, а когда днем они обнаружили баронета в гостиничном номере с кровоточащей раной, она несколько не обеспокоилась тем, что англичанин отказался от всякой медицинской помощи. Приведенный Ипполитом в чувство, сэра Чарльз сдержанно извинился за доставленное волнение. Напрасно Мура и Ипполит умоляли раненого обратиться к доктору Коровкину или к другому врачу — англичанин был непреклонен. Усевшись по их настоянию в кресло и плотно стянув полы халата, он заявил, что чувствует себя превосходно.

Невозмутимый англичанин объяснил, что нечаянно поранился сам. Он приобрел чудный охотничий нож и, желая рассмотреть резьбу на рукоятке, направился к окну, споткнулся о ковер, упал и зацепил себя лезвием. Нож с узорчатой рукояткой из моржового клыка действительно лежал здесь же, на столике.

А кто же зашил рану хирургическими нитками? Оказывается, мистер Стрейсноу узнал у портье адрес частного врачебного кабинета, сумел туда добраться и получил там необходимую помощь.

Мура поражалась самообладанию английского гостя. Вот он, английский стоицизм! А растерянный Ипполит Прынцаев интересовался только одним: уверен ли мистер Стрейсноу, что рана обработана надлежащим образом, исключая нагноение?

Брунгильда же потребовала, чтобы Мура и Ипполит перестали терзать сэра Чарльза ненужными расспросами. Они своим неожиданным визитом и так поставили мистера Стрейсноу в неловкое положение. Она вызвала коридорного и строгим тоном велела ему присматривать за приболевшим мистером Стрейсноу.

Брунгильда испытывала облегчение: накануне по дороге в театр она заметила сэра Чарльза или человека, похожего на него, возле подворотни вблизи Поцелуева моста, и теперь таинственное видение получило объяснение. Никакой мистики: сэра Чарльз посещал доктора.

Случившаяся с мистером Стрейсноу беда не смогла отвлечь Муру от тревожащих ее мыслей. Вчера в Аничковом дворце Брунгильда так увлеклась беседой с Дмитрием Андреевичем, что даже не заметила среди гостей доктора Коровкина. Она и сама обратила внимание на Клима Кирилловича лишь тогда, когда началась церемония освящения... Осторожно ступающий доктор Коровкин, необычно элегантный, нарядный, излучающий свежесть, зачем-то подбирался к маленькой боковой двери.

Почему Клим Кириллович не сообщил им, что приглашен в Аничков? Догадки, сомнения клубились в душе Муры всю ночь. Утром, сославшись на утомление, Мура отказалась ехать на курсы. До лекций ли ей сейчас? Она уныло позавтракала в одиночестве и отправилась в гостиную, где с кипой газет расположилась Елизавета Викентьевна.

Мура взяла с шестигранного столика старый номер «Журнала для всех» и, найдя опубликованную там статью Ключевского «Петр Великий среди своих сотрудников», попыталась углубиться в чтение.

— Мурочка, доченька, — вдруг встрепелась Елизавета Викентьевна, — извини, что отвлекаю. Но послушай, какое любопытное утверждение: Покровский считает, что историческая наука не может определить, когда была битва на Калке.

Мура подняла голову от статьи Ключевского.

— Битва на Калке, насколько мне известно, была в 1223 году.

— Господин Покровский утверждает, что год битвы установлен по описанию затмения.

— Правильно, — отозвалась нетерпеливо Мура. — Есть способы астрономической датировки.

— А господин Покровский пишет, что в летописях одно и то же затмение описано и под 1223 годом и под 1473. Неужели битва на Калке могла быть в пятнадцатом веке?

— Здесь какая-то ошибка, мамочка, — Мура дернула левой бровкой, — в пятнадцатом веке битвы на Калке быть не могло. В пятнадцатом веке воевали уже огнестрельным оружием...

Она вспомнила по ассоциации: пятнадцатый век, огнестрельное оружие, странная карта на стене Екатерингофского дворца...

В прихожей раздался звонок, слышно было, как завопилась у входной двери Глаша, до Муры донесся ее радостный голос, и через минуту горничная ввела в гостиную румяного и улыбающегося доктора Коровкина.

— Добрый день, дорогая Елизавета Викентьевна! Любезнейшая Мария Николаевна! — Лицо Клима Кирилловича излучало неподдельную

радость. — Есть ли известия от Николая Николаевича?

— Ждем телеграммы о возвращении, — ответила профессорская жена. — А как поживает Полина Тихоновна?

— Шлет поклоны, благополучно здоровствует, благодарю вас. — Приложившись к ручке Елизаветы Викентьевны и осведомившись о ее здоровье, доктор направился к Муре. — А вы, Мария Николаевна, все в историю погружены?

Мура смутилась и захлопнула журнал. Она подала руку Климу Кирилловичу: в его дежурном поцелуе она уловила нечто за рамками обычного.

— После праздничных приключений, — сказал, усаживаясь неподалеку от Муры, доктор, — я наверстываю упущенное. Заезжал вот на Васильевском к купцу Астраханкину, судовладелец страдает почками. Навестил и решил заехать к вам. Мне кажется, я у вас не был сто лет!

Доктор обезоруживающе улыбнулся Елизавете Викентьевне, слабый ответ его улыбки достался и Муре, на которую вежливый доктор перевел взгляд.

— Вижу, вы здоровы и благополучны, — продолжил он, — и Брунгильда Николаевна, надеюсь, в здравии?

— Она в консерватории, — пояснила Елизавета Викентьевна, — она так расстроилась, что из-за пожара не состоялся намеченный на вечер концерт. Следующая благотворительная акция — послезавтра. Я понимаю, это смешно, но начинаю бояться — не сгорит ли и зал Общества поощрения художников?

— А как поживает ваш английский гость? Здоров ли?

— Ой, доктор! — воскликнула Мура. — Вы же ничего не знаете! Оказывается, Чарльз в воскресенье упал у себя в гостиничном номере и напоролся на нож, который, к несчастью, держал в руке. У него резаная рана справа, на ребрах. Но он не растерялся, сам нашел врача и получил первую помощь.

— Так вот почему он не пошел в театр, — догадался доктор. И, глядя в недоумении на Муру, спросил: — Но почему он ссылаясь на боль в животе? Я бы не стал прописывать ему пурген, но он так красочно описывал симптомы. Зачем раненому слабительное? Не понимаю... Удобно ли мне навестить его, как вы думаете? — Клим Кириллович посмотрел на супругу профессора.

— Мистер Стрейсноу предпочитает самостоятельно решать свои проблемы, — вздохнула Елизавета Викентьевна, — у англичан свои причуды.

— А мы были в Екатерингофе, — доложила Климу Кирилловичу Мура, — встретили там и Дмитрия Андреевича Формозова.

— Устанавливал в Екатерингофском дворце портрет императора Петра кисти Романа Закряжного? — Губы доктора Коровкина дрогнули в иронической усмешке. — У этого молодого человека не в порядке нервы. Будьте с ним осторожнее.

— Там есть прижизненные изображения Петра Великого, — примирительно пояснила Мура. — И его вещи. И даже карта на стене висит, возле которой он экзаменовал по географии своих генералов.

— Ты говорила, доченька, что эта карта научной ценности не имеет, — отозвалась Елизавета Викентьевна.

— Карта петровского времени — большая ценность, — усомнился доктор.

— Видите ли, Клим Кириллович, — после тяжелого вздоха призналась Мура, — карта сделана руками Евдокии Лопухиной, супруги Петра. Там с географией все напутано. Север с югом поменялись местами. А у реки Амур обозначено место, где был Александр Македонский. Да вдобавок еще великий полководец закопал там пицаль.

— Погодите, погодите, — прервал ее доктор, — что-то в этом роде говорила мне княгиня Татищева два дня назад... В ее архивах имеется какой-то документ, в котором написано, что Александр Македонский закопал пицаль... А вот где — не помню. Может быть, и вблизи Амура.

— Странно, — Мура пожала плечами, — я всегда считала, что ее муж, покойный князь, был серьезным исследователем...

— Погодите, Мария Николаевна, — доктор нахмурился, припоминая, — погодите... Она сказала, что после римского Международного конгресса выставлять такие раритеты опасно...

— Боже мой! Неужели террористы покушаются и на древности?! — всплеснула руками Елизавета Викентьевна.

— Княгиня Татищева имела в виду не террористов, — опроверг страхи профессорской жены доктор Коровкин. — Она говорила, что все, не совпадающее с единым планом развития мировой истории, скоро будет уничтожено самими историками.

— Не понимаю, почему документы, противоречащие взглядам современной исторической науки, надо уничтожать? Почему бы не выставить их на всеобщее обозрение в какой-нибудь кунсткамере? — недоуменно спросила Елизавета Викентьевна.

— Придется высказать предположение не очень приятное для Муры, — Клим Кириллович ласково посмотрел на пасмурное личико девушки. —

Наверное, историки опасаются, что пытливые умы вместо того, чтобы смеяться, начнут докапываться до истины и придется отменять устоявшиеся мнения.

— Они боятся, что кто-то докажет, что битва на Калке произошла в пятнадцатом веке! — подхватила Елизавета Викентьевна. — И поэтому сожгут летописи, о которых пишет господин Покровский.

— Тогда они сожгут и карту Петра Великого, — уныло предрекла Мура, — потому что она свидетельствует, что Александр Македонский жил в пятнадцатом веке. И что Петр Первый об этом знал.

— Кстати, — понизил голос доктор Коровкин, — я вам уже говорил, княгиня намекала мне, что Петр Первый не имел прав на российский престол...

— Боже! — воскликнула Елизавета Викентьевна. — Как же так?

— Я теперь начинаю думать о самом худшем, — тихо ответила Мура, — я боюсь, что может сгореть Екатерингофский дворец... Милый доктор, не могли бы вы съездить со мной в Екатерингофский сад?

Доктор Коровкин смутился.

— Я бы с удовольствием, Мария Николаевна, но боюсь, что в ближайшие дни не буду собой располагать... А когда вы планируете туда съездить? — помимо желания доктора произнесли его губы.

— Это зависит от вас. — Мура приподняла голову, вызывающе выставила подбородок, повела черными, соболиными бровями.

Глава 14

Следователь Вирхов не спал ночь. Он ходил из угла в угол по гостиной, ерошил обеими руками жидкие белесые волосы и проклинал жидкость Перуни — что за мошенник организовал фирму, выпускающую средства для ращения волос! Не действует это средство, не действует!

Вернулся вчера Вирхов домой совершенно убитым. И ошеломляющий моральный удар нанесла ему всегда деликатная Полина Тихоновна!

Какой он дурак! Нет, это слишком слабо сказано! Какой он олух! Опыт сыскной работы, конечно, у него немалый, да и крещен он был своим отцом Иоганном Вирховым в православие младенцем, и все-таки... слаб оказался в вопросах религии, не знает канонов церковной жизни. Открыл рот и слушал басни этого идиота Закряжного о пелене с именем Дмитрия Донского! Облапошил его художник, облапошил...

В дурном настроении Карл Иванович отправился на службу и к удивлению агента, которого накануне вечером освободил от дежурства в доме госпожи Бендерецкой, снова отправил его туда. Да еще с суровым наказом: не спускать глаз с квартиры болтуна, а буде появится, срочно доставить его на Литейный.

Агент через час телефоновал Вирхову, что по сообщению госпожи Бендерецкой Роман Закряжный вчера вечером в чрезвычайном возбуждении примчался в свою мастерскую, но пробыл там недолго и с тех пор не появлялся. Карл Иванович велел агенту сторожить злодея, ему не терпелось узнать, для чего художник придумал историю с пеленой к образу Дмитрия Донского.

«Не послать ли курьера в аптеку за «Жидким льдом»?» — Карл Иванович мрачно перебирал синие папки на столе, не решаясь их открыть, голова его гудела, как чугунный котел.

Дав курьеру задание, он открыл папки с донесениями.

Агент, следивший за мистером Стрейсноу, докладывал, что англичанин, вернувшись в воскресенье от не установленного лица, проживающего возле Поцелуева моста, из номера не выходил. В воскресенье же вечером посыльный из аптеки принес в гостиницу на имя мистера Стрейсноу лекарство, слабительное средство, прописанное доктором Коровкиным. Вчера его навещали дочери профессора Муромцева и ассистент профессора Прынцаев. Англичанин приболел. Есть основания

считать, что он страдает расстройством кишечной деятельности: в ресторане гостиницы не появляется, на завтрак заказал в номер овсяную кашу, поджаренный хлеб, крепкий чай. Если удастся умаслить коридорного — агент постарается осмотреть вещи больного.

Модест Багулин полдня отсыпался после чрезмерных возлияний в «Фортуне». Днем наведаясь в контору страхового товарищества «Саламандра», в «Общество поощрения художников». Вечером гулял около Аничкова дворца, изучал ажурную решетку, заглядывал сквозь звенья в сад. Когда вернулся домой, у дверей его поджидал Роман Закряжный. Поднялись в квартиру Багулина, и в ее окнах до двух часов ночи горел свет.

Дмитрий Формозов, не нарушавший своего распорядка дня даже в праздничные дни, проснулся рано, посетил Мариинско-Сергиевский приют, где проверял отчетность. Затем взял извозчика и поехал в Екатерингофский парк. Во дворец не заходил, фланировал по пустынным аллеям. Прогулку прервал известный в городе попрошайка Ваня Попов.

О Ване Попове Вирхов был наслышан. В зимнее время — обитатель петербургских ночлежек, а с весенним солнышком выползает на свет Божий, ночует по заброшенным кладбищенским склепам, там и хранит орудие своего промысла — колобаху, завернутого в тряпье грудного младенца. С этой бутафорией мошенник усаживается на тротуарах, для пущей убедительности один глаз закрывает черной повязкой.

Вирхов вернулся к донесению. Дмитрий Формозов в Екатерингофе побеседовал с убогим Ваней, дал ему денег — сколько именно, разглядеть издали не удалось. Там же появились и две барышни с сопровождающим — перемолвились с господином Формозовым да и уехали. Барышни приличные: одна хрупкая блондинка, красивая; другая румяная брюнетка. Их спутник чрезмерно подвижный молодой человек, одет в приличное штатское платье. После этой встречи господин Формозов отправился к себе домой, переделся, пообедал и отбыл в Аничков дворец. Вышел из дворца поздно и подался прямо на свою квартиру, из которой более и не выходил.

Карл Иванович вздохнул — сколько усилий, и все понапрасну. Впрочем, нет, кое-что из массива данных можно использовать. Например, тот факт, что отпущенный на свободу Роман Закряжный после посещения своей мастерской закатился на квартиру Багулина, факт полезный. Модеста надо допросить — он может знать, где скрывается художник.

Курьер доставил лед, и Вирхов велел ему срочно разыскать и доставить в следственную камеру Модеста Багулина.

Карл Иванович с удовольствием обтер виски и лоб «Жидким льдом» и, склонив измученную голову к столу, вновь погрузился в бумаги. Он внимательно рассмотрел три листа, на которых были четко обведены контуры босой ноги. Да, безусловно, в деталях очертания немного разнились, но можно утверждать — на всех трех рисунках запечатлена одна и та же нога. Согласно учению доктора Османа — так выглядит ступня женщины-врача... Глупое учение! Вирхов еще раз мысленно перебрал всех фигурирующих в деле женщин: из донесений агентов, приставленных к дому Бендереецкой, следовало, что домовладелица, потрясенная страшной смертью тихой жилички, заперлась в своей квартире и не покидает ее; юную фрейлину, барышень Муромцевых, престарелую госпожу Шебеко он по-прежнему из числа подозреваемых исключал. Древняя Лукерья? Чепуха!

Но откуда взялась босая женщина-врач в ночное время в кустах возле Воспитательного дома? А что она делала возле выставки Дамского кружка? Неужели это одна и та же поджигательница? Но почему она ходит без обуви в апреле? Сумасшедшая? Не блаженная ли, не юродивая ли наподобие Ксении Петербургской?

Следователь Вирхов вызвал в кабинет кандидата Тернова и поручил молодому человеку сходить на церковную службу: в Благовещенскую церковь, в Исаакиевский, — поговорить с богомольными старушками, те всегда все знают.

Карл Иванович со смешанным чувством благодарности к Фрейбергу и Пиляеву — за обнаруженный следок возле дома госпожи Бендереецкой, — и тайного раздражения за их вездесущность бросил взгляд на пиляевский рисунок. Как же он, Вирхов, осматривая вершок за вершком окрестности места преступления, не обнаружил этого следочка? Сам он, конечно, землю возле конюшни, примыкавшей в задней стене доме Бендереецкой, не обследовал. Доверился околоточному. Тот клялся и божился, что осматривал землю в компании полицейских и никаких следов на ней не было. Неужели околоточный врет? А если не врет, то что все это значит?

Карл Иванович нарисовал на листке бумаги траекторию, по которой мог двигаться убийца Аглаи Фоминой, чтобы оказаться там, где обнаружен след. Можно было выбраться из окна лестничной площадки и, ухватившись за трубу, спуститься по ней на три фута, проползти по крыше примыкавшей к стене конюшни и спрыгнуть на землю как раз там, где и найден отпечаток босой ноги! Но при чем здесь женщина? Бендереецкая утверждает, что никаких посторонних женщин в ту пасхальную ночь в доме не было... Впрочем, за праздничными хлопотами и беготней могла и

не заметить...

Допустим, какая-то блаженная террористка, босая к тому же, проникла в дом госпожи Бендерецкой. Попасть в незапертую квартиру Закряжного она могла, это факт. Могла взять и баранью кость. Но зачем ей убивать Аглаю? С целью ограбления? Что она забрала — деньги или холст? Почему орудием убийства выбрана баранья кость? Убийца схватил первое попавшееся под руку? Или хотел навести подозрения на художника?

Карл Иванович вновь обтер носовым платком, смоченным в склянке с «Жидким льдом», горящие виски, и открыл еще одну папку — с донесениями агента, прикрепленного к господину Крачковскому. Хоть солидный поляк и доказал свое алиби, Вирхов вчера утром послал к его квартире соглядатая. Что же он усмотрел?

«Господин Крачковский, положительно характеризуется дворником Матвеем Сойкиным, не замечен ни в буйствах, ни в слабости к женскому полу и Бахусу. Встает поздно, завтракает и обедает в ресторане «Семирамида», посещает выставки, театры, казино. Днем навестил господина Холомкова, богатого вдовца, склонного к благотворительности, заезжал к нему в его собственный, недавно приобретенный дом у Измайловского, во 2-й Роте. Вечером посетил костел святой Екатерины, где несколько минут беседовал со священнослужителем возле ящика для пожертвований. Выйдя из костела, направился на свою квартиру, из которой более не выходил».

Карл Иванович задумался. Илья Михайлович Холомков был ему известен, молодой человек, служил когда-то у князя Ордынского, путешествовал по Европе, затем вновь появился в Петербурге. Он располагал значительным капиталом, доставшимся от покойной жены, и распоряжался им весьма осмотрительно. Помнится, однажды едва не утонул — развлекался с певичкой, катался на лодке, лодка перевернулась... Девушку спасти не удалось, да и сам господин Холомков чудом остался жив... Что же его связывает с господином Крачковским?

Карл Иванович решил не снимать наблюдения с поляка, может быть, удастся понять, в чем же секрет его дружбы с русским Адонисом, который едва ли не в сыновья ему годится.

В этот момент дверь в кабинет приоткрылась, и на пороге возник дежурный курьер.

— Господин Вирхов, по вашему приказанию господин Багулин доставлен и дожидается в комнате для свидетелей.

— Пусть войдет, да пригласи письмоводителя. — Вирхов захлопнул папки и сложил их аккуратной стопкой в углу стола, отодвинул склянку со

льдом. — Зови.

В дверях появился немного смущенный страховой агент и, стащив с головы котелок, остановился.

Карл Иванович встал из-за стола и уставился на ноги агента.

— А почему у вас такие маленькие ноги, господин Багулин?

— Ноги? У меня? — растерянно забормотал пунцовый Модест, так и сяк поворачивая ступни, обтянутые аккуратными штиблетами со шнуровкой. — Не знаю, господин следователь, от природы, наверное.

— А как вы смотрите на то, чтобы мы сняли отпечатки ваших ступней, господин Багулин?

— Если следствию требуется, готов предоставить в ваше распоряжение все отпечатки — и ног, и рук, — с готовностью ответил толстячок.

— Вот и хорошо, очень хорошо... Сплошное удовольствие — иметь дело с законопослушными гражданами, с сознательными верноподданными Российской империи, — улыбающийся Вирхов жестом пригласил толстячка пройти к столу. — Присаживайтесь, разлюбезный Модест Макарович. Отвечайте на вопросы внятно и по возможности точно.

— Мне нечего скрывать от следствия, — ответил тихо страховой агент, опасливо севший на стул, и следователь заметил, что он избегает смотреть собеседнику в глаза.

Оглянувшись на письмоводителя, уже начавшего заполнять протокол допроса, Вирхов уставился светлыми глазками в пунцовое лицо свидетеля.

— Есть ли у вас причины мстить Роману Закряжному?

— У меня? — изумился Багулин. — Мстить? За что же я могу мстить?

— Хотя бы за то, что художник отказался страховаться в вашей «Саламадре». И тем лишил вас хорошего заработка.

— Ну и что? — не поднимая глаз, возразил Багулин. — Многие отказываются. Неужели всем надо мстить?

— А почему же тогда Роман Закряжный утверждал, что это вы подожгли портрет императора Петра Великого в Воспитательном доме?

— Он, мошенник, такое утверждал? — Модест вскочил и начал рвать с шеи душивший его галстук отвратительного розового цвета. — Ах, тварь! Предатель! Негодяй!

— Довольно, господин Багулин, — прервал его Вирхов, — ваше запирательство ни к чему не ведет. Вы хотели вынудить художника застраховать его шедевры.

Могло показаться, что Карл Иванович твердо уверен в истинности своих слов, — так убедительно звучал его голос, так жестко двигались тонкие губы и выпуклый подбородок с глубокой ямочкой посередине.

Модест Багулин, смотревший во все глаза на следователя, не знал, что Карл Иванович отработывает новый метод допроса, придуманный им самим. Этот метод он назвал «буря и натиск». И состоял он в том, чтобы как можно более уверенно нагнетать в уме допрашиваемого самые умопомрачительные, самые невероятные версии и мотивы — да так, чтобы тот не выдержал напряжения, сорвался и сам выдал себя.

— Зачем вчера вечером приходил к вам Роман Закряжный? — продолжал давить Вирхов.

— Он, Роман то есть, зашел, потому что вы его отпустили, — неуверенность и слабость чувствовались в каждом слове Модеста. — Я даже думал сначала, что он сбежал из заточения!

— Напрасно, господин Багулин, — отрезал Вирхов, — от нас сбежать никому не удавалось. А вот что он делал у вас?

— Он, у меня... рассказывал... просил помощи... — лепетал Модест.

— Какой помощи?! — гремел Вирхов.

— Всякой, всякой, господин следователь, и человеческой, и денежной...

— Чего он от вас хотел? — не снижал натиска Вирхов. — Отвечайте коротко и ясно.

— Он, он хотел, чтобы я дал ему денег, — продолжал лепетать Модест.

— А зачем?

— Он опять на мели... Холсты, краски, реквизит... Он хотел, господин Вирхов, чтобы я дал ему денег, а он обойдет все места расположения своих портретов и заплатит за ночное дежурство прислуге... Портретов-то много... И денег надо много...

— А откуда деньги у вас в большом количестве? — наседал Вирхов.

— И у меня нет, нет у меня таких денег, — застонал Модест, — зачем вы меня мучаете? Едва отделался от проклятого гения.

— И где же ныне пребывает господин художник?

— Побежал дальше деньги искать. Но обещал заглядывать ко мне, чтобы узнавать сведения о мистере Стрейсноу.

— А что его интересует в этом англичанине? — спросил Вирхов.

— Видите ли, господин следователь, — заерзал на стуле Модест, — я обещал вам говорить всю правду, так я ее и скажу. Вы показывали Роману какие-то следы, нарисованные на бумаге... Вы не знаете художников, не знаете их творческую фантазию! Может быть, он и сказал вам, что рисунок ноги похож на мой, не знаю, но мне он говорил совершенно другое.

— О чем это вы изволите рассуждать? — недоуменно спросил Вирхов.

— Понимаете, господин Вирхов, — понизил голос Багулин и,

обернувшись на застывшего с пером в руках письмоводителя, добавил: — Он просил меня следить за мистером Стрейсноу.

— Вот как? — поднял плоские белесые брови Вирхов. — А зачем?

— Видите ли, художник слышал рассказы, что по столице разгуливает оживший призрак императора Петра и поджигает свои изображения. Вместе с арапчонком. Художник в призраков не верит и думает, что за призраком скрывается мистер Стрейсноу...

— Но зачем ему-то уничтожать картины Закряжного? — удивился Вирхов. — И потом, он мог уничтожить их в его мастерской — и сразу несколько сотен!

— Эту версию Роман мне тоже излагал, — подтвердил Багулин. — Да в мастерской опасно, там ваши люди дежурят.

Вирхов с досады крикнул.

— Только я следить за мистером Стрейсноу не стал, хотя думаю, что под опасениями Романа почва есть, — продолжил Багулин.

— И какая же это почва? — усмехнулся Вирхов.

— А все та же, — быстро залопотал толстячок, — все та же, господин следователь. Художники-то люди глазастые, наблюдательные, зоркие, глазомер у них развит великолепно. Вот он и утверждает, что отпечаток ноги, который у вас есть, принадлежит мистеру Стрейсноу.

— Не может быть! — Вирхов хлопнул ладонью по столу. — У такой махины и такая маленькая нога? Не верю!

— А напрасно, уважаемый Карл Иванович, напрасно, и у императора нашего, Петра Великого, ножка-то тоже была девичья...

— Вы шутите? — Плоские брови Вирхова взметнулись вверх, он вынул носовой платок и отер испарину со лба.

— Нет, господин следователь, истинную правду говорю. Можете справиться у историков, они мастера ищейных дел.

Страховой агент с видимыми усилиями наклонился и, шумно пыхтя, стал расшнуровывать штиблеты.

— Что вы делаете? — перегнулся через стол Вирхов.

— Зовите ваших экспертов, — голос Багулина звучал натужно, — мне время терять нельзя, а то и без хлеба насущного останусь, если каждый день на допросы ходить буду. Я готов дать отпечатки своих ног.

После легкого замешательства изнуренный Вирхов — от своего метода он, кажется, уставал гораздо больше тех, на ком его испытывал! — нажал на кнопку электрического звонка и распорядился вызвать специалиста. Через минуту все необходимое было принесено: тазик с теплой водой, мыло, полотенце, баночка с краской, валик, фарфоровая дощечка, листы

гладкой плотной бумаги.

Едва сдерживая смех от холодных щекотных прикосновений типографской краски, Модест терпеливо ждал, пока эксперт прилаживал его ноги к фарфоровой пластинке, потом с удовольствием ступил на расстеленный лист бумаги. Когда он сел, эксперт осторожно отделил оттиски от синих подошв. Довольный толстячок опустил обе ноги в тазик, намылил ступни, потер их друг об друга и вынул ноги из посиневшей воды. Насухо обтерев их поданным полотенцем, Модест обулся и встал.

— Могу ли я идти, уважаемый Карл Иванович? — спросил он тихо.

— Ступайте, ступайте, Модест Макарович, — махнул рукой Вирхов, — если еще что-то интересное вспомните, милости просим, окажите помощь следствию.

Когда дверь за Багулиным закрылась, Вирхов устало опустился в кресло — перед ним на столе лежали два листа с оттисками багулинских ступней.

Вирхов достал из ящика письменного стола брошюрку, в которой излагалась классификация ступней, составленная основоположником педологии, английским профессором Османом.

Так, что там пишет англичанин? Главное — пятки.

«Круглые, мускулистые пятки без углов — натура впечатлительная», — прочитал Вирхов и почесал затылок. Да такова и пятка Модеста. Но неужели бывают пятки и другие — некруглые и с углами?

От размышлений Карла Ивановича оторвал робкий стук в дверь. Вирхов поднял голову и увидел в образовавшейся щели бледное лицо письмоводителя.

— Что? — привстал Вирхов.

— Ваше благородие, — прошептал письмоводитель, — посыльный от министра внутренних дел Плеве.

Такое случалось только в экстренных случаях — чтобы министр рассылал с нарочным срочные секретные депеши. Обычно полагалось в присутствии посланца ознакомиться с их содержанием и подписать отдельную бумагу, в которой удостоверялся факт ознакомления и подтверждалась готовность не разглашать важные сведения.

Карл Иванович махнул рукой, оправил черный мундир, вытянул руки по швам и дождался, пока посланник министра едва ли не строевым шагом приблизится к его столу.

— Извольте ознакомиться, господин Вирхов, — басом сказал прибывший и протянул следователю конверт.

Вирхов открыл его и прочитал: «Совершенно секретно. Довожу до

вашего сведения, что 7 апреля в Чумном форте пропала пробирка с чумными бациллами. Похищенное представляет чрезвычайную опасность для жизни столичных жителей и всего российского населения. Обо всех подозрительных случаях, могущих иметь отношение к данному происшествию, прошу незамедлительно сообщать в канцелярию министерства».

Глава 15

Хотя доктор Коровкин сначала и отказался ехать с ней в Екатерингофский парк, Мура была чрезвычайно довольна собой. Теперь-то Клим Кириллович опомнится, задумается: стоит ли так уж очаровываться белокурой фрейлиной, которая, возможно, связана с подозрительным Дмитрием Андреевичем Формозовым не только служебными отношениями. Впрочем, господин Формозов показался ей подозрительным совершенно случайно — ведь он ей очень нравился! Еще вчера, когда они виделись в Екатерингофском парке, она с удовольствием смотрела на его аккуратную бородку, темные пряди которой под лучами весеннего солнца засветились неожиданным золотом, разглядывала породистую кисть полноватой, бескровной руки, которую чиновник положил на дверцу коляски, где сидели Мура, Брунгильда и Ипполит.

А вечером в Аничковом! Там он выглядел уже совсем другим — строже и как будто выше ростом. Движения его были плавны и мягки. От него пахло одеколоном «Букет Наполеона». А как хорошо смотрелся на нем темно-зеленый мундир, украшенный по вороту двойным золотым рисунком — пальмовыми и дубовыми листьями, как блестели золоченые пуговицы с эмблемой ведомства, в котором он служит, — пеликан, разрывающий грудь, чтобы кровью вскормить птенцов.

Брунгильда рассказала Дмитрию Андреевичу об отце и матери. А господин Формозов тоже поделился сокровенным — он сказал, что его родители погибли, когда он был маленьким. Он признался, что всегда скучал по матери, чей портрет стоит у его постели дома — мать его звали Софьей.

— А что случилось с вашими родителями? — участливо спросила Мура.

— Они погибли в результате страшной трагедии, — сказал неохотно Формозов. — И еще несколько человек вместе с ними.

— Несчастный случай? Крушение поезда?

Мура робко заглянула в лицо погрузневшего чиновника, прикусившего нижнюю губу.

— Я знаю о трагедии лишь по рассказам людей, взявших меня на воспитание... — уклонился от прямого ответа Формозов. — Они же и дали мне портрет моей матери... Я рос и ничего, ничего о ней не знал...

— А ведь наш Клим Кириллович, доктор Коровкин, — после паузы продолжила Мура, — тоже сирота, его родители тоже умерли. И маму его тоже звали Софьей...

Их разговор прервался, потому что начался молебен и в парадном зале Аничкова дворца зазвучал мощный бас протодьякона Малинина... Потом, после освящения картины Романа Закряжного, к этой теме более не возвращались.

Почему же сегодня Мура вдруг изменила свое мнение о господине Формозове?

К этому подтолкнул ее доктор Коровкин! Зная ее страсть к истории, начал рассказывать о Международном историческом конгрессе, об опасениях княгини Татищевой, о возможно грозящей гибели документам петровских времен — в том числе и этой нелепой карте в Екатерингофском дворце. И мелькнула в Муриной головке мысль, что не случайно господин Формозов оказался в Екатерингофском парке. Да еще не один, а с каким-то оборванцем. Может быть, симпатичный чиновник давал ему деньги, чтобы купить керосину и поджечь дворец?

Предположение, конечно, дикое, Дмитрию Андреевичу, судя по всему, нет никакого дела до истории и ее проблем. Зачем ему поджигать дворец, где хранятся личные вещи Петра? Но, в любом случае, Муре показалось странным то обстоятельство, что они встретили господина Формозова в такой удаленной части города, в заброшенном парке.

После визита доктора Коровкина настроение у младшей дочери профессора Муромцева значительно улучшилось. И она решила съездить в Публичную библиотеку. Да, лекции сегодня она пропустила! Но почему бы не позаниматься самостоятельно?

Мура спустилась по лестнице и остановилась на тротуаре. Она подняла лицо вверх, навстречу теплым солнечным лучам, кликнула извозчика и велела медленно ехать на Невский.

Вспухшая, с плывущими по широкому голубому пространству обломками сверкающих льдин, с множеством чаек, реющих над юркими лодчонками и натужно тарахтящими судами, Нева выглядела торжественной и грозной. Победоносно сияли влажным весенним золотом могучий купол Исаакия, стройная, уносящаяся в голубую высь игла Адмиралтейства.

— А что, братец, — спросила Мура извозчика, когда тот остановился на повороте, пережидая, пока мимо прогремывает темно-синяя конка, влекомая сивыми лошадками, — слышал ли ты что-нибудь об ожившем призраке императора Петра?

— Как же, барышня, слышал, — охотно отозвался пожилой извозчик, — да уж пора Антихристу явиться, пора... Так и в писании сказано, что явится он и прольется кровь человеческая...

— А слышал ли ты про арапчонка? — спросила Мура.

— И об нем слышал. — Извозчик повернул к Муре обветренное лицо, на котором выделялись желтые, изъеденные пылью глаза.

— А что, в священном писании и об арапчонке сказано? — улыбнулась Мура.

— Антихрист зловреден и коварен, — ответил строго извозчик, — всей бездны зла его вместить и священная книга не может... А вы, милая барышня, вблизи Народного дома не гуляйте — слух прошел, скоро в зоологическом саду тигров и львов выпустят на свободу...

Лошадь тронулась легкой рысцей с приятным ритмическим цокотом подков о булыжную мостовую. Она помахивала головой, иногда брызгала пеной, от запаха ее пота у Муры щекотало в носу. Мура тряхнула головкой и повернулась налево.

Сердце ее забилось учащенно. Чуть позади стоял открытый фэтон в английской запряжке с грумом в цилиндре: на мягких кожаных сиденьях расположились... фрейлина Багреева и Илья Холомков. Мура хотела отвернуться, но не смогла. Ощущая приливший к щекам румянец, смотрела она на молодых людей. Илья Михайлович держал маленькую ручку, обтянутую белой лайковой перчаткой, — едва заметные движения его пальцев что-то сообщали девичьей ручке... Катя Багреева зачарованно смотрела на русоголового красавца.

Наконец Мура отвернулась, и ее коляска двинулась на Садовую. Хорошо, что молодые люди ее не заметили! Направляясь к дверям Публичной библиотеки, Мура вздохнула с облегчением: значит, не отнимет эта фрейлина у Брунгильды милого Клима Кирилловича! «Нет, он наш навсегда», — поднимаясь по пологой светлой лестнице, напевала она про себя в такт шагам.

В Публичной библиотеке весной работать приятнее, чем зимой. Сквозь огромные высокие окна виден оживающий белый свет, верхушки чуть тронутых зеленым флером деревьев, летучие облачка... На них можно смотреть долго-долго. И в сочетании с запахами книжной пыли, рассыхающегося паркета и дерева шкафов и полок, с приглушенным светом настольных ламп это ощущение вызывало необыкновенный прилив сил.

Разложив книги на зеленом сукне широкого письменного стола, Мура жадно просматривала страницы книг, выписанных из фонда.

Зачем Петр Великий убил своего родного сына? Историки пишут, что Алексей Петрович был темен лицом, не в отца пошел. Но и не в мать, Евдокию Лопухину. Так в кого же? Темна лицом была и его кузина — та, что стала потом императрицей Анной Иоанновной, то есть дочь Ивана, брата Петра Великого. Что-то здесь не то... А может быть, Алексей и не был сыном Петра Великого? Тогда чьим же сыном он был? И почему отрекался от престола?

На момент смерти Петр мог назначить своего преемника: либо жену Екатерину, либо внука Петра, но не сделал ни того, ни другого. Почему? Создается ощущение, что царевич Алексей с матерью, царь Иван с дочерью Анной Иоанновной, сын Алексея царевич Петр — представители одной династии... А Петр Великий вместе с полковой маркитанткой Мартой Скавронской и гипотетическим внуком — другая... Так, может быть, Петр действительно не законный император России?

Мура тяжело вздохнула. Она не заметила, как быстро пролетело время. Зал опустел. Она глянула в проем окна — и ничего, кроме синей темноты, не увидела. На часах — скоро девять, мама, наверное, беспокоится.

Она вышла на Невский. Не успела пройти и пятидесяти шагов, как ее едва не сбил мчавшийся навстречу верзила с развевающимся шарфом на шее.

Толкнув Муру, мужчина на бегу обернулся. Сиреневый, трепещущий свет фонаря упал на его костистое лицо, и Мура увидела полубезумный взгляд Романа Закряжного: рот его был открыт в беззвучном вопле. Он бросился к висящему на стене дома пожарному ящику и судорожно дернул находившуюся снизу рукоятку, в момент сорвав укрепленный и припечатанный к ней шнур, и тут же стал бешено вращать ее. Мура видела, как за стеклом пожарного ящика задвигалось колесо: в полицейскую часть подавался сигнал о пожаре.

И тут же вздрогнула: перекрывая шум движущихся экипажей и скрежет резко затормозившей у Аничкова моста конки, над Невским полетел истошный хриплый вопль:

— Караул! Спасите! Помогите! Пожар! Горит Аничков дворец!

Глава 16

Карл Иванович Вирхов был в ужасе! В самом центре столицы Российской империи, в хорошо охраняемых апартаментах Вдовствующей Императрицы — возгорается парадный зал вместе с освященным портретом императора Петра Великого!

Конечно, он, судебный следователь Вирхов, и сыскная полиция не бездействовали все эти дни — были приняты меры, чтобы обезопасить помещения, в которых размещены холсты Закряжного, но кому могло прийти в голову, что наглость поджигательницы настолько велика, что она покусится на императорскую резиденцию!..

Пожар в Аничковом произвел переполох в столице. На место происшествия прибыли городские пожарные команды, возглавляемые брандмайором, градоначальник в сопровождении высших полицейских чинов, начальник сыскной, прокурор, эксперты и фотографы, представители дворцового ведомства.

Усилия городской пожарной команды, руководимой громкоголосым брандмайором, потребовались лишь для того, чтобы предотвратить распространение огня и дыма по старинным дымоходам и вентиляционным коробкам, так как хорошо сработали дворцовая охрана и пожарные: учуяв запах дыма, местная обслуга не растерялась — и, ворвавшись в парадный зал, сорвала с окон плотные шторы и с их помощью сбила огонь, охвативший портрет и часть наборного паркета, устлавшего пол.

Карл Иванович Вирхов, затерявшийся среди высокопоставленных чиновников, нервничал: скопление такого количества ничего не понимающих в следственном деле людей неизбежно вело к тому, что важные улики могут быть уничтожены. Правда, по распоряжению градоначальника дворец плотно оцепила полиция, и весьма кстати — толпа зевак все росла. Преступник, если он еще скрывался на территории прилегающего сада, не сможет выскользнуть за пределы оцепления.

Вирхов внимательно вслушивался в сумбурные объяснения дворцовой челяди. Ему удалось вклиниться в бестолковое дознание, которое вели начальствующие лица, и со своим вопросом. Его интересовало, не принимал ли кто из обитателей дворца в отсутствие Вдовствующей Императрицы каких-нибудь подозрительных богомолок, странниц, побирушек... Поняв, что допросить толком ему никого сейчас не удастся,

Вирхов занялся изучением места происшествия и кивком пригласил сопровождавшего его помощника Тернова присоединиться к нему.

Зал располагался на втором этаже, попасть в него можно было либо по парадной лестнице, либо через внутренние покои. Но входная дверь и комнаты надлежащим образом охранялись, замки нигде не повреждены. Впрочем, из-за переполоха, вызванного пожаром, проверить это утверждение не представлялось возможным. Окна зала выходили на Невский, и проникнуть через них тренированному человеку не составляло труда. Закрытые шпингалеты ничего не значили, у поджигателя мог быть сообщник во дворце, позволивший ему ускользнуть. Никаких следов дамских ножек на подоконниках Вирхов не обнаружил, хотя прибег к помощи сильной лупы. Впрочем, версий могло быть несколько: простая халатность, поджигатель из своих, поджигатель посторонний.

Вирхов вплотную приблизился к выгоревшей стене. От портрета, с таким тщанием исполненного Романом Закряжным, практически не осталось ничего, сильно пострадал и драгоценный паркет. Характер распространения огня, по его мнению, совпадавшему с мнением брандмайора, соответствовал умышленному поджогу — скорее всего, злоумышленница плеснула керосином на портрет, а остатки жидкости вылила на пол, потом подожгла с помощью спичек. Следы керосина фигурировали и в других делах о поджогах: в Воспитательном доме, в помещениях Дамского кружка... Кто должен был стать жертвой поджигателя: Закряжный с его портретами или, упаси Бог, Мария Федоровна, Вирхов все еще не знал.

Внимательно осмотрел Карл Иванович и камин — тот, судя по всему, давно не топился, в зеве его просматривалось несколько аккуратно сложенных поленьев. Решетка была на ощупь холодна. Однако, проведя рукой по верхнему металлическому пруту, следовательно с изумлением увидел, что на руке его осталась полоска жирной сажи. При обследовании мраморного обрамления камина Карл Иванович опять воспользовался лупой и обнаружил на белой его поверхности странные темные пятна — они были разной формы, но по охватившему его волнению следовательно понял, что они как-то связаны с возгоранием зала. Чуть отстранившись и стремясь поймать в оке линзы совокупность всех пятнышек, Карл Иванович похолодел — не складываются ли они в знакомые ему очертания женской босой ноги? Он попросил своего помощника со всей тщательностью обвести мелом общее очертание пятен на каминной доске, а затем перенести его на бумагу. Сам же, низко склонившись и медленно продвигаясь вперед, начал всматриваться в каждую пядь под ногами... И

тщание его было вознаграждено — чуть сбоку от камина он увидел полуобгоревшую бумажку. Вот оно, вещественное доказательство, которое поможет ему выйти на след преступницы!

Из своего портфеля, стоявшего рядом с пыхтящим над таинственными пятнами помощником, Вирхов извлек необходимые ему предметы. Взяв в одну руку стекло, а в другую кусок картона, следовательно начал равномерно помахивать картоном в воздухе. От легкого движения воздуха обуглившаяся бумага поднялась и вновь опустилась на быстро подsunутое под нее стекло. Осторожно расправив ее пинцетом, следовательно положил сверху второе стекло. На черном фоне стали видны белесоватые штрихи букв. Да, будет для эксперта работенка!

— Все колдуешь, Карл Иванович? — раздался над ним басок прокурора.

— Бог даст, фотографическая пластинка больше нас прочтет... — Обернувшись, Вирхов поймал восхищенный взгляд затаившего дыхание помощника, и другой, умный, понимающий, — прокурора.

По распоряжению прокурора два эксперта, один из них фотограф, отделились от хлопотавшей у обгоревшего портрета, вернее, его останков, группы специалистов и, бережно взяв у Вирхова важное вещественное доказательство, отправились в лабораторию.

Вирхов с помощником тоже устремились на Литейный, предстояло допросить Романа Закряжного.

Когда вызванный из дому Вирхов прибыл к Аничкову дворцу, первый, кого он встретил, был художник. В расстегнутом пальто, без шляпы, с длинным нелепым шарфом, обмотанным вокруг жилистой шеи, он метался как безумный вдоль полицейской заградительной цепи, бросался в толпу зевак, пугая вопросами: не видел ли кто из них подозрительных людей, похожих на Петра Великого? Конец безобразному поведению портретиста положил сам Вирхов. Он велел городовому доставить беснующегося гения на Литейный и поместить его в комнату для задержанных, да чтоб глаз с него не спускали.

Вирхову казалось очень подозрительным, что Закряжный крутился именно здесь, на Невском, а не в других местах, где тоже хранились портреты его кисти. Крутился здесь накануне и Багулин...

Дежурный курьер, которого Вирхов попросил доставить задержанного, со смущением признался следователю, что Роман не один.

— Как не один? — изумился Вирхов. — А с кем же он?

— Понимаете, Карл Иванович, он устроил городовому дикую истерику, прямо на Невском. Кричал, что надо арестовывать не его, а нищего Ваньку Попова, что сидит с ребеночком у ограды Екатерининского сада. Этот

нищий, по словам Закряжного, бесценный свидетель — он видел, что незадолго до пожара мимо проходил оживший император вместе с арапчонком! Господин Закряжный так кричал и бесновался, так упирался и не желал идти, что городской препроводил сюда и полуслепého оборванца.

Потрясенный Карл Иванович вздохнул, велел привести Закряжного да доставить горячий чай для себя и кандидата, которого усадил писать протокол.

Роман Закряжный, едва появившись в дверях, перекрестился.

— Господин Вирхов, я решил уйти в монастырь. Буду писать святые лики. Они не горят. А Петр Великий — Антихрист.

— Ступайте сюда, господин Закряжный, — сурово велел Вирхов, — и садитесь. В монастырь уйти всегда успеете. Да и заслужить надо право писать лики святые. Послушание пройти, душу очистить от скверны лжесвидетельствования и кровопролития.

— О чем это вы, Карл Иваныч? — смиренно спросил Роман.

— О Дмитрие Донском, — следовательно обратился к своему любимому методу «буря и натиск».

— Да, да, Карл Иваныч, в память об убиенной Аглае буду писать образы святого благоверного князя Дмитрия Донского, освободителя Руси от злого ига татарского.

— Может быть, и будете, — загадочно сказал Вирхов, вглядываясь в неподвижное костистое лицо могучего художника. — А пока объясните мне, откуда вы узнали, что вечером будет подожжен портрет в Аничковом дворце?

— Я этого не знал. — Роман Мстиславович несколько раз моргнул, сгоняя слезу, набежавшую на глаза. — Более того, я был уверен, что ему ничто не угрожает.

— На чем зижделась ваша уверенность? — без паузы насел Вирхов.

— Во-первых, дворец хорошо охраняется. А во-вторых, я уже заплатил Модесту.

— Как это заплатил? — вскочил Вирхов. — За что?

— За то, чтобы он не поджигал более моих полотен, — сник художник, — как на духу говорю вам, Карл Иваныч. Думал я, что это его рук дело, чтоб, значит, заставить меня застраховать полотна. Вот и застраховал. Правда, денег у меня было немного, только на портрет в Аничковом и хватило.

— Вы избличаете себя, милостивый государь! — в сердцах хлопнул ладонью по столу багровый Вирхов. — И сами не замечаете, что это делаете! Да после того, как вы застраховали этот портрет, вы же и

заинтересованы в том, чтобы в случае его гибели получить кругленькую сумму! Модест здесь ни при чем! Или вы решили поделить полученный преступным путем доход? Как вы могли застраховать не принадлежащий вам портрет?

— Портрет еще был мой, денег я за него еще не получал. — Роман Закряжный закрыл руками лицо и неожиданно зарыдал.

Вирхов сел и с любопытством с минуту наблюдал за художником. Затем сделал знак кандидату, чтобы тот принес стакан воды.

— А зачем вы кричали о призраке Петра Первого? Вы намекали, что в Аничков дворец проник мистер Стрейсноу? — неожиданно спросил Вирхов, когда рыдания художника стали стихать.

— Стрейсноу? Может быть, — бессмысленно пролепетал портретист, — он-то и есть Антихрист... Он умеет человеческий облик принимать, а умеет и сквозь стены проникать, уничтожать свои изображения...

— Антихрист все-таки князь Тьмы, — сказал миролюбиво Вирхов, — а вы его, батенька, без венца, без короны повадились изображать. Может, тем и прогневили?

Художник неуверенно произнес:

— Но и другие портреты Петра писались без короны, и ничего, не загораются...

— Так-так, — постучал Вирхов согнутыми пальцами по столу, с интересом рассматривая Закряжного, — а где же скрывает мистер Стрейсноу своего арапчонка?

— Ума не приложу, Карл Иванович, — прошептал обескураженный художник. — Может быть, Модест знает, я просил его следить за англичанином. Может быть, в английском посольстве? Или в представительстве иранского шаха?

— Да-да, — подхватил Вирхов, — вы еще Эфиопию вспомните! А может быть, это женщина-негритянка по профессии врач?

Хлопающий глазами портретист с опозданием ахнул.

— Ах, господин Вирхов! Тогда-то ее легко найти — разве много в столице людей с таким редчайшим сочетанием признаков!

— Думаю, нет ни одного. — Голос Вирхова стал ласковым и вкрадчивым. — А вы как думаете?

— Я верю в ваше мастерство, господин следователь! — воскликнул взбодрившийся художник, глаза его загорелись огнем.

— А я верю в вашу беспримерную лживость! — рявкнул Вирхов. — Ишь, как вы обрадовались, услышав о женщине-негритянке-враче! Да тут-

то и попались на крючок! Ведь эта самая женщина то же самое что и святой благоверный князь Дмитрий Донской!

— Как это одно и то же? — качнулся, как от удара, Закряжный, острый кадык на его жилистой шее судорожно двигался туда-сюда.

— А так! — ликующе воскликнул Вирхов. — Вы мне басни свои плетете, а толком и соврать-то не можете. Какой образ Дмитрия Донского? Князь-то этот не святой!

— Не святой? — хрипло переспросил портретист. — Освободитель земли Русской от ига татарского?

— Он самый! — продолжал наступать Вирхов. — Не святой и не благоверный! Православной церковью не канонизирован!

Закряжный смотрел за Вирхова стеклянным взглядом.

— Значит, не писать мне святого лика княжеского, — выдохнул он и осел, как лопнувший мячик.

— Не писать, голубчик, не писать, — удовлетворенно потер ладони Вирхов, — не скроетесь от правосудия в монастыре. Кровь убиенной Аглаи вопиет!

— Да-да, вопиет, — подтвердил художник. — За что только смерть приняла бедняжка от моей бараньей кости?

— Вот мы и вернулись к нашим баранам, — уловив случайный каламбур, заключил Вирхов. — К тому, что вы говорили о покрове или пелене, на которой убиенная вышивала имя Дмитрия Донского. Врали, значит, следствию, вводили в заблуждение. Надеялись на легковёрность Вирхова. Все учли, даже его немецкое происхождение.

— Чье немецкое происхождение? — спросил дрожащий портретист.

— Мое! Мое! — завопил Вирхов.

— А разве вы немец, господин Вирхов? — побледнел Закряжный.

— Хватит ваньку ломать! — зашипел обессиленный следователь. — Довольно изображать из себя идиота! Отвечайте не уваливая: зачем вы приплели к убийству Аглаи Фоминой Дмитрия Донского?

— Я? Приплел? — залепетал совершенно сбитый с толку художник. — Нет, господин Вирхов! Богом клянусь! Холст, который я видел у убитой, был украшен золотыми буквами!

— Прекрасно, — прервал его Вирхов. — Вот вам лист бумаги и карандаш. Немедленно воспроизведите надпись.

Следователь подвинул художнику бумагу и карандаш и замолчал.

После раздумья художник сказал:

— Буквы были большие, на листе не уместятся.

— Вы уж уместите, голубчик, постарайтесь, — язвительно попросил

Вирхов, — да примерный масштаб уменьшения покажите снизу.

Художник нетвердой рукой начал набрасывать буквы. Затем остановился, задумался и наконец протянул лист бумаги Вирхову.

Тот воззрился на надпись — в ней было всего пять букв: ДОНСК.

— Так-так, — сурово свел плоские брови Вирхов, — опять хитрите. Увиливаете. С чего вы взяли, что эти буквы обозначают Дмитрия Донского?

Художник сидел, опустив голову.

— Во всем виновато мое воображение! — вздохнул он. — Такая уж догадка вспыхнула у меня в уме. А что я еще мог подумать? Там еще и крест был сверху вышит...

— Так пусть ваше воображение подключится и теперь — если не для храма вышивала Аглая пелену, то для чего, для кого?

Художник с минуту безмолвствовал, Вирхов ждал.

— Я боюсь идти домой, я боюсь выходить на улицу, — простонал Закряжный, — я боюсь, что не переживу надругательства над моим творчеством!

— Хорошо, голубчик, этому горю мы поможем, — пообещал Вирхов, — сидите здесь, никто вас не гонит. Ужином вас накормим, постелью обеспечим.

Когда художника увели, Карл Иванович позволил себе на пять минут расслабиться. Он встал из-за стола и, воспользовавшись тем, что кандидат улизнул, сделал несколько приседаний, вытягивая руки перед собой, согнул их в локтях, сделал несколько круговых движений, разминая затекшие плечевые суставы. Потом выпил стакан чаю и с нежностью посмотрел на жестяную баночку, которая каталась в ящике его стола, — это было сгущенное молоко «Нестле», которое рекомендовала ему Полина Тихоновна. И как она угадала, что Вирхов тайный сладкоежка?

Карл Иванович нажал кнопку электрического звонка и попросил появившегося дежурного курьера привести Ваньку Попова.

— Ну что, Павел Миронович, — дружески посмотрел он на осунувшееся лицо вернувшегося кандидата, — готовь бумаги, еще писанина будет. Иван Попов, сын Михайлов, родился в Тверской, из мещан.

Босяк появился на пороге без смущения — с явно выраженным неудовольствием.

— Подтверждаешь ли ты, Ванька, что видел ожившего Петра Великого с арапчонком? — после необходимых формальностей спросил устало Вирхов, не приглашая оборванца сесть.

Живописные грязные лохмотья Ваньки, наверное, кишели вшами, спутанные остатки волос торчали вкривь и вкось, черная повязка закрывала правый глаз. Из-за пазухи арестованного торчало что-то продолговатое, завернутое в грязную тряпицу.

— Нет у вас уважения к простому человеку православному, — расплылся в наглой улыбке Иван. — А каждый человек — Божье творение и тайна. Он, как писал Достоевский, всечеловек.

— Хватит балаболить, — прервал его Вирхов, — отвечай на вопрос. Достоевским он меня поучает.

— А Федор Михайлович-то был прав, надо, надо всем вам, прислужникам убийц и невольным кровопивцам, идти на Сенную площадь да землю целовать.

— Смотри, Ванька, — пригрозил Вирхов, — сейчас в желтый дом отправлю, там быстро на тебя смирительную рубашку наденут да цепями к койке прикуют.

— Не пугайте меня! Не пугайте! — нагло ответил оборванец. — Пострадать за правду-матушку не боюсь! И Христос за истину пострадал!

— Распятия добиваешься? — Вирхов угрожающе сдвинул брови. — Смотри, доиграешься. Отвечай на вопрос. Видел или нет призраков?

— Видел, видел, — радостно откликнулся Ванька. — Разгуливают по столице Российской, не дают дремать на пуховиках преступникам.

— Куда призраки направлялись?

— Да кто ж их знает? Длинный император, согнувшись и надвинув на лоб шляпу, к Александринке побрел, а арапчонок за ним устремился... Крался по кустам, как тать в ночи...

— Скройся с глаз моих, Ванька, — сказал Вирхов, — да смотри, чтоб более на Невском я тебя не видел.

Бродягу выпроводили. Вирхов нажал кнопку электрического звонка — на пороге возник дежурный курьер.

— Полюбопытствуй, голубчик, — сказал мягко Вирхов, — не готова ли экспертиза по той бумажке, что найдена в Аничковом?

— Готова, господин Вирхов, — вытянулся курьер, — уже докладывали, да вы заняты были, не хотел мешать дознанию.

— Хорошо, доставь результаты сюда. Я хочу взглянуть.

Не прошло и пяти минут, как Карл Иванович держал в руках снимки, сделанные в фотолаборатории. Судя по ним, возле камина в Аничковом валялась записка следующего содержания: «Клавка, чертова кукла, беги на Обводный к полудню к своему Адриану».

Глава 17

— Мама! Мамочка! — закричала, влетая в столовую, младшая дочь профессора. — В городе опять пожар!

В комнате кроме Елизаветы Викентьевны находились Брунгильда и доктор Коровкин.

— Что? — Брунгильда вскочила. — Пожар? Где?

Клим Кириллович растерянно глядел на Муру. Елизавета Викентьевна покачала головой.

— погоди, Мурочка, не кричи. Садись за стол, мы чаевничаем. Расскажешь все по порядку. Но сначала поешь.

Мура повиновалась. Усевшись рядом с Климом Кирилловичем, она обвела глазами стол: ломтики ветчины, телятины, домашнего сыра выглядели так аппетитно. В окружении тарелочек с печеньями, вареньями, лимоном красовался и графинчик с красным бордоским вином — не пьянящим, душистым «Шато-Лярозом» потчевали Клима Кирилловича, как догадалась Мура, хотя хрустальные рюмочки с напитком густого рубинового цвета стояли и перед матерью, и перед усевшейся на свое место сестрой.

— А вот теперь рассказывай, — сказала Елизавета Викентьевна, когда увидела, что голодный блеск в глазах Муры пропал. — Неужели в Публичной библиотеке произошло возгорание?

— Нет, мамочка, все гораздо хуже, — Мура отвела глаза от тарелки с сыром, — пожар произошел в Аничковом дворце.

— Как в Аничковом дворце? — воскликнула Брунгильда. — Не пострадал ли Дмитрий Андреевич?

— Если кто и мог пострадать, так это Екатерина Борисовна, — доктор слегка покраснел.

Мура выдержала театральную паузу и, поймав взгляд доктора, глядевшего на нее с опаской, с наслаждением произнесла:

— Милая Катенька, Клим Кириллович, не пострадала. Она в это время развлекалась с господином Холомковым.

— Не может быть, — неуверенно произнес доктор: он начинал подозревать, что Мура специально выдумывает неприятные колкости о Кате. — Впрочем, все равно. — Морщинка, обозначившаяся было между его бровей, разгладилась. — Вы думаете, пострадал портрет, писанный

Романом Мстиславовичем?

— Я не только так думаю, но и собственными глазами видела, как господин Закряжный, обезумевший, бегал по Невскому, вызывал пожарных, кричал, что гибнет его шедевр!

О еде Мура забыла, ее снова охватило возбуждение.

— Прямо напасть какая-то, — вздохнула Елизавета Викентьевна. — Один за другим, один за другим — так и горят его несчастные полотна.

— А зрелище было эффектное! — Мура положила себе на тарелку кусочек сыру и теперь намазывала маслом хлеб. — Я залюбовалась на то, как действуют пожарные. И полиция быстро прибыла и оцепила дворец. А как вы оказались здесь, милый Клим Кириллович? — Любопытство не давало Муре покоя. — Мы же с вами сегодня виделись.

— Когда Брунгильда вернулась из консерватории, выяснилось, что Ипполит не может сегодня ее сопровождать: у него назначена срочная встреча, — пояснила Елизавета Викентьевна, — мы и позвонили Климу Кирилловичу. Он был так любезен, что согласился поехать в гостиницу к мистеру Стрейсноу. Но сэр Чарльз не позволил доктору взглянуть на его рану и, как я поняла, рассердился.

— Вообще он был очень странный. — На нежном личике Брунгильды появилось недоуменное выражение: чувствовалось, что история с баронетом серьезно беспокоит ее. — У меня такое ощущение, что он хотел выйти на улицу, но мы ему помешали, и он занервничал. Он безостановочно ходил по номеру и время от времени морщился, будто от боли.

— Ничего удивительного, наверное, его беспокоила рана. — Доктор перехватил брошенный на него тревожный взгляд голубых глаз красавицы. — А вот ярость, вспыхнувшая у него во взоре, когда я попросил посмотреть его перстень...

— А зачем вы хотели его посмотреть? — прервала доктора Мура, расправившаяся с сыром и подвинувшая к себе тарелку с биточками, принесенную для нее Глашей.

— Разве я вам не рассказывал?! — воскликнул Клим Кириллович. — Княгиня Татищева уверяла меня, что мистер Стрейсноу может оказаться внебрачным ребенком императора Петра, усыновленным Стрешневым. Тем самым, который был влюблен в Евдокию Лопухину и отправлен в Англию. Если это так, то у баронета должен быть перстень с сердоликом, а под камнем — портрет Евдокии.

— Она думает, что фамилия Стрейсноу — англизированный вариант Стрешнёва! — воскликнула Елизавета Викентьевна.

— Да, именно так, — кивнул доктор, подливая вино из графинчика дамам и себе. — А поскольку у мистера Стрейсноу был перстень с сердоликом, я и обратился с просьбой взглянуть.

— Ну и как? — глаза Муры горели живым интересом, что не мешало ей заниматься биточками.

— После секундного замешательства сэра Чарльз снял перстень с руки и протянул его мне. Сказал, что секретов в нем нет. Я повертел камень и так и сяк — не открывается.

— Значит, он всего лишь английский баронет? — разочарованно протянула Мура.

— Это тоже немало, сестричка, — с лица Брунгильды не сходило тревожное выражение. — Однако это еще не все странности. Когда мы только входили в номер, Чарльз поспешно спрятал под подушку свою золотую шкатулку. Помнишь, мы ее видели вчера?

— Помню, — кивнула Мура, и после минутного размышления уверенно заявила: — Он чего-то боится.

— Я думаю, шкатулка не золотая, — поделился своими соображениями доктор, — но золоченая. Хотя по тому, как напряглась кисть руки сэра Чарльза, я — это профессиональное уже качество! — видел, что она довольно тяжелая.

— Может быть, там у него хранятся сокровища? Золотые слитки? — Синие глаза Муры округлились, кончик тоненького носика дернулся.

— И он их выставляет на всеобщее обозрение в гостиничном номере? — усомнилась Елизавета Викентьевна, скептически глядя на молодежь. — Прячет под подушкой, вместо того, чтобы сдать в гостиничный сейф?

— А объяснил ли как-то сам мистер Стрейсноу свое нервическое состояние? — поинтересовалась Мура. — Все-таки это очень странно.

— Ты не поверишь, сестричка, — призналась понурая Брунгильда, не прикасавшаяся ни к еде, ни к вину, — но я начала бояться за психическое здоровье сэра Чарльза. Он ходил-ходил по комнате, потом вдруг подошел ко мне и поцеловал меня в щеку! Прямо при Климе Кирилловиче! — Брунгильда обвела присутствующих обиженным взглядом и обескуражено добавила: — У англичан вообще-то считается непристойным проявлять истинные чувства — разве что при закрытых дверях, один на один.

— А ты? — Мура подалась вперед.

— А Брунгильда Николаевна, похоже, растерялась. — Клим Кириллович ни минуты не сомневался, что красавица из собственного опыта знала, как ведут себя влюбленные англичане. — Брунгильда

Николаевна ледяным тоном заявила сэру Чарльзу, что поцелуи способствуют распространению чахотки и дифтерита...

Елизавета Викентьевна невольно рассмеялась: она-то знала свою строгую целомудренную девочку — Брунгильда сохранит достоинство в любых обстоятельствах.

— А мистер Стрейсноу отшатнулся от меня и, вытаращив свои глазищи, прошептал: «И это вы говорите умирающему?» — Старшая дочь профессора Муромцева беспомощно уставилась на доктора.

— А вы, Клим Кириллович, что сделали вы? — обернулась к нему Мура.

— Я продолжал наблюдать этого странного больного, — признался тот, — и не успел ничего сообразить.

— Сэр Чарльз не дал нам ни минуты на раздумья, — пояснила Брунгильда. — Он со стоном сложил ладони у груди и выкрикнул: «Да когда же вернется в Петербург господин Муромцев?»

— И что ему так сдася Николай Николаевич? — недоуменно пожала плечами Елизавета Викентьевна. — Вы, надеюсь, его успокоили, сказали, что на днях отец будет здесь?

— Да, мамочка, разумеется. — Брунгильда искоса посматривала на Клим Кирилловича. — Но он и на этом не успокоился.

— Что же он сделал? — тревожно спросила Мура.

— Мы были уже на пороге, и он, откровенно обрадовавшись нашему уходу, прошептал: «Брунгильда Николаевна, не удивляйтесь, если что-то со мной случится, за мной следят. Кажется, мне в воду подмешивают снотворное. И пока я сплю, роются в моих вещах»...

— У мистера Стрейсноу что-то пропало?

Мура покончила с едой и все внимание сосредоточила на рассказе о странном поведении английского баронета.

— Как мы поняли, не пропало ничего, — ответила Брунгильда, — но особенно не расспрашивали. Предложили заявить в полицию, но он замахал руками и чуть не задохнулся от возмущения, едва услышал о полиции. — Брунгильда подвела черту. — Милый Клим Кириллович, видя, как я расстроена, привез меня домой...

— Но самовар остыл, а мы еще и не пили чай, — огорченно заметила Елизавета Викентьевна.

От чая их отвлек телефонный звонок, и Елизавета Викентьевна отправилась к аппарату. Вернувшись, она сказала:

— Звонила Полина Тихоновна и просила передать вам, Клим Кириллович, что, во-первых, вас срочно просит связаться с ней госпожа

Багреева, а во-вторых, телефонировал Карл Иванович Вирхов и интересовался, не взяли ли вы в Чумном форте пробирку с бациллами?

Глава 18

Клим Кириллович Коровкин знал — в любом наборе исходных данных самая надежная величина, не требующая никакой проверки, является ошибочной. Это относилось не только к собственно научной деятельности — и впоследствии получило название третьего закона Инейгла, — но и к самым обыденным событиям человеческой жизни. И все-таки ему трудно было поверить, что его собственная жизнь как нельзя лучше подтверждала эту печальную закономерность. Один Чумной форт чего стоил!

Вчера, добравшись с Васильевского до Большой Вельможной, доктор Коровкин застал в своей квартире ожидавшего его чиновника по особым поручениям из сысской полиции. Строгий молодой человек с черными, тронутыми сединой волосами весьма досконально расспросил Клим Кирилловича о поездке в Чумной форт. Интересовало его, в том числе и то, не заметил ли доктор Коровкин чего-либо подозрительного в поведении кого-нибудь из группы медиков. Клим Кириллович отвечал обстоятельно, хотя и с похолодевшим сердцем. Он-то прекрасно представлял себе, чем может грозить исчезнувшая пробирка с чумными бациллами, если попадет в неопытные или преступные руки! Слава Богу, лично его, кажется, не подозревали.

В группу врачей, посетивших Чумной форт, входило несколько хорошо известных Климу Кирилловичу врачей, но были и такие, которых он видел впервые. Все при сюртуках, галстуках, в белых рубашках, с аккуратными бородками и усиками — лишь степень добротности платья да манера держать себя выдавала и удачливых целителей и не очень удачливых. Но без сомнения непрофессионалов там не было. Ничего странного доктор Коровкин не заметил.

Тетушка Полина после ухода чиновника напомнила Климу Кирилловичу о том, что его звонка дожидается госпожа Багреева. Несмотря на поздний час, доктор телефонировал — неужели шантажист объявился? Девушка попросила его прийти завтра вечером на фотовыставку в Пассаж.

Потом доктор отправился в ванную комнату и довольно долго занимался водными процедурами. Он решил завтра утром съездить с Мурой в Екатерингофский сад, а затем пойти в Пассаж по приглашению Екатерины Борисовны.

Утром позвонила Мария Николаевна и сообщила, что Брунгильда тоже поедет в Екатерингофский сад — развеяться. А еще получена телеграмма от профессора Муромцева: завтра вечером он приезжает, и они собираются встречать его.

Сидя в коляске, направляющейся в Екатерингоф, Мура старательно отворачивалась от лучей весеннего солнца: ее лицо постоянно затенял шелковый, отделанный забавными бархотками зонтик, привезенный для нее из заграничного турне старшей сестрой. Клим Кириллович ласково усмехнулся — напрасно Мура боится веснушек, на ее нежной коже два-три крохотных пятнышка у прямого тонкого носика смотрятся очень пикантно.

Доктор перевел взгляд на Брунгильду Николаевну. Ее царственная осанка всегда нравилась Климу Кирилловичу, и он любил это ее произвольное движение подбородком — чуть-чуть вбок и вверх. Ничего нет удивительного, что этот англичанин Стрейсноу не справился с порывом и поцеловал девушку!

Едва коляска остановилась у Екатерингофского дворца, Мура выпрыгнула из нее и устремилась через ажурный мостик к ступеням крыльца. Доктор галантно подал руку Брунгильде Николаевне, мельком, но с удовольствием глянув на маленькую ножку в черном ботинке, показавшуюся из-под юбки, когда девушка спускалась на землю. Несколько секунд он постоял в размышлении, брать ли ему с собой неизменный саквояж? Или оставить под присмотром кучера? Или доверить хранителю дворца? Впереди стоит еще одна коляска с дремлющим на козлах кучером.

Войдя в вестибюль, где Мура и Брунгильда беседовали с хранителем-инвалидом, доктор перевел дух.

— Раненько вы приехали, милые барышни, — говорил сочувственно хранитель, — я ж говорил вам, что благодетель наш еще не завершил работ по спасению деревянного нашего сокровища от возгорания. Сегодня как раз сымают петровскую карту да пропитывают ее чудодейственным средством... Неопалимая будет карта, навечно сохранится.

— А вы уверены, что карте ничто не грозит? — тревожно взглянула в мутные глаза старика Мура.

— Да что же сердешной сделается? Снимут со стеночки аккуратненько, сложат в несколько рядочков и в корытце люминиевое окунут. Сам в щелочку видел, как аккуратно подходят, каждый гвоздик ласково вытаскивают. А сейчас туда нельзя — опасные испарения, для здоровья вредно.

— Что ж нам делать? — Расстроенная Мура смотрела на доктора

Коровкина. — Не подождать ли окончания этой процедуры?

— Туда раньше завтра не взойдешь, барышня, — огорчил ее хранитель. — Да вы ж можете и на второй этаж подняться — китайские комнаты осмотреть. Тоже, доложу вам, дива дивные.

— Хорошо, — вяло согласилась Мура. — Коли уж приехали, давайте осмотрим китайские комнаты.

Старик отправился за ключами от китайских комнат, а посетители остались ждать. Мура в тревоге посматривала на запертую дверь, ведущую в покои первого этажа, и, не взирая на протесты доктора и сестры, направилась к ней, чтобы заглянуть хотя бы в щелочку. Но не успела она приблизиться к двери, как резная дубовая створка приоткрылась и на пороге появился... Илья Михайлович Холомков.

— О! — театрально воскликнул он. Какая встреча! Я всегда говорил, что Петербург город тесный. Мое почтение, Клим Кириллович! Позвольте ваши ручки, милые барышни. Брунгильда Николаевна?

Щеки Брунгильды вспыхнули, и она, поведя точеным подбородком, протянула руку русскому Адонису.

Клим Кириллович был поражен. Что все это значит?

— Мария Николаевна? — требовательно и слегка нетерпеливо произнес красавец, и властные нотки в его голосе заставили доктора вздрогнуть: с каких пор господин Холомков держит в подчинении сердечко Марии Николаевны? — Счастлив вас лицезреть.

Мура, замирая, смотрела на Илью Холомкова — не может же такого быть в природе, чтобы человек с каждым днем, с каждой неделей, с каждым годом становился только прекрасней?

— Однако мы не ожидали вас здесь встретить, господин Холомков, — сказал доктор Коровкин севшим от волнения голосом.

— И я тоже не ожидал, — откликнулся Холомков, с нескрываемым равнодушием приложив обворожительные уста к белой Муриной перчатке и тут же забыв о ней. — Но это неожиданность приятная.

— Так это вы таинственный благодетель дворца? — спросила Брунгильда глубоким контральто, в переливах которого слышалась готовность вступить в опасную игру.

— О милая Брунгильда Николаевна, это сущие пустяки, — ответил чуткий Илья Михайлович, прикасаясь к ее локтю и говоря глазами что-то другое. — Благое дело на небесах зачтется. Правда, я предпочитаю творить добро в уединении. Но тут уж ничего не поделаешь — судьба...

— О какой судьбе вы говорите? — резковато вклинился доктор, ему было неприятно, что Брунгильда Николаевна стоит слишком близко к

красивому нахалу. — Вас кто-то заставлял ремонтировать дворец?

Холомков рассмеялся, показывая всем своим видом, что понимает, отчего так злится доктор Коровкин.

— Случай и есть судьба, дорогой доктор, — многозначительно улыбнулся он. — А потом — дело нехитрое. Запрос в Имперскую Канцелярию, пара рекомендаций, смета, разрешение, поиск подрядчика и рабочих, закупка и доставка антиоксигидры... Завтра уже все будет завершено...

— Вы интересуетесь вопросами сохранности исторического наследия? — спросила хрипло еще не вполне оправившаяся от шока Мура.

— Скажу вам по секрету, милая Мария Николаевна, что этот интерес очень выгоден — исторические ценности лучшая форма вложения капитала, — снисходительно разъяснил красавиц, не отводя смеющихся глаз от старшей дочери профессора Муромцева.

— Так будете ли вы осматривать китайские комнаты? — напомнил о себе незаметно появившийся хранитель.

— Будут, будут непременно, — ответил вместо барышень сияющий Холомков, — а я стану гидом.

Он сделал шаг к дверям, из которых недавно вышел, приоткрыл их и крикнул в глубину зала:

— Как закончите, выносите, я заберу. — Он захлопнул дверь и пояснил слушателям: — Редчайший химический состав, запатентован в Италии, очень дорог. Привез сюда самолично. Что останется, могу подарить вам — для химического анализа.

— Мы непременно порадует этим новшеством папу, — дрожащим голосом пообещала Мура, отметив про себя, что ею никто не интересуется.

Она повернулась и пошла вслед за согбенным хранителем по направлению к лестнице на второй этаж. Мура никогда прежде не видела такого количества китайских вещей — они занимали два помещения. Во второй комнате, стены которой, так же как и в первой, были оклеены шелковыми китайскими обоями, хранились лакированные фарфоровые ширмы с живописным изображением церемониального шествия китайского императора со свитой, китайская мебель, две большие картины на дереве с наклеенными и раскрашенными фигурками из слоновой кости. В других обстоятельствах Мура внимательно бы рассмотрела каждую детальку таких хрупких на вид раритетов. Но сейчас!

Эта экскурсия вылилась для Муры и доктора Коровкина в сущую пытку. Илья Михайлович Холомков, поддерживающий под локоток Брунгильду Николаевну, не отходил от нее ни на шаг. Рассказывая о

китайских диковинках, он лишь изредка поглядывал на доктора Коровкина и Муру и время от времени обращался к хранителю за помощью. Лучше всего Холомков знал современную цену каждой вещи из коллекции, за которую почти двести лет назад посланник Петра Великого лейб-гвардии капитан Лев Измайлов заплатил десять тысяч рублей. А словоохотливый старик, похоже, решивший, что имеет дело с двумя влюбленными парочками, как назло, становился все время так, чтобы отделить Муру с доктором от Брунгильды с Ильей Михайловичем. Впрочем, русский Адонис не преступал границ приличия.

Закончив осмотр китайских комнат, молодежь стала спускаться по лестнице. В вестибюле Мура попросила доктора остановиться.

— Милый Клим Кириллович, как вы думаете, сколько надо заплатить этому милому старичку?

— Не беспокойтесь, Мария Николаевна, — торопливо ответил доктор Коровкин и полез за портмоне в карман сюртука, — я расплачусь.

Он вынул зелененькую купюру, убрал портмоне и посмотрел на младшую дочь профессора Муромцева. Она обводила блуждающим взором дубовые стены и, казалось, избегала встречаться с доктором взглядом.

— Не забудьте ваш саквояж, — она указала доктору на столик, где стоял кожаный атрибут петербургского Гиппократы.

— Не забуду, — машинально ответил доктор, пытаясь усмотреть на крыльце фигуры Брунгильды Николаевны и Ильи Михайловича. Сердце его сжималось, он чувствовал себя внезапно осиротевшим.

Доктор взял саквояж, расплатился с хранителем и почти бегом устремился прочь из дворца в пахнувший весенней влагой парк.

Брунгильда Николаевна с надменным и гордым видом восседала в коляске, крепко сжимая правой рукой белую лакированную ручку раскрытого зонтика. Рядом с ней, облокотясь на край дверцы, стоял Илья Михайлович Холомков: солнечные апрельские лучи играли на его русых с прозолотью волосах, густыми прядями спускающихся с затылка на воротник белоснежной рубашки, выглядывающей из сюртучного ворота.

Мура, зардевшись, спустилась по дощатому настилу и поднялась в экипаж.

Напротив нее уселся поджавший губы доктор Коровкин, правой рукой он опирался на свой неизменный саквояж.

— Трогай, братец! — крикнул извозчику Холомков и, сделав шаг назад, послал дочерям профессора Муромцева воздушный поцелуй.

Доктор Коровкин молча смотрел на девушек — кто из них обернется? Мура и Брунгильда сидели, опустив глаза и вцепившись в свои зонтики.

— Надо предложить Роману Закряжному написать с господина Холломкова Париса, — пробормотала в смущении Мура.

— Неплохая идея, — издевательским тоном одобрил доктор Коровкин, увидев блуждающую улыбку Брунгильды, — к юбилею города Троя... Не знаете, Мария Николаевна, когда юбилей?

Мура чувствовала себя виноватой — как же такое могло случиться? Почему при виде Ильи Михайловича она совсем потеряла голову? В чем секрет его магнетических глаз? Почему одно только его присутствие вызывает сладкое волнение и заставляет забывать обо всем на свете, в том числе и о милом Климе Кирилловиче?...

— Прежде, чем мы поедem домой, — сказала неожиданно Брунгильда, — я хотела бы заглянуть в гостиницу Лихачева — выяснить, как чувствует себя мистер Стрейсноу. Вы не возражаете?

Доктор Коровкин и Мура не возражали, и Клим Кириллович велел извозчику, облаченному в неизменный темно-синий армяк, подпоясанный красным кушаком, следовать на Фонтанку. Возле гостиницы Лихачева Клим Кириллович, не выходя из коляски, попросил швейцара выяснить, находится ли в своем номере мистер Стрейсноу? Швейцар кликнул посыльного, и подросток в красно-зеленой тужурке с блестящими позолоченными пуговицами скрылся в глубине здания. Через несколько минут мальчишка сообщил, что мистер Стрейсноу заперся в своем номере и велел никого не принимать. И, получив из рук доктора Коровкина монетку, шепотом добавил: говорят, всю ночь гулял, вернулся под утро.

Клим Кириллович велел извозчику трогать. Компания проехала по Невскому, стараясь углядеть в облике безмолвного красного Аничкова дворца печальные изменения, произведенные вчерашним пожаром, но все было как всегда, оцепление вокруг сада было снято. Впрочем, вдоль чугунной решетки, украшенной позолоченными двуглавыми орлами, ходил городской с блестящей бляхой на груди, с шашкой и наганом.

Когда молодые люди вошли в квартиру Муромцевых, их встретили оживленная горничная Глаша, сияющая радостью Елизавета Викентьевна и Полина Тихоновна. Но, самое главное, в гостиной их ожидал посвежевший, без всяких следов дорожной усталости, сам Николай Николаевич Муромцев: вопреки первоначальным планам, торопясь к семье, он не стал задерживаться в Варшаве, а посему нагрязнул домой сюрпризом.

Мура и Брунгильда бросились к отцу и стали его целовать и тормошить.

— Ну, довольно, довольно, баловницы, — рокотал Николай

Николаевич, — знаю, что соскучились, и мне вас не хватало, привез вам гостинцы, скоро получите.

Потом мужчины с чувством пожали друг другу руки и обнялись.

— Все бока отлежал в дороге, — пожаловался профессор, — а что еще делать? Читать невозможно даже в очках — такая тряска, и железный лязг лезет в уши... Он и убаюкивает. Спал столько, что, боюсь, сегодня не засну. А режим восстановить надо — завтра на службу. Нет ли у вас, Клим Кириллович, какого-нибудь сильного снотворного?

— Но снотворное вредно для здоровья, — предупредил доктор Коровкин.

— Знаю, знаю...

— Хорошо, — согласился доктор, — сейчас достану из саквояжа хлоралгидрат.

Он сходил в прихожую, принес саквояж и, водрузив его на шестигранный столик, открыл.

Лицо Клима Кирилловича вытянулось, щеки залила мертвенная бледность, рот приоткрылся... С минуту он смотрел в зев раскрытого саквояжа, затем перевел взгляд на Муру.

Мария Николаевна сорвалась с места, подбежала и, заглянув внутрь саквояжа, ахнула: на дне его лежал сложенный в несколько раз холст, а тот небольшой фрагмент, что открывался взору, был украшен золотым крестом и золотыми буквами: ДОНСК...

Глава 19

Профессор Муромцев, медленно наливаясь пунцовой краской, стоял посреди гостиной и наблюдал за царящей вокруг него суетой — бедная горничная Глаша металась от одного к другому и предлагала на выбор валериановые капли и бром... Побледневшая Елизавета Викентьевна, схватившись за сердце, сидела на широком плюшевом диване, а расположившаяся рядом Полина Тихоновна застыла с выражением ужаса и любопытства на лице. Мура и Брунгильда, не отказавшиеся от валерианки, притулились на стульях. Доктор Коровкин принял бром. По воздуху плыли густые волны приторно сладкого запаха лекарств...

— Итак, — разомкнул уста профессор, — я вижу, у вас тут в мое отсутствие произошло немало интересного. Что это?

Он бесстрашно подошел к саквоюжу, взглянул в его нутро и перевел недоуменный взор на доктора:

— Вы позволите?

Доктор утвердительно мотнул головой.

Профессор решительно опустил руки в саквоуж и вытащил оттуда холщовый сверток. Он осмотрел его, покачал на руках, как бы определяя, соответствует ли вес объему, и спокойно положил свой трофей на стол. Надев очки, он склонился над столом, чтобы внимательно рассмотреть вещь, которая так напугала всех присутствующих.

— Что это? — спросил он, грозно обводя всех взглядом.

Собравшиеся в гостиной безмолвствовали. Повинуясь знаку хозяйки, благополучно выскользнула из комнаты Глаша.

Рассерженный профессор схватил свиток и стал его разворачивать. Однако он скоро понял, что поверхности стола не хватит, и, небрежно скомкав ткань, переместил ее на крышку черного рояля. Здесь холст удалось расправить целиком, хотя края его свисали до пола.

— Так-так, — протянул профессор, — очень интересно. Вижу, что это карта Российской империи. Хотя и странная... Откуда она у вас, доктор?

— Н-н-не з-з-зн-наю, — стуча зубами, ответил Клим Кириллович.

— А где ваши инструменты и лекарства? — поинтересовался Муромцев.

— Не знаю, — повторил доктор, — может быть, их украли и вместо них подложили эту ужасную карту.

— А саквояж ваш? — уточнил профессор.

— Похож, хотя я не уверен... — Клим Кириллович осторожно взял саквояж в руки и стал осматривать его изнутри и снаружи. — У моего никаких особых примет не было...

— Очень, очень хорошо, — профессор повернулся к дамам, сгрудившимся справа от него, — карта как карта, вышита золотом и цветным шелком по холсту. Ну-ка глянем. — Он вновь склонился над тканью. — Вот она, Москва-голубушка, на месте, а Петербурга еще нет... не написано про него. Зато есть Киев и Ярославль... А как реки искусно вышиты... Синим шелком, даже не выцветшим от времени... Вот мастера-то были в старину! А здесь что написано?

Профессор приподнял правый край ткани и по слогам прочитал золотошвейную замысловатую вязь:

— «До этого места дошел Александр Македонский, пицаль закопал, колокол отлил». Странно... Мура, ты что-нибудь слышала о походе Македонского к берегам Амура?

Вскинув на отца синие глаза, обрамленные короткими черными ресницами, младшая дочь ответила, едва шевеля бескровными губами:

— А мы-то думали, что речь идет о Дмитрие Донском!

— Что за ахинею вы изволите глаголить? — разъярился профессор. — Даже я знаю, что в тех краях Донского не было, там были владения Чингизидов...

— Николай Николаевич, — все еще стоя в отдалении прерывающимся голосом спросил доктор, — а крови, крови вы на этом холсте не видите?

— Что вы хотите этим сказать? — Лицо профессора вытянулось, и он воззрился на своего оторопелого друга.

— Я хочу сказать, что теперь меня обвинят в убийстве вышивальщицы, — наконец решился выговорить Клим Кириллович.

Николай Николаевич изменился в лице и сделал шаг по направлению к доктору, но в этот момент до его слуха долетели звуки, похожие на сдерживаемые рыдания. Он остановился и взглянул на дочерей.

— А может быть, подозрение падет и на меня, — всхлипнула Брунгильда.

— Или на меня, — скорбно подхватила Мура, уставившись на узенькую, темнее общего фона, кромку карты.

— Что за черт! — вспылил профессор. — Я ничего не понимаю в происходящем! Чем вы здесь занимались в мое отсутствие?

— Ты только не волнуйся, Николай Николаевич, не волнуйся, — пришла на помощь дочерям Елизавета Викентьевна, к ее лбу и щекам

постепенно возвращался матово-розовый цвет, — я сейчас тебе все объясню... В пасхальную ночь наши девочки с Климом Кирилловичем и еще несколькими спутниками побывали в мастерской известного художника Романа Закряжного.

— Это еще кто такой? — сдвинул брови профессор.

— Живописец, портретист, — с готовностью пояснила его супруга, направляясь к дивану и уводя мужа за собой, подальше от злополучной карты. — Там еще были фрейлина Вдовствующей Императрицы в сопровождении бабушки и дедушки, чиновник Дмитрий Андреевич Формозов, страховой агент Модест Багулин и мистер Стрейсноу.

— Кто-кто? — спросил профессор, нависая над женой, которая, напряженно приподняв голову, присела на диван. — Не расслышал.

— Понимаешь, это наш английский гость, достойный человек, баронет, очень хотел с тобой встретиться. Ну и он очень похож на Петра Первого.

Елизавета Викентьевна мужественно взяла на себя трудную миссию и подробно рассказала профессору о событиях, происшедших в его отсутствие.

В гостиной повисло тягостное молчание.

— Хорошенькое дельце, — сурово изрек отец семейства, — мои любимые дочери по ночам ходят на квартиру к дерзкому убийце...

Девушки виновато молчали, Клим Кириллович потупил голову. Полина Тихоновна аккуратно опустила саквояж на пол, рядом со стулом, на котором сидела.

— Но это оставим. Пока, — подчеркнул со значением Муромцев. — А почему же теперь Клим Кириллович думает, что его обвинят в убийстве этой вышивальщицы?

— Понимаете, дорогой Николай Николаевич, — вступила вместо понурого племянника Полина Тихоновна, — убийцей мог быть не только художник, но и человек, который заказывал жертве вышивку на холсте. Карл Иваныч думал сначала, что это пелена к образу благоверного святого князя Дмитрия Донского... Все очень странно, — затараторила Полина Тихоновна.

Профессор посмотрел на доктора.

— Не лучше ли самолично явиться к следователю с этой самой картой и отвести от себя подозрения? — неуверенно предложил он.

— Боюсь, это сильно попортит мою репутацию, — замялся доктор Коровкин, — я влип еще в одну неприятную историю.

— О чем вы говорите? — холодно поинтересовался профессор.

— Не имею права разглашать, — покраснел доктор, — чтобы не

вызывать паники в народе. Но городу грозит катастрофа. — Помолчав, он решился: — Я, как друг вашего семейства, обязан вас предупредить: во время моей поездки в Чумной форт кто-то похитил пробирку с чумными бациллами. Меня допрашивали.

Доктор засуетился, бросился к роялю, схватил разложенный холст и пытался его сложить, чтобы засунуть в саквояж.

— Не надо, милый Клим Кириллович, — остановила его Мура, — не торопитесь. Карту никто искать не будет. Ручаюсь вам.

— Это почему же? — ехидно поинтересовался профессор.

Мура выдержала паузу.

— Потому что там, в Екатерингофском дворце, уже висит на стене копия, из-за которой убили вышивальщицу Аглаю Фомину.

— И убил ее господин Холомков? — с надеждой спросил доктор Коровкин.

— Не знаю, — покраснела Мура, — но он мог быть причастен к убийству.

— А зачем ему надо было менять оригинал на копию? — спросила Елизавета Викентьевна. — Я помню его, приятный молодой человек.

— Все просто, — буркнул Николай Николаевич, — хотел выручить деньги за раритет, заменив его фальшивкой.

— Нет, все обстоит гораздо хуже! — строго возразила его младшая дочь. — Он хотел уничтожить подлинную карту императора Петра Великого, хоть, возможно, тот и не был законным императором.

— Довольно о пустяках, не сводите меня с ума вашими домыслами, — прервал ее отец. — Вещи, за которые можно выручить неплохой капиталец, не уничтожаются.

— Ты не понимаешь, папа! — воскликнула Мура. — Дело не в деньгах, а в решениях Международного исторического конгресса, который недавно прошел в Риме. Там было велено писать историю по единому плану.

— Ну и что? — пожал плечами профессор. — Каждая научная дисциплина имеет единый план развития.

— А как же Александр Македонский на Амуре, пицаль? — Мура ткнула пальчиком в надпись на карте. — Это не сходится с общим планом!

Профессор задумался. Прошла тягостная минута.

— Нет, все-таки в химической науке больше порядка и осмысленности, чем в исторической, — заметил он, — люди делают полезное дело. Коллеги из Мюнхенского университета сказали мне, что получили прекрасное снотворное барбитал. Жаль, не попросил у них по дружбе грамм-другой...

— Кстати, дорогой, — востроенулась Елизавета Викентьевна, — коли уж мы дошли до химических проблем. Скажи мне, не купишь ли ты для своей лаборатории грамм-другой радия?

Резкий звонок в прихожей заставил побледнеть всех собравшихся в гостиной квартиры профессора Муромцева.

— Полиция! — выдохнул доктор Коровкин. — Что делать?

— Срочно прячьте эту несчастную карту... быстрее, — бросилась к роялю Мура.

— Вместе с саквояжем? — бормотал доктор, вдвоем с девушкой запикивая кое-как сложенный холст в кожаный зев. — Но куда?

— В каминный дымоход, — подсказала Полина Тихоновна.

— Под крышку рояля! — выпалила Брунгильда.

— Довольно! — прервал дамские фантазии профессор. — Сидите смирно. Не суетитесь. Авось пронесет. Мы ни в чем не виноваты. Нам нечего скрывать. Следствие разберется.

Клим Кириллович опустил на стул, оставив закрытый саквояж с опасным содержимым на рояле, Мура присела поближе к сестре.

Дверь из прихожей приоткрылась и, отодвинув тяжелую зеленую портьеру, на пороге появилась суровая Глафира.

— Господин Багулин, страховой агент товарищества «Саламандра», — сообщила она. — Прикажете принять?

— Зови, — велел профессор. — Это всяко лучше, чем полиция.

Маленькое общество в гостиной с облегчением вздохнуло.

— Имею честь представиться, — раздался голос с порога гостиной, — Модест Макарович Багулин, лучший страховой агент Санкт-Петербурга.

Облаченный в мешковатый пиджак и полосатую рубашку, ворот которой у горла стягивал объемный галстук отвратительного розового цвета, румяный толстячок улыбался, переводя взгляд с Муры на Брунгильду и на всех остальных... Его глаза скользнули по стенам, обитым узорчатой темно-зеленой тканью, по картинам в золоченых рамах, потом обследовали этажерки, полочки, столики, заставленные фарфоровыми и бронзовыми безделушками. Наконец он сделал шаг вперед и робко протянул розовую пухлую ручку:

— Если я не ошибаюсь, профессор Муромцев?

— Совершенно верно, — пожал руку агента вставший ему навстречу профессор. — Чем обязаны?

— Простите, что нарушил ваш покой, — заулыбался Багулин, — да уж такая планида у меня — бегаю по городу, устали не знаю. События последних дней на пользу мне пошли — народец-то напуганный пожарами

охотно полисы оформляет. Вот даже Роман Закряжный свое полотно застраховал, отпущен следователем на свободу.

— Так, значит, Карл Иванович больше не подозревает его в убийстве Аглаи Фоминой? — насторожилась Мура.

— Нет, уважаемая Мария Николаевна, не подозревает, — сказал агент и подмигнул ей. — Нижайше прошу меня простить, но есть у меня вопросец небольшой. Позвольте?

Недовольный профессор представил неожиданному гостю свою супругу и Полину Тихоновну, после чего подвинул ему стул, а сам с удобством расположился в своем любимом кресле.

— Я вот хотел полюбопытствовать, не вызывал ли барышень на допрос господин следователь? — Лицо агента излучало благодушие.

— Нет, не вызывал, — разомкнула уста Брунгильда. — А что?

— Искусство следствия ныне вышло на необозримые высоты, — пролепетал агент, — есть совершенно удивительные методы.

— А вы, любезнейший, уже побывали на допросе? — прервал его профессор.

— Так точно, уважаемый господин Муромцев, об этом и говорю. Сдал отпечатки ног. — Гость приподнял обтянутую штиблетом правую ступню и слегка помотал ею в воздухе. — Потому что господин Вирхов ищет отпечатки маленькой ступни, как у меня или мистера Стрейсноу, — ну, в общем, почти девичьей. Я и подумал, что он может, извините за дерзость, и ваши ножки в картотеку потребовать.

— Но мои дочери, надеюсь, не ходили в Аничковом дворце босиком? — Профессор поднял бровь и сердито посмотрел на Брунгильду и Муру.

— Так чего же вы хотите, господин Багулин? — вмешалась Елизавета Викентьевна.

— Я... я... вообще-то хотел выяснить, где скрывается мистер Стрейсноу?

— А зачем он вам нужен, Модест Макарович? — сурово спросила Брунгильда.

— Да ведь ножка-то у него тоже маленькая, — смущенно признался агент. — И Карл Иванович сожалел, что не получил ее отпечатка... А вообще-то причина моего посещения совершенно иная...

— Вы собираетесь предложить нам стать клиентами «Саламандры»? — полюбопытствовал профессор.

— Если есть опасность для вашей жизни или имущества, всегда готов оформить полис, — живо отозвался агент. — Нет ли у вас на службе

ценностей, которые могут похитить?

— Как же, есть, — согласился Муромцев, — недавно новое оборудование в Германии закупили. Плавильные печи, холодильные установки...

— А радий? Радий? — напомнила Елизавета Викентьевна. — Не украдут ли его? Ведь он стоит восемьдесят пять тысяч!

— Откуда в моей лаборатории радий? — вскинулся профессор.

— Но Ипполит говорил, что ведет переговоры о покупке...

— Он шутил, — оборвал ее профессор.

— Господин профессор, я понял, — вмешался Модест, — и надеюсь, что вы обратитесь именно в наше товарищество «Саламандра», когда в вашей лаборатории появится такая ценность.

Он встал и обернулся к доктору Коровкину:

— А вот господин доктор, думаю, застраховаться не откажется, — агент подмигнул Климу Кирилловичу и кивнул на саквояж, — чтобы избежать неприятностей.

— Я п-п-под-думаю, — доктор Коровкин начал заикаться от волнения.

— Когда по городу разгуливают призраки, — приятно улыбнулся дамам Багулин и перевел взгляд на доктора Коровкина, — всякое может случиться. Вот заглянул я сегодня на фотовыставку в Пассаже, а там — каких только чудес нет! Скоро придумают такие объективы, что и фотографии привидений будем делать... Я даже сходил к гостинице Лихачева, понимаете, доктор?

— Нет, не понимаю, — прошелестел Клим Кириллович.

— Ну как же, думал, авось увижу там мистера Стрейсноу, ожившего призрака, пожалуй, убившего Аглаю...

— Сэр Чарльз не призрак, а живой человек, — не вытерпела Брунгильда.

— Не спорю, сам руку пожимал, — охотно согласился Багулин, — а вот мадемуазель Багреева так и сказала мне: «Призрак ожил».

При последних словах агент взглянул на доктора и незаметно кивнул на саквояж.

— Боже! Боже мой! — воскликнул Клим Кириллович. — Я же совсем забыл! Я же обещал Екатерине Борисовне приехать на фотовыставку! Я должен немедленно ехать!

— Вот и хорошо, вместе поедem, — улыбнулся Багулин, вставая. — Позвольте уж, я вам помогу.

Он сделал несколько шажков к роялю, и протянул руку к саквояжу. Но доктор ловко сдвинул саквояж поближе к себе.

— Нет-нет, — заторопился Клим Кириллович, — саквояж останется здесь, если, конечно, никто не возражает.

— Я возражаю, я! — вскрикнула Мура. — И никуда вы сейчас не поедете! Господин Багулин может идти, если ему надо. А Клим Кириллович пока останется здесь. Я настаиваю...

— Глафира, проводите гостя, — попросил профессор вызванную колокольчиком горничную и самолично довел агента до дверей гостиной. — Примите уверения в моем почтении.

После ухода Модеста Багулина в гостиной несколько минут царил полная тишина.

— Ну, и что все это значит? — спросил наконец профессор, снова усаживаясь в свое кресло.

— Я должен ехать к мадемуазель Багреевой, — решительно заявил доктор, машинально сжимая ручку саквояжа.

— Вас убьют, как только вы выйдете из дома, — рассердилась Мура. — Как вы не понимаете? Ведь он явно покушался на саквояж с холстом. Его подослали убийцы. У вас в руках вещественное доказательство преступления.

— Я выйду без саквояжа и черным ходом, — попытался успокоить разгневанную барышню Клим Кириллович.

— А если они и там устроили засаду? — наступала Мура.

— Климушка, — осторожно подсказала молчавшая доселе Полина Тихоновна, — а может быть, тебе позвонить мадемуазель Багреевой, прежде чем ехать?

— Хорошо, — помолчав, согласился тот, — я позвоню. Вы позволите воспользоваться аппаратом?

— Разумеется, милый Клим Кириллович, разумеется, — закивала Елизавета Викентьевна.

Доктор подошел к аппарату и попросил телефонистку соединить его с квартирой господина Шебеко. Поинтересовавшись здоровьем стариков, Клим Кириллович попросил позвать Екатерину Борисовну.

— Простите, милая Екатерина Борисовна, что не смог сегодня воспользоваться вашим приглашением. Как вам понравилась выставка? Очень понравилась? Приятно слышать. Да, да... разумеется... Всегда к вашим услугам. Завтра утром непременно навещу.

Доктор положил трубку на рычаг.

— Ну что? Что я говорила? Никуда ехать и не надо, она притворялась, — облегченно вздохнула Мура. — Правильно?

В гостиную осторожно заглянула Глаша.

— Только что приходил посыльный, передал записку для Брунгильды Николаевны.

— И где она? — бесцеремонно поинтересовался профессор.

Глаша покосилась на старшую профессорскую дочь, губы ее задрожали, она вынула из кармашка фартука сложенный лист бумаги и подала профессору.

Николай Николаевич Муромцев развернул послание и прочел: «I want to see you, I am dying...»

— Что-что? — подалась вперед Полина Тихоновна. — Я по-английски не понимаю...

— Он пишет, — растерянно проговорил профессор, глядя в упор в расширенные глаза Брунгильды, — что он хочет ее видеть, он умирает...

Глава 20

«Жить в Петербурге и быть свободным от Петербурга невозможно», — думал следователь Вирхов, входя утром в свой кабинет. Несмотря на то, что спал он в эту ночь мало, настроение у него было превосходное. И не только потому, что благодаря полубогоревшей бумажке, найденной у камина в Аничковом дворце, ему удалось выяснить имя бесноватой преступницы-поджигательницы. Сегодня утром он, определив дальнейшую последовательность своих действий, с удовольствием побаловался сгущенным молоком «Нестле». «Почему в России не могут наладить подобное производство? Молока-то в стране не мерено, — размышлял Карл Иванович, — хорошо еще, что поспеваем в сыске внедрять в практику новейшие достижения западной мысли».

Карл Иванович сел за свой стол и обратился к письмоводителю.

— Есть ли донесения от агентов?

— Так точно, ваше благородие, — охотно откликнулся письмоводитель, — рыщут по следу без устали, стараются... Все доклады у вас на столе сложены. И продолжают поступать.

— Ладно, — кивнул Вирхов, бросив взгляд на солидную стопку папок из плотного синего картона. — А как провел ночь наш художник?

— Спокойно, ваше благородие. Спал, свернувшись калачиком под своей шинелишкой. Иногда молитвы возносил Господу, плакал...

Дверь в кабинет робко приоткрылась, и в щель бочком проскользнул смущенный кандидат Тернов и, вытянув тоненькую шейку, застыл перед Карлом Ивановичем с папкой под мышкой.

— Ну что, господин кандидат, — медленно протянул Вирхов. — Разобрались с пятнышками на мраморной доске камина в Аничковом дворце?

— Так точно, господин Вирхов. — Молодой человек поспешно достал из папки листок бумаги и протянул начальнику.

Карл Иванович принял лист и без всякого интереса повертел его в руках.

— А как вы выполнили мое поручение по выяснению личности босоногой юродивой? — Только хорошо знающий своего начальника письмоводитель мог уловить легкую насмешку на бесстрастном лице опытного следователя.

— Выполнил, Карл Иванович, побеседовал с прихожанами и священниками. Никто из них не знает такой блаженной. Говорят, после Ксении Петербургской и не появлялось никого похожего...

— А между тем она есть, — с чувством нескрываемого удовлетворения произнес Вирхов, — и зовут ее Клавка. Плохо искал. — Он все-таки позволил себе усмехнуться. — Чему вас только учат в ваших университетах?

— Вы думаете, Клавка — женщина?

— Такой вывод следует из педологической теории профессора Османа, — утер нос юнцу Карл Иванович. — Учиться надо и после университета.

Кандидат стоял, понурившись и сознавая, что кругом виноват.

— Ладно, — смягчился Вирхов, — помогу тебе. Идеи есть?

— Никак нет, господин следователь, — промямлил кандидат.

— А почему? — поднял белесые брови Вирхов. — В сыском деле всегда должны быть идеи. Учись, пока я жив. Что теперь можно предпринять?

А поскольку кандидат молчал и переминался с ноги на ногу, Вирхов после затянувшейся паузы подвел итог:

— Сейчас, братец, познакомишься с материалами дела, а затем отправишься в желтый дом. Да-да, и не таращ на меня глаза. Блаженная наверняка побывала в приюте скорби... Книжечки регистрационные полистаешь да расспросишь старожилов. Может, и найдешь какую-нибудь Клавку. Понял?

Карл Иванович погрузился в чтение отчетов своих агентов.

«Модест Багулин вчера днем присутствовал в конторе страхового товарищества «Саламандра», после пообедал в ресторане «Фортуна» и отправился на фотовыставку в Пассаж. Там увивался вокруг красивой барышни Екатерины Багреевой. Затем Багулин фланировал по Невскому. Подал милостыню нищему Ваньке Попову, побеседовал с ним. Затем свернул к гостинице Лихачева, но заходить в нее не стал. Слонялся по набережной Фонтанки и, похоже, ожидал, что из гостиницы кто-то выйдет. Промучавшись на ногах час с небольшим, господин Багулин взял извозчика и поехал на Васильевский. Там, как удалось установить, он посетил квартиру профессора Муромцева, но пробыл у Муромцевых недолго. Затем отправился домой и более никуда не выходил.»

«Во вторник баронета Ч. Стрейсноу навестили гости — барышня Муромцева и доктор, спустя некоторое время Ч. Стрейсноу покинул гостиницу и отправился к Поцелуеву мосту. Там он свернул под арку,

миновал два проходных двора, помедлил около дверей флигеля, потом поднялся на третий этаж, позвонил в квартиру, где, согласно табличке, проживает фельдшер Придворов. Однако через четверть часа оттуда спустился вниз сам хозяин, о чем сообщил дворник. Мистер Стрейсноу не появлялся. Г-н Придворов направился в ближайший сквер, купил на углу улицы у мальчишки «Петербургскую газету», сел на скамейку, рядом с мужчиной в макинтоше, стал читать. Разглядеть мужчину не удалось, через несколько минут неизвестный удалился. Придворов читал газету еще с полчаса, после чего встал и направился домой. До наступления полуночи ни фельдшер, ни мистер Стрейсноу из квартиры не выходили, черного хода там нет. После того как в окнах квартиры Придворова погас свет, агент провел еще с час в засаде, но понял, что более ничего не дождется. Во время отсутствия баронета коридорный обыскал его номер, ничего подозрительного не обнаружил. Он же сообщил, что наблюдаемый вернулся в гостиницу среди ночи, заперся в своем номере. Всю среду из номера не выходил, посетителям велел говорить, что его нет».

— Что-то фамилия Придворова кажется мне знакомой, — оторвавшись на миг от бумаг, обратился к письмоводителю Вирхов, — не проходил ли по нашей картотеке? Справьтесь, голубчик.

Письмоводитель согласно кивнул и отправился выполнять указание. Вирхов продолжил чтение отчетов.

«Дмитрий Андреевич Формозов в среду с утра находился в Канцелярии Ведомства Императрицы Марии, затем посетил Мариинский институт для девиц на Кирочной, затем взял извозчика до Мойки, где и отпустил его, прогулялся по набережной до Театральной площади... Оттуда направился в Пассаж на фотовыставку. Несколько погода вместе с юной девушкой и ее престарелыми спутниками сел в карету, проводил знакомых и отправился на свою казенную квартиру. Свет в его окне горел до полуночи».

— Карл Иваныч! — решился подать голос затихший было над протоколами допросов кандидат. — Могу ли я уже ехать в желтый дом?

— Езжай, братец, езжай, — пробурчал Вирхов. — Чтоб Клавку мне эту из-под земли достал.

Письмоводитель, столкнувшийся в дверях с юным юристом, доложил Вирхову, что Придворов в картотеке не значится.

Карл Иванович потянулся в кресле и спросил:

— Кстати, а где агент, который следил за мистером Стрейсноу?

— Полагаю, продолжает вести наблюдение.

— Странно, — Карл Иванович задумался. — А что делает этот англичанин в районах Мойки? С кем он там общается? Почему остается на

ночь? И знают ли барышни Муромцевы о приключениях своего друга?

— Смею обратить ваше внимание, Карл Иванович, что и в донесениях, куда вы еще не заглядывали, упоминаются эти персоны.

Вирхов взял в руки очередную синюю папку. Доносил агент, следивший за господином Крачковским.

«Господин Крачковский вел рассеянный образ жизни: нежилась допоздна в постели, наносил визиты дамам, обедал в ресторане «Семирамида», либо один, либо в компании господина Холомкова. Вирхов обратил внимание на сообщение двухдневной давности. Агент доносил, что в тот день в ресторанным кабинете господин Крачковский принимал подрядчика Шмелева с двумя работниками. Его гости покинули ресторан в приподнятом настроении. Объект наблюдения оставил «Семирамиду» полчаса спустя, уже в дверях принял из рук рестораника зонт и саквояж, затем отправился в собственный дом господина Холомкова во 2-ой Роте, где пробыл не более часа. Вышел без саквояжа. И взял извозчика до костела святой Екатерины, где выстоял службу, после переговоров со священнослужителем и на том же извозчике вернулся к себе на квартиру. Более ее не покидал».

На странице, помеченной вчерашним днем, Карл Иванович Вирхов с удивлением прочитал: «Заинтересовавшись саквояжем, переданным на моих глазах из одних рук во вторые и третьи, счел необходимым, зная, что господин Крачковский имеет привычку полдня валяться в пуховиках, посвятить это время наблюдению за господином Холомковым».

— Из такого вырастет со временем неплохой сыскарь, — заметил вслух Вирхов, глянув на письмоводителя, — фамилию этого молодца возьмите на заметку.

Вирхов вновь погрузился в чтение.

«Господин Холомков с саквояжем в руках покинул дом, взял извозчика и направился в Екатерингофский парк, оставив коляску у входа во дворец, вошел туда с саквояжем. Чуть позже подъехала еще одна коляска, в которой находились две барышни и молодой человек. Через час объект наблюдения появился на улице в сопровождении вновь прибывших, саквояж уже был в руках у молодого человека. Думаю, это четвертый участник преступного сговора. Из сообщения хранителя музея: барышни — дочери профессора Муромцева, их спутник — доктор Коровкин, цель приезда — осмотр китайских комнат дворца. В настоящее время остальные комнаты для осмотра недоступны, там ведутся противопожарные работы, финансируемые господином Холомковым. Господин Холомков задержался в Екатерингофском дворце, потом сел в поджидавший его экипаж, в тот,

что доставил в Екатерингоф доктора Коровкина и барышень, и последовал на квартиру к господину Крачковскому. Вышел из коляски с саквояжем. У Крачковского провел несколько часов. Появился оттуда с саквояжем в руках, явно в дурном расположении духа, со следами гнева на лице. Тут же отправился в «Данон», где отобедал в одиночестве. После чего немного повеселевший отбыл в Пассаж, на фотовыставку. Пробыл там час. Отправился в свой особняк, откуда более не выходил. Обращаю внимание следствия на то, что г-н Холомков в Екатерингофе обменялся с доктором Коровкиным колясками и саквояжами».

Карл Иванович с силой захлопнул папку, встал из-за стола и взволнованно начал ходить по кабинету.

— Что же получается? — вопрошал он то ли письмоводителя, то ли самого себя. — Получается, что доктор Коровкин каким-то образом связан с Крачковским, которого мы еще недавно подозревали в убийстве мещанки Аглаи Фоминой... Нет, решительно не верю, не может быть! Иначе зачем этот проклятый саквояж, вынесенный поляком из ресторана «Семирамида» и переданный, судя по всему, Холомкову, оказался у доктора?

В голове следователя мелькнула мысль, что Крачковский не сам, конечно, а с помощью своих подручных, например, подрядчика с работниками, убил Аглаю Фомину и похитил так и не обнаруженные в квартире ее накопления и невыясненный ценный заказ. Возможно, и не пелену, а что-нибудь другое, и без всяких надписей, придуманных сумасшедшим художником, скорее всего, в горячечном бреде. Хранил похищенное в ресторане «Семирамида», затем передал в саквояже Холомкову, а тот, Коровкину... Но значит, инициатор убийства — доктор Коровкин? Он главный организатор, вдохновитель, изошренный идеолог, разработчик бандитского замысла?

А что? Очень убедительно! Доктор — с саквояжем в руках, как и положено доктору... Никто ни в чем его не заподозрит... А если и милейшая Полина Тихоновна соучастница изошренного преступления? Она женщина остроумная, наблюдательная... Карл Иванович не сдержал произвольного стога. Неужели он был таким дураком, что излагал ход дознания преступникам — доктору и его симпатичной тетушке?

Карл Иванович чувствовал, что нервная система его находится в крайней степени напряжения. Ему страстно хотелось помчаться на Большую Вельможную, чтобы взглянуть в наглые глаза преступной женщины и ее племянника. И он бы осуществил свое намерение, если бы в этот момент его кабинет не огласился трезвоном.

Карл Иванович бессмысленно уставился на телефонный аппарат.

Письмоводитель проворно вскочил и, подбежав, снял трубку.

— Это вас, Карл Иваныч, — сказал он, передавая трубку Вирхову, — ваш кандидат из Окружного дома для умалишенных.

— Ну что? — с трудом разжал губы Вирхов. — Я слушаю.

Он тут же отстранил трубку от уха, ибо возбужденный громкий голос кандидата грозил разорвать барабанные перепонки.

Не сводя глаз с прислушивающегося письмоводителя, Карл Иванович медленно бледнел.

— Господин следователь! Карл Иваныч! Вы меня слышите? — захлебываясь, орал кандидат. — Я просмотрел регистрационные книги, никаких Клавок там нет и никогда не было. Но я нашел кое-что любопытное! Сейчас вы упадете! Здесь, в этой психушке, лечился когда-то Иван Попов! Помните вашего наглого бродягу Ваньку Попова? Так вот в деле его написано после фамилии в скобках — Адриан Ураганов. Слышите, Карл Иваныч?

— Слышу, слышу, — рявкнул Вирхов, — какого черта вы так надываетесь?

— Как же не надываться, Карл Иваныч? — продолжал вопить кандидат. — Ведь старик-санитар сказал, что этот Ванька, то есть Адриан, — величайший публицист прошлого века! Его упекли за смелые идеи! Но и в заточении он будоражил больных откровениями антигосударственного характера! Правда, потом доктор признал у него последнюю стадию чахотки и выписал, чтоб перед смертью бедняга мог привольно на свободе умереть... Отправил в богадельню. А потом и сам уволился со службы.

— Ну и что? — спросил недоуменно Вирхов. — Что здесь особенного?

— Да как же, Карл Иваныч! Ведь в деле, которое вы мне велели изучить, есть записка! Та, что вы нашли после пожара в Аничковом! Та, где какую-то Клавку зовет Адриан...

— Погодите, погодите, дайте сообразить. — Вирхов начинал догадываться, куда клонит Павел Миронович. — Вы намекаете, что записку писал этот Адриан Ураганов? То бишь Ванька Попов?

— А если это он поджег Аничков, — не унимался кандидат, — вместе со своей чертовой куклой Клавкой? Тогда все сходится, даже тот следок, помните, с каминной доски...

— Да, таким лаптем я себя давно не ощущал, — с досады Вирхов заскрежетал зубами, — сам гнал преступника на свободу, спасал от правосудия... Где же теперь его искать?

— А вдруг его дружок, доктор, знает? — в голосе Тернова слышалось

неуместное ликование.

— Доктор? Ладно, выясни его фамилию.

— А я уже выяснил, Карл Иванович. Фамилия его известная...

— Неужели Коровкин? — оторопел Вирхов.

— Нет, Карл Иванович, нет! Хотя он настоящий врач, но пил страшно, разжалован в фельдшеры. Фамилия его — Придворов!

Глава 21

Доктор Коровкин сидел в гостиной дома господина Шебеко, пребывая в прескверном настроении после пережитого накануне. Он так ждал встречи с другом и учителем, профессором Муромцевым! И вот! Мало того, что вчера все они испытали нервное потрясение, когда в его саквояже обнаружили карту, так еще явился невовремя несносный страховой агент!

Клим Кириллович тогда понял, что агент разыскал его у Муромцевых по поручению Екатерины Борисовны. Не увидев своего конфиденанта на фотовыставке в Пассаже, девушка попросила добродушного Модеста встретиться с доктором и передать ему всего два слова: «Призрак ожил». Условная фраза сомнений не оставляла — наверняка в Пассаже перед фрейлиной предстал шантажист или его посредник.

Правда, беглые соображения доктора были порядком поколеблены Мурой. Она настаивала, что Модест не просто так заявился к Муромцевым. Он, несомненно, сообщник тех, кто убил Аглаю Фомину и подменил фальшивой картой настоящую в Екатерингофском дворце. Мура считала, что доктора подкарауливают преступники — и едва он покинет дом, на него с тетушкой Полиной нападут.

Ее подозрения укрепились после того, как горничная Глаша передала записку, полученную с посыльным, в которой говорилось, что мистер Стрейсноу умирает. Клим Кириллович сразу же бросился звонить в гостиницу Лихачева: портье ответил, что мистер Стрейсноу в настоящее время почивает в своем номере, кишечное расстройство его больше не беспокоит, на ужин ему принесли из ресторана баранину с овощами и жареной картошкой.

— Вот, вы видите, я права, — страстно убеждала Мура, — это фальшивая записка. Ее писал не сэр Чарльз. Кому-то хочется, чтобы Клим Кириллович немедленно покинул наш дом: фрейлина, болезнь англичанина — лишь повод выманить его отсюда, изъять у него вещественное доказательство преступления... Я предлагаю обмануть преследователей. Холст надо переложить в какой-нибудь баул, который вынесет к извозчику дворник. А Полина Тихоновна и Клим Кириллович с саквояжем выйдут и сядут в экипаж. В саквояж положим что-нибудь ненужное...

После длительной дискуссии Муромцевы и Коровкины решили реализовать план Муры. А утром, если все будет в порядке, профессор с

дочерьми навещают англичанина.

«Неужели здоровьем мистера Стрейсноу что-то угрожает? — размышлял уже в постели доктор Коровкин. — И если он все-таки болен, то неужели будет просить руки Брунгильды на смертном одре?»

Много, много кое-чего передумал в минувшую ночь доктор Коровкин. Они с Полиной Тихоновной допоздна не ложились спать: раз преступники не объявились по дороге и позволили им благополучно добраться до аптеки, где Клим Кириллович частично восполнил пропажу инструментов и лекарств, а потом смогли спокойно доехать и до дома, то они непременно дадут о себе знать на Большой Вельможной. Не дождавшись появления преследователей, а потому так и не сообщив следователю Вирхову о своих проблемах, доктор Коровкин и его тетушка забылись к рассвету тяжелым, беспокойным сном.

Вопреки печальным обстоятельствам Клим Кириллович проснулся в положенный час, принял водные процедуры, позавтракал и договорился с тетушкой, что если нагрянут подозрительные личности — сказать им, что доктор направился к господину Шебеко, и после этого звонить Вирхову. Если же Карл Иванович пожалует сам и начнет выяснять про карту, похищенную в Екатерингофском дворце, честно признаться ему, что карту им подложили, и предъявить ее.

Полина Тихоновна уверила племянника, что он может не беспокоиться — все его указания она выполнит наилучшим образом.

— А тебе не показалось, Климуська, что Машенька ревнует тебя к Екатерине Борисовне? — уже в прихожей осторожно спросила она, поправляя шарф на шее племянника. — Как она сердилась, когда вчера ты собирался ехать к Шебеко...

Доктор перебирал в уме впечатления минувших суток, пока в гостиной не появился сам хозяин дома.

— Добрый день, милейший Клим Кириллович, — дородный старик играл сочной октавой, оправляя стеганную шелковую куртку, — вы уж нас, стариков, извините, мы по-домашнему, без церемоний.

— Рад вас видеть в добром здравии, Ермолай Егорович, — поднимаясь со стула, доктор почувствовал легкую дрожь в коленках — после бессонной ночи так бывает всегда. — Вы, говорят вчера посетили фотовыставку в Пассаже?

— Удивительное зрелище, хоть я ничего в технике и не понимаю, — пустился в рассказы старик Шебеко, — «Кодаки» да «Стеффены» разные, техника из Англии, Америки... Но и мы не промах... Вообразите, лейтенант Апостоли представил двойную фотографическую камеру. Он

делал ею снимки с расстояния сто сорок миль, и очень удачные, ему удалось передать даже движение морских судов, игру волн.

— Сто сорок миль? — удивился доктор. — Да это же едва ли не триста верст — расстояние до Пскова! Неужели из столицы можно Псков фотографировать? Или из Пскова столицу?

— Не знаю, батюшка, сам дивлюсь. Но у этого аппарата, говорят, большое будущее. А я думаю, что и опасность есть: разве от такого мощного аппарата защитишь свою частную жизнь? Но там и другое было. Катенька все больше смотрела художественные фотографии, похожие на картины, на гравюры... Да, я только ахал и дивился. Пока не повезло с чичероне...

— Добрый день, милый доктор, — бесшумно всплыла в гостиную Прасковья Семеновна, — это уж промеж собой мы его чичероне назвали, в шутку. Обаятельнейший молодой человек.

— Неужели Модест Багулин? — улыбнулся доктор.

— Не угадали. Зовут его Илья Михайлович Холомков.

— Да? — Доктор поднял брови. — А Екатерина Борисовна...

— Она сама вам все расскажет, если захочет. — Ермолай Егорович протянул руку к колокольчику. — Пригласи Екатерину Борисовну, скажи, доктор пожаловал, — велел он возникшему в дверях лакею в расшитой галунами ливрее. И когда тот удалился, грустно добавил: — Катенька вас все дожидалась, на головокружение жалуется... Да и не мудрено — убийство, пожары...

Екатерина Борисовна появилась скоро, на ней было надето миленькое домашнее платье: узкие оборки по стоячему вороту и по манжетам длинных рукавов, тяжелая юбка темно-синего платья расшита по низу лилиями, собранными в гирлянды. Цвет платья подчеркивал бледность нежного личика, голубизну глаз, под которыми Клим Кириллович с тревогой и сожалением заметил темные круги.

— Что вас беспокоит, Екатерина Борисовна? — ласково спросил он, усаживаясь рядом с девушкой на диван и прикасаясь к хрупкому запястью. Пульс Катеньки оказался ровным, без перебоев, хорошего наполнения.

— Весеннее недомогание, наверное. Да и кто в Петербурге не бледен в эту пору? — с беспокойством вглядываясь в печальное личико внучки, поставил свой диагноз Ермолай Егорович.

Катенька смотрела на Клина Кирилловича умоляющими глазами, жаловалась на слабость, на бессонницу, на непонятную тревогу — и выразительно прикладывала руку к груди, доктор заподозрил, что за складками лифа она скрывает что-то важное.

Наконец осмотр, производимый под бдительным оком стариков, закончился. Доктор не нашел ничего опасного, так, легкая анемия, слабость, вызванная неверными весенними погодами Петербурга, обычное утомление нервов. Сон, моцион, правильное питание, можно немного бромистого натра, если тревожные состояния не исчезнут.

— Бабушка, а не показать ли Климу Кирилловичу померанцевое деревце? — неожиданно спросила юная пациентка и, повернувшись к Климу Кирилловичу, деланно-веселым голоском добавила: — Оно сейчас цветет, удивительно красиво. Не хотите ли посмотреть?

И так как и бабушка, и Клим Кириллович выразили согласие, она поднялась с обитого красным бархатом дивана и пригласила доктора следовать за ней. Доктор с готовностью покинул просторную комнату, загроможденную мебельной мелочью — салонными столиками, стульчиками из карельской березы, ширмочками из бамбука, и последовал за Катенькой в зимний сад, его отделяла от гостиной широкая стеклянная стена.

Зимний сад Шебеко соответствовал канонам старинной барской моды середины XIX века: в амбразурах окон стояли банановые пальмы с широкими шелковистыми листьями, магнолии и древовидные камелии своими листьями касались позолоченных завитков карнизов, орхидеи в высоко подвешенных жардиньерках бабочками летали вокруг лепного плафона, около фарфоровой люстры. Повсюду стояли вазоны из богемского стекла, в которых росли экзотические цветы.

— Идите сюда, дорогой Клим Кириллович, — попросила девушка, подводя Клима Кирилловича к померанцевому деревцу, — присаживайтесь вот здесь, в кресло. И слушайте.

Заботливые старики в гостиной могли видеть внучку и молодого доктора, удобно расположившихся в плетеных креслах от Шлоссберга и мирно беседующих у померанцевого дерева.

— Не могли бы вы достать мне серной кислоты? Выпишите рецепт для аптеки, если можно. — Катенька нежно погладила ствол померанцевого деревца, крупные розоватые цветы источали тонкий, горьковатый аромат.

— Но это очень опасное вещество, — доктор недоуменно воззрился на девушку, сохраняющую безмятежное выражение лица, — и сейчас с ним большие строгости... Ваш посланец вчера сообщил мне, что «призрак ожил», — произнес Клим Кириллович заранее заготовленную фразу, призванную проверить правильность своей догадки.

— Да-да, — рассеянно подтвердила девушка, — вы не пришли вчера в Пассаж, и я попросила Модеста Макаровича вас разыскать и сказать эти

слова.

— А разве он посвящен? — спросил неуверенно доктор.

— Разумеется, нет. — Фрейлина закусила нижнюю губку.

— А зачем вы хотели, чтобы я пришел на фотовыставку? — шепотом спросил доктор.

— Я получила записку, вот, посмотрите. — Она встала и пригласила доктора за собой в глубь сада.

Повернувшись спиной к гостинной, они остановились около хамедореи, высокой пальмы с дугообразными перистыми листьями и оранжево-красными метелочками, и Катенька протянула доктору листок бумаги, вынутый из-за лифа.

Доктор развернул сложенный листок и прочитал: «Если вам дорого ваше доброе имя, вы придете в Пассаж, а там я дам вам знать». Доктор сложил бумагу и вернул ее девушке. Записка вновь исчезла за оборкой лифа.

— И кто же оказался шантажистом? — спросил Клим Кириллович.

— Я так этого и не поняла... — внимательно глядя на него, ответила Катя. Полубовавшись хамедореей, они снова вернулись к померанцевому деревцу. — Там было много знакомых, которые подходили, здоровались, разговаривали...

— В том числе и Илья Михайлович Холомков?

Девушка слегка покраснела и кивнула.

— А где вы встречались с ним раньше? — насторожился доктор.

— Не подумайте ничего предосудительного, — девушка краснела все больше, — Илья Михайлович оказывал мне знаки внимания, не выходя за рамки приличий... Хотя, раза два, как мне кажется, специально поджидал меня, чтобы подвезти до дому...

— Не мог ли он вас и сфотографировать, а затем заказать монтаж? — понизил голос доктор.

— Не думаю, — ответила Катя. — Он человек солидный, богатый, хорошо воспитанный.

— И неотразимый красавец, — добавил с легкой иронией доктор, глядя на смущенную вконец девушку. — Он пленил ваше сердечко?

Девушка подняла на него взор.

— Теперь уж и не знаю, поскольку вчера почему-то грешила и на него, да простит меня Господь.

— Как я понимаю, вы ошиблись, — заключил доктор. — Значит, шантажист так и не появился?

— Сама не могу понять, милый доктор, помогите разобраться. Все это

так странно.

— Я слушаю вас, не волнуйтесь, излагайте все по порядку.

— Мы были на выставке довольно долго, — сказала задумчиво Екатерина Борисовна, — я все ждала, что кто-то заговорит со мной. И в какой-то момент мне показалось, что один из посетителей, смешной высокий старик с короткой рыжей бородой все время не выпускает меня из виду... На его левой щеке я заметила довольно значительную родинку. Потом он будто исчез... Я устала и присела в кресло у самой стены в уголке... Вдруг чувствую — подол моей юбки шевелится, наклонилась — а там, у моих ног сидит огромная серая крыса с какой-то трубочкой в зубах... Я едва успела испугаться, как крыса рывком вспрыгнула ко мне на колени, выпустила из пасти трубочку и юркнула под кресло... Все произошло так быстро, что я не успела закричать.

— Вы храбрая девушка, Екатерина Борисовна, — поощрил ее доктор. — А что дальше?

— С чувством омерзения я взяла трубочку, чтобы сбросить с юбки, но тут поняла, что это свернутая бумага. Я развернула ее и прочла: «Если вам дорога ваша честь, купите у лотошника коробку ландрина».

— Откуда там взялся лоточник? — недоуменно спросил доктор.

— У входа стоял мужик, сутулый, бритоголовый, с противным кривым носом... Я к нему подошла и купила коробку ландрина.

— И это все? — разочарованно протянул доктор.

Екатерина Борисовна улыбнулась.

— Самое удивительное, доктор, что дома, оставшись одна, я открыла коробку, и как вы думаете, что я в ней обнаружила?

Доктор молчал.

— Негатив мерзкого фотомонтажа! — громким шепотом воскликнула Екатерина Борисовна и потянула руку к померанцевому деревцу.

Ермолай Егорович и Прасковья Семеновна о чем-то говорили в гостиной, временами посматривая на молодых людей.

— Ну, слава Богу, — вздохнул доктор, — нет негатива, нет и опасности... Но кто же ваш таинственный доброжелатель?

— Это меня интересует во вторую очередь, — Екатерина Борисовна явно не теряла самообладания, — сейчас я боюсь выпустить из рук этот негатив. А вдруг им кто-нибудь завладеет? Поэтому и прошу вас, достаньте мне серной кислоты. Я хочу его навсегда уничтожить. Вместе со снимком.

— Гораздо легче его разломать, снимок порвать и все незаметно бросить в канализацию, — сказал смущенно доктор.

Он встал с кресла, поклонился Екатерине Борисовне. Девушка вздохнула и направилась к выходу из сада.

— Клим Кириллович меня тревожит еще кое-что.

Глава 22

А в это самое время в квартире Муромцевых заканчивался поздний завтрак.

— Дорогой, ты нам так и не успел ничего рассказать о своей поездке. — Елизавета Викентьевна поставила перед супругом стакан с горячим душистым чаем.

Профессор хмуро посмотрел на дочерей и пробормотал:

— Так вы ж вчера обрушили на меня столько умопомрачительных известий, что я и забыл, что ездил в Европу.

— Ты не думай, папочка, так уж получилось, нечаянно, — повинилась Мура.

— Да-да, папочка, — Брунгильда передала отцу хрустальную, в серебряной оправе, сахарницу, — скажи, удалось ли тебе увидеть кого-нибудь из нобелевских лауреатов?

Взгляд профессора потеплел.

— Да, милые мои, в Мюнхенском университете встретился я с самим Рентгеном! А в Берлинском с герром Фишером. Но самая перспективная тема, которой сейчас заняты буквально все химики и физики, — радиоактивность. Перед радием открытие Рентгена блекнет. — Николай Николаевич увлеченно размешивал сахар в стакане. — Профессор Лондонского университета Уильям Рамзай наблюдал радиоактивный распад радия и радона с образованием гелия, он впервые попытался осуществить искусственные превращения элементов под воздействием альфа-частиц... Во Франции, куда я, к сожалению, не добрался, Мария Склодовская-Кюри — та, что пять лет назад открыла радий и полоний, — недавно получила соли радия и измерила их атомную массу... Сейчас Склодовская-Кюри пытается получить твердый радий...

— Значит, твердого радия в природе еще нет, — заключила Елизавета Викентьевна.

— Разумеется, — ответил профессор, — вот почему я так рассердился, услышав, что кто-то здесь, в России, хочет продать мне радий.

— Папочка, а если в Европе, в какой-нибудь закрытой военной лаборатории твердый радий уже получили и держат свое открытие в секрете? — спросила осторожно Мура.

— Теоретически возможно, — не стал спорить профессор, — например,

в той же Англии... Но тогда следует признать, что военное ведомство Великобритании торгует радием из-под полы, на черном рынке... Дорогая, мой чай остыл, — он протянул супруге полупустой стакан. — Нельзя ли горячего?

— А если радиий украли в английской лаборатории и привезли в Россию, чтобы продать? — продолжала допытываться его младшая дочь.

— Так мог поступить только совершенно неискушенный в научных проблемах человек, — резко ответил профессор. — Твердый радиий должен стоить безумно дорого.

— Так ты думаешь, что над Ипполитом Сергеевичем кто-то подшутил? — очнулась Брунгильда. — Жаль... А я думала, тебя обрадует это известие.

— Я бы с удовольствием поработал с радием, — признался Николай Николаевич, — да где же его взять?

В этот момент в квартире раздался звонок. Поставив на стол молочник, горничная Глаша отправилась открывать дверь. И через минуту на пороге возник Ипполит Прынцаев. Обеими руками он прижимал к груди обтрепанный, деформированный портфель. Взгляд профессорского ассистента казался стеклянным.

— А, драгоценный Ипполит Сергеевич! — поднялся из-за стола профессор и пошел навстречу своему верному университетскому помощнику. — Вовремя заглянули, присаживайтесь, отчитывайтесь.

Не выпуская портфеля из рук, Прынцаев обменялся с профессором рукопожатием, обвел невидящим взглядом приветливо улыбающихся женщин и присел на краешек стула.

— Вы здоровы, Ипполит Сергеевич?

Елизавета Викентьевна кивнула Глаше, чтобы та принесла еще один столовый прибор, тарелку, чашку для неожиданного гостя.

— Благодарю вас, — прохрипел вцепившийся в свой портфель Прынцаев.

— Как дела в лаборатории? Все ли в надлежащем порядке? — бодро произнес Муромцев.

— В лаборатории все благополучно. — Прынцаев уставился на носки своих штиблет, выглядывавшие из-под узких брючин. — Вся отчетность дожидается вас, Николай Николаевич, в вашем университетском кабинете.

— Почему же тогда вы сидите таким букой? — игриво спросила Брунгильда.

Прынцаев оторвался от созерцания своих штиблет, его полубезумные глаза остановились на красавице-блондинке, лицо которой под его

взглядом постепенно утрачивало безмятежное выражение. Ответил он не сразу, а когда заговорил, было видно, что слова он подбирает очень тщательно:

— Потому что... я провел бессонную ночь... Вместо вас... У постели умирающего...

— Какого умирающего? — вскочила Мура, и так как Прынцаев молчал, в нетерпении притопнула ножкой. — Говорите же!

— Мистера Стрейсноу... — едва слышно произнес профессорский ассистент.

В столовой повисло напряженное молчание. Вид Прынцаева исключал возможный розыгрыш: его спортивный румянец на щеках исчез, азартные искорки в зрачках погасли, он полностью утратил свойственную ему подвижность.

— Мистер Стрейсноу умер? — бледная как мел Брунгильда с ужасом уставилась на понурого вестника.

— Ипполит Сергеевич, — сочувственно обратилась к несчастному молодому человеку Елизавета Викентьевна, — да уберите же ваш несносный портфель! Вам надо подкрепиться. Сейчас я налью вам крепкого чая, дорогой Ипполит Сергеевич, и рассказывайте... Как это случилось?

Ипполит неохотно расстался с портфелем, опустил его на пол, прислонив к ножке стула, вздохнул, принял из рук хозяйки дома чашку горячего чая, отхлебнул.

— Сегодня посреди ночи позвонил портье гостиницы Лихачева, — дрожащим, прерывающимся голосом заговорил Прынцаев, — и сообщил, что меня срочно хочет видеть мой друг мистер Стрейсноу. Что он при смерти... Я вскочил на велосипед и помчался... В гостинице меня проводили в номер... Сэр Чарльз очень осунулся с тех пор, как мы его видели. И стал еще больше похож на Петра Великого... Он сказал, что просил вызвать меня, как человека, близкого семье Муромцевых... Он тяжело дышал, говорил с трудом, часто останавливался. — Прынцаев помедлил, но все-таки решился: — Он сказал, что мисс Брунгильда не выполнила своего обещания навещать его каждый день, но он прощает... И у него единственная просьба — передать мисс Брунгильде драгоценную для него вещь.

— Сердоликовый перстень? — чуть слышно произнесла Мура.

— Не знаю, — испуганным шепотом ответил Ипполит. — Эта вещь в шкатулке, а шкатулку он вынул из-под своей подушки. Там и его письмо к вам, Брунгильда Николаевна... Я шкатулку не открывал... Я предлагал ему

позвать врача, но он отказывался... Просил только, чтоб я не уходил, чтобы ему не было страшно умирать в одиночестве...

— И он умер? — потрясенно выдохнула Мура.

— Да, сегодня утром, у меня на руках. — Ипполит старался не смотреть на окаменевшую Брунгильду. — Пришлось еще принять участие в хлопотах по регистрации смерти, вызывать полицию, врача, подписывать протокол, объяснять свое присутствие...

Встретив полный ужаса взгляд Елизаветы Викентьевны, Прынцаев поспешил добавить:

— Ваших имен я полиции не называл... Сказал, что приехал к другу, а портье подтвердил, что вызвал меня по просьбе их постояльца. Пришлось дожидаться, пока пошлют гонца в британское посольство, потом сопровождать тело в морг...

— А мистер Стрейсноу так хотел увидеть тебя, папочка, — всхлипнула Мура.

— Ипполит Сергеевич, — Брунгильда выпрямила спину и сцепила пальцы рук так, что костяшки пальцев побелели, — я виновата, виновата и перед мистером Стрейсноу, и перед вами...

— Ничего, — забормотал Прынцаев, — ничего... Я рад, что судьба избавила вас от столь печального зрелища. Возьмите шкатулку — она ваша.

Прынцаев наклонился, поднял с полу портфель, открыл его и достал внушительных размеров шкатулку из желтого металла.

— Только осторожнее, — он протянул бледной красавице продолговатый предмет, — она очень тяжелая.

Брунгильда приподнялась, обеими руками приняла шкатулку и вновь села, поставив ее на колени.

— Открой, сестричка, открой, — прошептала нетерпеливо Мура. — Прочти, что он тебе написал.

Брунгильда подняла тяжелую крышку, оказавшуюся изнутри матово-серебряного цвета. Сверху лежал листок.

— Читай же, — нетерпеливо повторила Мура.

Брунгильда дрожащими пальцами развернула бумагу и начала читать.

«Бесценная Брунгильда Николаевна! — писал перед смертью англичанин. — Пораженный вашей красотой, я лишился покоя, ибо знал, что нам не суждено быть вместе. Я не тот, за кого вы меня принимаете. Простите мне мой порыв — воспоминание о нем дает мне силы не оглядываясь войти в ворота ада... Если б я мог, я бы положил к вашим стопам все царства земли... Но их у меня нет. Я оставляю вам самое

драгоценное, что есть сегодня у меня, — знаю, вы сможете распорядиться этим лучше, чем распорядился бы я... Преданный вам и за гробовой доской... ваш Чарльз Дж. Стрейсноу...»

Последние слова вспорхнули с розовых губ красавицы, она закрыла лицо ладонями, и по плечам ее пробежали волны беззвучных рыданий.

Николай Николаевич поднялся, сердито взглянул на жену и, подойдя к дочери, взял с ее колен шкатулку и упавший на нее листок бумаги и перенес их на стол. Потом ласково погладил дочь по густым золотистым волосам.

— Бедный Чарльз, бедный Чарльз, — повторяла Брунгильда, обняв отца и прижимаясь головой к его жакету.

— А отчего он мог умереть? — прозвучал недоуменный голос профессора. — Вы говорили, что он не стар... Неужели от нечаянной раны?

— Возможно, заражение крови... — ответила, утирая слезы, Елизавета Викентьевна.

— А что думал по поводу его болезни Клим Кириллович? — спросил профессор, поглаживая дрожащие плечики старшей дочери.

— Он предполагал эпилепсию, — по щекам Муры катились крупные слезы.

— Но он, как я понимаю, умер не в результате припадка? — вскинул бровь профессор.

— О нет, — вздохнул Ипполит Прынцаев, — тихо умирал, как ангел...

— Ничего не понимаю. — Профессор отодвинулся и взглянул в заплаканное лицо старшей дочери. — Ну, успокойся, милая... Мы тебя любим, не плачь... Мистера Стрейсноу, конечно, жалко... Но, как я понимаю, ты же не собиралась за него замуж... А что же в шкатулке? Так-так. — Профессор отложил письмо. — Перстень с сердоликом... Это ерунда... а вот сама шкатулка... Очень интересно. Сверху покрыта золотом, внутри и крышка, и ложе из свинца... А это что? — Он достал из углубления небольшой продолговатый предмет тускло-серебристого цвета, повертел его в пальцах. — Здесь внизу какая-то печатка... Ипполит, подайте мне лупу.

Профессорский ассистент вынул из портфеля лупу. Профессор наклонился, чтобы рассмотреть печатку, но тут же отпрянул. Густые волосы на его голове начали медленно подниматься вверх, он в ужасе уставился на разом смолкшую Брунгильду.

— Ну что там, папочка, что? — теребила профессора за рукав подскочившая к отцу Мура.

— А вы не догадываетесь? — профессор обвел притихшее семейство и бледного ассистента полубезумным взглядом. — Капсула с твердым радиом!

Глава 23

Карл Иванович Вирхов с остервенением швырнул трубку на рычаг телефонного аппарата.

— Так вот куда ведут следы! — воскликнул он и топнул ногой. — Недаром фамилия Придворова показалась мне подозрительной. И вы говорите, что в нашей картотеке он не значится?

Бледный письмоводитель беззвучно кивал и, сглотнув слюну, просипел:

— По делам не проходил, а в списке посещавших Чумной форт значится.

— Что? — взревел Вирхов. — И вы молчали?

Он подскочил к столу и нажал кнопку электрического звонка. В дверях мгновенно появился дежурный курьер и вытянулся по швам.

— Вызовите наряд городских да пару сыскных агентов потолковее, предстоит поимка опасного преступника. Пусть проверят оружие!

Карл Иванович ходил из угла в угол, поглядывая на притихшего письмоводителя.

— А этот Ванька Попов, то есть Андриан Ураганов, в богадельне от чахотки не умер, а разгуливает преспокойно по Невскому, — рассуждал он вслух, — здесь явно просматривается какой-то сговор... Преступный замысел... Теперь понимаю... Он и у Аничкова крутился не напрасно, а дураку Закряжному басни плел про призрак императора Петра с арапчонком... Ванька, видно, помогал англичанину проникнуть за ограду и поджечь дворец... И потом еще смеялся надо мной... А скрывался от правосудия англичанин у Придворова...

Поймав паузу в монологе начальника, письмоводитель подал голос:

— Карл Иваныч, все-таки надо быть при поимке осторожнее. А если у него и впрямь бациллы краденые? Ему терять нечего... А разлетится зараза по всей столице — и Россия вся вымрет...

— Хорошенький подарочек к 200-летию Петербурга, — сердито бросил Вирхов. — А вообще-то ты прав, прав, дружок... Надо изловчиться так, чтобы застать супостата врасплох...

Карл Иванович направился к дверям, снял с вешалки фуражку, поблагодарил письмоводителя, успевшего подскочить, чтобы подать начальнику шинель, и покинул кабинет.

Через полчаса у невзрачного домишки невдалеке от Поцелуева моста

остановились две коляски, из них вышли Вирхов и его помощники, двое в штатском и два городских в полной выправке. Они свернули под арку, миновали проходные дворы и остановились у неказистого флигеля. Городовой, разыскав дворника, привел его пред светлые очи Вирхова.

— Вот что, братец. — Карл Иванович сурово сдвинул брови. — Я следователь Вирхов. Ты нам должен помочь. Дома ли господин Придворов?

— Утром еще не показывался, — ответил молодой дворник, блеснув узкими татарскими глазами.

— Сейчас пойдешь с нами. Позвонишь, назовешься, дождешься, пока хозяин откроет дверь. Тут мы его и скрутим... Учти, дело опасное...

— Понял, господин, понял. — Дворник снял картуз, с готовностью затряс черноволосой головой и зашептал: — Бисмилля, рахман, рахим...

Не обращая внимания на басурманскую молитву, Вирхов крадучись двинулся вперед — в походке его появилось нечто кошачье. На площадке третьего этажа все замерли, прижавшись к порядком облупившимся, крашенным синей краской стенам.

Дворник несколько раз повернул металлическую бабочку механического звонка, располагавшуюся на правой створке на уровне его пупка, и за дверью раздалось неприятное резкое треньканье, а после довольно длительной паузы послышалось и глухое шарканье ног.

— Кто там? — прозвучал низкий мужской голос.

— Это я, Халиль, дворник, дрова принес...

Заскрежетали отодвигаемые засовы, освобожденная от тяжелого крюка дверь дрогнула, и в проеме появилась фигура седого узколицего мужчины в грязном халате.

Замерший сбоку от двери агент резко прыгнул вперед и, схватив заспанного хозяина за руку, вывернул ее за спину.

— Не шевелиться, — прошипел Вирхов и проскользнул через узкую щель в квартиру.

Следом за ним устремился второй агент и городовые. Любопытствующий дворник остался топтаться около дверей квартиры на лестничной площадке.

Обследовав изрядно захламленную квартирку фельдшера, Вирхов обнаружил в ней помещение, в какой-то мере напоминающее врачебный кабинет. Низкий топчан, застеленный ветхой простыней, набор шприцев, скальпелей и зондов, разложенных на несвежем полотенце на тумбочке. Два стула, таз, в который были небрежно кинуты грязные окровавленные бинты и клочья ваты, издававшие специфический запах карболки. Пахло

хлором, эфиром и еще чем-то непонятным... Вирхов открыл дверцу тумбочки и бегло оглядел пузырьки, склянки, коробки. Потом позвал сыскного агента и велел ему тщательно, соблюдая все мыслимые и немыслимые предосторожности, проверить, нет ли опасной пробирки, а сам отправился туда, где в неведении относительно своей судьбы томился преступный хозяин.

Войдя в полутемную комнату с мрачными синими обоями, которую можно было с натяжкой посчитать гостиной, Вирхов застал там седовласого господина, которого железной хваткой выше локтей держали его молодцы. Придворов глядел на Вирхова как затравленный зверь — сонливость его как рукой сняло.

Вирхов сел на хрупкий венский стул, заботливо выдвинутый городовым на середину комнаты.

— Итак, господин Придворов, позвольте представиться, судебный следователь Вирхов, Карл Иванович. — Он грозно насупился. — Так будем признаваться или нет?

— В чем признаваться? — покосился на него фельдшер, в его водянисто-серых глазах промелькнул нескрываемый страх.

— В совершенном преступлении, — уверенно заявил Вирхов. — Для прояснения вашей памяти добавлю: дело касается иностранного подданного, мистера Стрейсноу.

— А, — поник Придворов, — вы про англичанина... Да, я совершил непростительную ошибку, пошел у него на поводу, хотя положение его было безнадежное с самого начала...

— Так-так, голубчик, давайте все по порядку. Чистосердечное признание, знаете ли, следствием учитывается... Может, суд и скостит вам годик-другой каторжных работ...

— Каторжных? — недоверчиво переспросил Придворов. — Из-за мистера Стрейсноу?

— Из-за него, из-за него, — наступал Вирхов, — советую ничего не скрывать.

— А я ничего и не скрываю, — с неожиданным воодушевлением подался вперед фельдшер, — но в смерти мистера Стрейсноу я не виноват! И каторгой меня не пугайте.

Глаза Вирхова полезли на лоб — неужели баронет умер? — но он сдержался и не стал задавать лишних вопросов.

— Мы вас слушаем, господин Придворов. Излагайте.

Водянистые глаза хозяина квартиры скользнули по агенту, примостившемуся у стола с бумагой, приготовленной для протокола

допроса.

— Мистер Стрейсноу разыскал меня сам. Это было в Пасху, в воскресенье, — начал фельдшер. — И обратился ко мне за медицинской помощью. Он нуждался в операции. В правом подреберье у него выросла огромная опухоль. Я ее вырезал, но уже тогда понял, что дело его безнадежное, потому что опухоль, судя по всему, пустила свои щупальца во внутренние органы... То, что смог, я вырезал. Но эта хищная гадина, эта болезнь, пожирает человека не по дням, а по часам... Во вторник мистер Стрейсноу снова заявился ко мне с той же просьбой, его мучили страшные боли, и в правом подреберье, уже под едва затянувшимся швом, вновь возник огромный багровый бугор. По настоятельной просьбе пациента я вновь подверг опухоль резекции... Но, по правде говоря, был уверен в бесполезности операции. Кроме того, мистер Стрейсноу перенес ее очень тяжело. Некоторое время он оставался здесь, на моем топчане, стонал, просил морфия... Ночью меня разбудил и сказал, что умирает... Попросил довести его до гостиницы Лихачева... Что я и сделал... Потом я с горя выпил бутылку сороковки и только тогда смог заснуть...

Помятое лицо горе-эскулапа выражало искреннее раскаяние. Вирхов и верил, и не верил ему. Убогая обстановка обиталища целителя не внушала доверия, и следовательно казалось странным, что уважаемый, на первый взгляд, англичанин, поселившийся в отнюдь не дешевой гостинице, обратился за помощью к проходимцу, вместо того, чтобы воспользоваться, например, услугами знакомого ему доктора Коровкина...

— А разрешение на медицинскую деятельность у вас есть? — Мрачный взгляд служителя закона не предвещал ничего хорошего для фельдшера Придворова.

— Бумаги у меня выправлены, — поспешно ответил тот и дернулся из рук державших его стражей порядка.

По знаку Вирхова, Придворова отпустили, и он бросился в кабинет. Следователь и агент последовали за ним. Повозившись в верхнем ящике письменного стола, Придворов достал аккуратную папочку и протянул ее начальствующему лицу.

Они вернулись в гостиную. Вирхов снова уселся на стул, позволив присесть на продавленный диван и обессиленному фельдшеру.

Глянув на лист с гербовыми печатями, Вирхов убедился, что Придворов не лжет, разрешение на частную практику у него есть. «И за свое лечение этот мерзавец, скорее всего, получил недурственный гонорар, но какой, все равно не сознается», — подумал следователь, но вслух спросил:

— А в чем причина такого стремительного течения болезни?

— Я и сам интересовался, — опасливо ответил Придворов, — да ничего толком не понял. Вы же знаете англичан, из них клещами слова не вытянешь. Сказал только, что долго подвергался воздействию вредных веществ, которые носил в кармане...

Следователь Вирхов смотрел на словоохотливого фельдшера и с каждой минутой все более утверждался в мысли, что этот человек что-то скрывает. Про смерть мистера Стрейсноу он вряд ли лжет — все-таки не так он глуп, чтобы не помнить, что всякое его слово будет проверено. Так в чем же тайна? Вирхов решил идти ва-банк:

— А как поживает Клавка?

К удивлению Вирхова вздрогнувший от неожиданности Придворов облегченно вздохнул:

— Слава Богу, жив сорванец. Видел его недели две назад, спрашивал об отце... Несчастный ребенок, после того как мать спилась и погибла под колесами конки, стал дикарем... Мелким воровством пробавляется... Тем и жив.

Разочарованный Вирхов не спускал с фельдшера тяжелого взора. Лжет тот или говорит правду? До сих пор следователь был уверен, что Клавка — женщина, а выходит, это мальчишка. Но почему фельдшер так спокойно рассказывает о юном преступнике? Если мальчишку надоумили они, англичанин и фельдшер, то Придворову следовало бы скрывать знакомство с пацаном...

— А почему за Клавдием не присматривает отец?

Вирхов впился взором в острое морщинистое личико допрашиваемого.

— Адриан-то? — усмехнулся фельдшер. — Не знаю, я уж несколько лет как потерял его из виду. Я ведь и помог ему, горемычному, из желтого дома выбраться на свободу. Жалко мне стало страдальца — держали его за решеткой за политические убеждения... Понимаете, Адриан хотел уничтожить тиранию... В лице русского самодержавия... Я тоже, скажу правду, сторонник прогресса и считаю, что прогнивший режим надо менять. Но он полагал, что надо идти путем террора и в первую очередь отомстить вероломным властителям... обманувшим доверие святых мучеников...

— О ком это вы изволите рассуждать? — Недоумение Вирхова росло с каждой минутой.

— О, это давняя история... — вздохнул Придворов. — А память человечества короткая. Помните, убийство террористами императора Александра Освободителя?

— Да, разумеется, — растерянно подтвердил Вирхов, — двадцать два года назад.

— В 1881 году, — уточнил Придворов, — я тогда уже служил в Окружном доме для умалишенных и с революционерами не общался. Так вот... После казни Софьи Перовской и Андрея Желябова, рассказывал Адриан, он понял, что молодые люди были обмануты Марией Федоровной, тогда еще цесаревной. Он прозрел истину и написал статью, где утверждал, что Мария Федоровна через посредников установила связь с революционерами и обещала им — если они удачно бросят бомбу в царя-освободителя — оправдание и какие-то политические изменения в государственном устройстве...

— А зачем Ее Императорскому Величеству потребовалось убивать Александра Второго? — пробормотал ошарашенный Вирхов.

— Адриан считал, что причины она имела весомые, — если б Александр не погиб, она никогда не стала бы императрицей! У этой женщины сильна воля к власти! — Морщинистое лицо эскулапа светилось восторгом.

— Но она с мужем и так взошла бы на трон после смерти Александра Освободителя! — воскликнул Вирхов, в смятении оглядываясь на смешавшихся городских. — Или я чего-то не понимаю?

— Вы, господин следователь, очевидно, в те годы служили где-нибудь в провинции, а тогда по столице полз зловеший слухок, что царь-освободитель хочет заместо законного сына своего Александра возвести на престол Гого... Своего внебрачного сына от Долгорукой, сожительницы своей. После смерти царственной супруги и венчанной жены собирался венчать Долгорукую и на царство... Трон уплывал из-под ног цесаревны Марии Федоровны с муженьком... Вот она и организовала убийство свекра. А светлых мучеников, — Придворов перекрестился на икону Николая Чудотворца, висевшую в правом углу гостиной, — Перовскую и Желябова обманула, уничтожила как свидетелей ее преступления, а прозревшего истину Адриана упекли в желтый дом.

— Что за бред вы тут несете об особах царствующей фамилии!

— Так это я, — испугался фельдшер, — пересказываю вам Адрианов бред. — И торопливо продолжил: — Но он считал свою версию истиной. И желал отомстить вероломной императрице... Потом начал чахнуть, да я его и пожалел, выписал как безнадежного в богадельню. Но оклемался публицист, ушел бродяжничать. Несколько раз видел его с сынишкой, лет одиннадцать мальцу, прижил от какой-то гулящей.

В голове бедного следователя царил настоящий бедлам. Если дело

политическое, его придется передать в охранное отделение. А при всем уважении к этому ведомству, Вирхов предпочитал избегать прямого сотрудничества с ним.

— А как был связан Клавка с мистером Стрейсноу? — хмуро спросил он.

— Не могу знать, — пожал плечами фельдшер, — покойный ничего не говорил о Клавке.

— Хорошо, мы проверим сведения, изложенные вами. — Вирхов недовольно встал, принялся расхаживать по комнате и вплотную приблизился к фельдшеру. — А теперь расскажите о Чумном форте.

Придворов побледнел и отвел глаза.

— Что именно?

— Что вы там делали? — Вирхов пытался заглянуть в бегающие глаза собеседника.

— По распоряжению нашего начальства из Медицинского департамента обязан ежегодно посещать это хранилище заразы, чтобы подтвердить свою квалификацию. Каждый медик обязан уметь с первого взгляда распознавать симптомы заболевания, — забормотал фельдшер.

— Так, а потом?

— А что потом? Съездил, вернулся, несу свой крест, — тихо ответил фельдшер.

— А не похитили ли вы там пробирку с бациллами? — прямо спросил Вирхов.

— Что вы, господин следователь, — это невозможно! — запротестовал Придворов, вскакивая с дивана. — На что мне она? Я же не сумасшедший... И нет ее у меня — проведите обыск, убедитесь...

— Это мы уже делаем.

Вирхов обдумывал, как быть дальше. Арестовывать ли фельдшера? Увозить ли в кутузку? Или оставить дома и установить за ним наблюдение?

— Есть ли у вас книга регистрации пациентов? — спросил неожиданно он.

— Так точно, господин следователь, — в тумбочке в кабинете.

Когда агент принес книгу, Вирхов внимательно изучил записи за последнюю неделю. Да, там дважды упоминалась фамилия мистера Стрейсноу, фамилии же остальных следователю ни о чем не говорили.

— Хорошо, — он закрыл регистрационный журнал, — ваших пациентов мы проверим. Вас же прошу завтра явиться на Литейный для соблюдения необходимых формальностей.

Карл Иванович уже направился к выходу из квартиры, как вдруг в гостиной неожиданно появился всклокоченный кандидат Тернов.

— Карл Иваныч! Господин следователь! — запыхавшись, зашептал он. — Поступил звонок от госпожи Коровкиной. Она утверждает, что через полчаса возле дома тайного советника Шебеко будет совершено убийство!

Глава 24

Илья Михайлович Холомков понял, что вступил в полосу невезения и неудач. Он знал, что причина ее кроется не в недостатках его собственной натуры, нет, он считал себя человеком имеющим больше прав на звание идеального, чем многие другие. Хотя бы во внешнем, телесном смысле. Что же касается некоторых неблагоприятных поступков, которые ему приходилось совершать в жизни, то они не были обусловлены свойствами его характера — нет, лишь обстоятельства всему виной.

Полоса же невезения была связана с появлением в Петербурге человека, всегда приносившего ему одни несчастья. Его злой гений носил фамилию Крачковский, жил явно по фальшивым документам и по-прежнему вовлекал его, Илью Холомкова, в сомнительные мероприятия, используя для этого удивительную осведомленность о самых щекотливых подробностях жизни молодого вдовца. Он подавлял волю Ильи откровенным шантажом.

Впрочем, на сей раз Илья Михайлович не чувствовал ничего особо обременительного для себя в тех скромных услугах, которых требовал от него господин Крачковский. За одним исключением: в первый же день их случайной встречи, в начале марта, господин Крачковский вынудил его отвалить изрядный куш на реставрацию Екатерингофского дворца. Съездил Илья Михайлович в Имперскую Канцелярию и был принят весьма благосклонно, когда вынул денежки да объяснил свое благое намерение. А уж в Екатерингофском дворце те, кто пытался сохранить никому не нужную развалину и гниющие в ней раритеты, только что руки ему не целовали. Далее уж сам Крачковский и воладался с реставраторами, нанимал работников. Илье оставалось только ждать высочайшей благодарности за свое меценатство. Втайне Илья мечтал об ордене Святого Станислава, который обычно и давали за благотворительную деятельность. Он представлял, как хорошо будет смотреться с золотым крестом под красной эмалью, с круглым щитком белой финифти, внутри которого вензель SS под зеленым венком. Илья только не мог решить, какой Станислав ему больше пойдет: первой степени, чтобы носить у левого бедра, на перекинутой через плечо муаровой ленте, что подчеркивало бы стройность его фигуры, или второй степени — на шею, отчего его лицо казалось бы еще значительнее.

За последние дни Илья получил от своего «благодетеля» больше удовольствий, чем неприятностей — прогулки, беседы, роскошные обеды и ужины в ресторане «Семирамида». Когда они разговлялись в «Семирамиде», Крачковский попросил взять на хранение саквояж. Почему бы и нет? Дома Илья Холомков, разумеется, полюбопытствовал, что же внутри — заглянул и был разочарован. Так, какая-то свернутая тряпка, мягкая на ощупь, и более ничего... Вытаскивать ее из саквояжа Илья все-таки не решился, помня гневливый нрав своего властелина. Впрочем, еще через день в отдельном кабинете «Семирамиды» Крачковский, будучи в прекрасном расположении духа и изрядно под хмельком, шутил, на что-то намекал, скабресничал, источал сальные улыбочки. Все это казалось Илье странным.

Буря разразилась вчера. Злой гений, господин Крачковский, попросил Илью привезти оставленный на хранение саквояж с тряпкой в Екатерингофский дворец. И требовалось-то только вручить проклятую кладь рабочим и дожидаться, пока они вынесут ее обратно из обмазанной какой-то мерзостью комнаты.

Все сделал как нельзя лучше Илья Михайлович, да и судьба была к нему благосклонна — вместо того, чтобы коротать время с глупым инвалидом, присматривающим за дворцом, оказался Илья в обществе весьма соблазнительных барышень Муромцевых. Усадив барышень и их спутника в экипаж, Илья Холомков поинтересовался у инвалида, вынесли ли саквояж, и тот подтвердил, что да. Саквояж он обнаружил в коляске, куда его погрузили исполнительные работники. Довольный собой Холомков плюхнулся с разбегу на сиденье рядом с неэлегантным кожаным чудищем и, развалясь, велел извозчику ехать к дому, где квартировал Крачковский.

Господин Крачковский встретил Илью в состоянии крайне встревоженном, сам, будучи обряженным в бархатный, расшитый драконами халат, выскочил в прихожую, сразу же выхватил из рук Ильи саквояж и устремился в гостиную. Но вместо слов признательности и благодарности Илья еще из прихожей услышал громкие ругательства и проклятия... Ничего не понимая, он ступил на порог гостиной и, похолодев, смотрел на своего вечного мучителя.

— Вы неисправимый болван, господин Холомков, тупица, кретин, — шипел Крачковский, надвигаясь на оторопевшего Илью. Брюшко поляка слегка колыхалось, длинные кривоватые ноги ступали размеренно и звучно. — Что вы мне привезли, черт вас побери?!

— Да в чем дело? — обрел дар речи Илья.

— Он еще спрашивает! — Крачковский от бессильной ярости сжимал пальцы в кулаки. — Привез мне целый чемодан медицинских железяк и склянок. Разве это барахло находилось в саквояже, который я тебе поручал?

— Нет, там была ткань, — пролепетал Илья.

— Засунул-таки нос, так я и знал... Так куда же ты дел, негодяй, эту самую ткань?

Илья на всякий случай отступил на шаг назад, опасаясь, что Крачковский пустит в ход кулаки.

— Возможно, произошла случайная замена, — попробовал он прояснить ситуацию, — и доктор Коровкин взял не свой саквояж...

— Доктор Коровкин лопух, — взвился Крачковский. — А ты? Ты, Илья? Ты же не из простаков. И знаешь, почему фунт лиха... Как же ты так обмишурился?

Илья Михайлович стоял, опустив глаза. Разве он мог сказать этому наглому уроду, что о саквояже он думал меньше всего, потому что рядом была обворожительная Брунгильда Николаевна Муромцева, и она подавала ему робкие знаки своего расположения, и в голосе ее звучали волнующие нотки, намекающие на возможность райского наслаждения...

— Вы, господин Крачковский, должны были дать мне более четкие указания. Объяснить, как ценен для вас ваш саквояж и засунутая в него тряпка...

Илья решил перейти в наступление.

— Объяснить? — взвился Крачковский. — Может быть, тебе объяснить и то, что эта тряпка, как ты ее называешь, стоила жизни бедной женщине, и только природная изворотливость моего ума помогла мне сбить с толку ищейку Вирхова?

Имя Вирхова, известнейшего петербургского следователя, на счету которого числилось не одно раскрытое громкое преступление, было известно Илье Михайловичу. Он насторожился.

— Эх, надо было мне не бросать баранью кость, а прихватить с собой, чтобы трахнуть ей тебя по башке!

— Вы... вы... баранья кость...

— Я, я, я, — передразнил его Крачковский. — И ты... ты... ты... — сообщник и укрыватель краденого. Доходит?

Илья Михайлович был на грани обморока.

— Что же делать? — непроизвольно вырвалось у него.

— Убираться отсюда вон, — серые глазки Крачковского злобно блестели. — Забирай коровкинскую рухлядь и отправляйся сию же минуту,

пока он не очухался, к нему да верни ему его сокровища, небось он и вознаградит тебя ненужной ему тряпкой... Вечером встретимся в «Семирамиде».

Илья Михайлович взял саквояж и оставил гостиную, на стенах которой вместо привычных картин и гравюр висели плоские застекленные ящики с коллекциями мертвых бабочек и жучков. Его потрясение было столь велико, что двигался он как во сне. Решив, что доктора Коровкина днем дома не застать, он отправился в «Данон», где славно пообедал, не отказав себе в коньячке. Потом отправился в Пассаж, где любезничал с хорошенькими дамами и барышнями. Проклятый саквояж он таскал с собой.

Илья, конечно, собирался ехать к доктору Коровкину, но прежде решил заглянуть в свой особняк, побыть в уединении. Но дома Илью Холомкова ждал еще один удар.

Сидя за письменным столом в кабинете, он хотел выкурить сигару, выдвинул верхний ящик, где хранилась сигарная коробка, а за ней, в тщательно замаскированном тайничке, стопка фотографий... И покрылся холодным потом... В его отсутствие в его столе кто-то рылся! Он проверил тайник: фотографии весьма фривольного содержания, изготовленные по его заказу одним ловким проходимцем, негативы которых хранились здесь, исчезли... С их помощью он будил дремлющее воображение юных дев. И ведь Катенька Багреева, казалось ему, готова была очутиться в его объятиях, в ситуации, сходной с изображенной на посланной ей фотографии. И с Великим Князем он неплохо придумал — отвел подозрения от себя...

Илья обвел глазами убранство кабинета: на высоком столике, где стояли часы с музыкой, заключенные в корпус из красного дерева, отсутствовала еще недавно красовавшаяся там гипсовая женская ножка, забавный дар Крачковского.

Холомков вызвал прислугу выяснить, кто заходил в дом. Экономка, горничная, кухарка, швейцар, дворник клялись, что никого не впускали, никто и не заезжал. Но Илья Михайлович, слушая их, не верил клятвам. Изнуренный страхами он выгнал вон из кабинета прислугу, открыл бутылку рома и выпил залпом большую рюмку.

Илья Михайлович опасался, что выскользнуть из расставленных сетей ему не удастся ни при каком раскладе. С бутылкой и рюмкой в руке он переместился на мягкий, изготовленный по современной английской моде диван, спинка которого завершалась богато оформленной полкой, где он выставял подарки влюбленных дам: порой весьма дорогие безделушки, и

сам не заметил, как глаза его сомкнулись, голова откинулась на мягкие сафьяновые подушки, и он погрузился в тяжелый глубокий сон... Он не слышал, как выпала из разжавшихся пальцев бутылка, как покатилась по дивану и мягко упала на пушистый ковер, заливая светлый узор...

Это все было вчера; сегодня, проснувшись довольно рано, Илья Михайлович понял, что прямая опасность ему не грозит, и решил ехать к доктору Коровкину. Дома или нет господин Коровкин, затягивать визит к нему нельзя — Крачковский с Ильи шкуру спустит. И так удивительно, что еще не ворвался в дом, — вчера-то Илья в «Семирамиду» не прибыл...

Когда его фаэтон остановился у парадного входа дома по Большой Вельможной, где проживал доктор Коровкин, Илья Михайлович почему-то перекрестился и, спустившись на тротуар, медленно двинулся вперед.

Размеренно, стараясь не сбить дыхание, он поднимался по широкой мраморной лестнице. Оказавшись у двери, рядом с которой висела начищенная медная табличка «Коровкин К. К. Частнопрактикующий врач», Илья Михайлович перекрестился еще раз и нажал на кнопку звонка.

После короткого ожидания в уютной светлой прихожей, освещенной бронзовым светильником с матовым розовым колпаком, прислуга провела разоблачившегося Илью Михайловича в не менее уютную гостиную, где навстречу гостю поднялась с кресла-качалки Полина Тихоновна, случайное и беглое знакомство с которой у Ильи состоялось года два назад.

— Добрый день, дражайшая Полина Тихоновна, — расцвел улыбкой Холомков, — Христос Воскресе.

— Воистину Воскресе.

Пожилая дама улыбнулась, но при этом сделала шаг назад.

— Дома ли уважаемый Клим Кириллович? — спросил, излучая скромную учтивость, гость.

— К сожалению, уехал по вызову, — ответствовала Полина Тихоновна, — да вы проходите, садитесь. Быть может, и я смогу вам чем помочь... — Указав гостю на стул, тетушка Полина расположилась на диване. — Чем обязаны, дорогой Илья Михайлович? — спросила она. — Давненько мы с вами не виделись.

— В этом нет моей вины, обстоятельства превыше нас, — галантно ответил Холомков, обводя взглядом розовато-коричневую гостиную, бесхитростные картины на стенах, столики и этажерки, покрытые белоснежными кружевными салфетками. — А перед вами время бессильно.

Последнюю фразу он произнес автоматически, тысячу раз она слетала с его языка, как пущенная стрела в поисках жертвы.

Полина Тихоновна тщательно скрывала от всех свою симпатию к обаятельному молодому человеку: при прежних встречах с Ильей Михайловичем она подметила у него те незабываемые черточки, жесты, интонации, которые четверть века назад она так любила в предмете своего обожания — гусаре Налетове... И незабвенный гусар говорил многозначительные слова, и стихи читал, и записки слал... а потом вдруг женился на богатой полковничьей вдове...

— Милая Полина Тихоновна, — сказал, выразительно подчеркивая каждое слово, гость, — мы ведь вчера виделись с вашим племянником.

— Да, я знаю, — покорно подтвердила хозяйка, — Клим Кириллович мне рассказывал.

— А не рассказывал ли он вам о том, как мы там случайно обменялись нашими саквояжами?

— Нет, ничего не говорил, — опустила глаза Полина Тихоновна.

— А я чуть со смеху не умер, — улыбнулся Холомков, обнажив белоснежные зубы, которые так и хотелось назвать жемчужными, — приезжаю домой, открываю, смотрю, а там стетоскоп да лекарства...

— Действительно, странно, — натянуто ответила хозяйка, — Клим Кириллович мне ничего не сказал.

— Вот я и привез вам, милая Полина Тихоновна, сокровища вашего племянника, извините великодушно за вторжение. В надежде получить свой.

Холомков выжидательно уставился на явно смущенную пожилую даму.

— Клим Кириллович уехал по вызову. Боюсь, будет конфуз, когда он у ложа больного откроет саквояж и не обнаружит там самого необходимого!

— Так, может быть, я еще могу успеть и спасти его репутацию? — Холомков встал и снова обворожительно улыбнулся. — Далеко ли он уехал?

— Да как вам сказать, — протянула Полина Тихоновна, — не так уж и далеко, в дом тайного советника Шебеко... Но может быть, по пути еще куда заглянул, вполне возможно, что еще и не доехал...

— Так я могу успеть и перехватить его! — воскликнул Холомков. — Будет замечательно, если смогу оказаться полезным такому приятному человеку, как ваш племянник... — Он встал. — Позвольте вашу ручку, мадам.

Опытный глаз Ильи Михайловича уловил, что сидящая перед ним женщина волнуется: это было видно по тому, как учащенно вздымалась ее грудь, обтянутая плотной тканью с трепещущими кружевами, по непроизвольным подрагиваниям губ, отводимым взглядам, легкому

румянцу на еще свежей коже.

Полина Тихоновна с некоторой задержкой протянула гостю руку — сквозь тонкую кожу просвечивали голубые жилки, но сама рука была тепла и приятна...

Холомков на секунду придержал ее ладонь, затем медленно склонил свою русую голову и чуть долее прилично задержал прикосновение губ.

— Поспешите, дорогой Илья Михайлович. — Полина Тихоновна смущенно отвела взор от гостя. — И примите мою сердечную благодарность за вашу доброту и заботу.

Илья Михайлович двинулся к выходу и уже за дверью еще раз, с какой-то тайной мыслью во взоре, улыбнулся Полине Тихоновне.

Она дождалась, когда прислуга запрет за гостем дверь, подошла к телефонному аппарату и попросила телефонистку дать квартиру Муромцевых.

— Передайте Николаю Николаевичу, милая Маша, что только что за саквояжем ко мне являлся Илья Холомков. Я звоню в полицию!

Глава 25

Мария Николаевна Муромцева не стала говорить домочадцам о том, что сообщила ей Полина Тихоновна. Положив трубку, она отвернулась от аппарата и, не моргнув глазом, солгала:

— Звонила Полина Тихоновна, у них все в порядке, просила не беспокоиться.

— Это уже лучше, — профессор посмотрел на младшую дочь, направившуюся в задумчивости к дивану, — ибо позволяет нам сконцентрироваться на одной проблеме. А именно — что нам теперь делать с капсулой?

— Николай Николаевич, — вступила Елизавета Викентьевна, — мне кажется, капсула не случайно изготовлена из свинца и запаяна. Да и у шкатулки стенки и крышка сделаны из мощного слоя свинца. Не кажется ли тебе, что держать дома радий опасно?

— Папа, ты хочешь заявить в полицию о шкатулке? — робко подала голос Мура.

— Даже не знаю, что делать, — нахмурился профессор. — Придется объяснять, откуда она у нас. А если она действительно краденая?

— Ты хочешь сказать, что мистер Стрейсноу банальный вор? — с легким недовольством подняла брови Брунгильда, изучающая перстень с сердоликом, в котором так и не оказалось никакого секрета.

— Да-да, именно это я и хочу сказать, — со сдержанной яростью огрызнулся профессор Муромцев. — Ты же о нем ничего не знаешь. Вполне возможно, что он профессионально занимается кражами в научных лабораториях. Туда кого попало не пускают.

— Нет, невозможно, — оскорблено возразила Брунгильда. — Чарльз человек порядочный. Он принят в обществе, и он не пропустил ни одного моего концерта.

— Не написать ли коллегам в Европу, выяснить, не пропал ли у них радий? И если пропажа подтвердится, вернуть им украденное? — Профессор размышлял вслух.

— Это было бы наилучшим выходом, — вздохнула его супруга, — но ты говорил, что твердый радий еще не получен. Вероятнее всего, здесь замешаны военные ведомства. Если заведут речь о научном шпионаже, не исключено, что начнут допытываться, не по твоему ли заказу действовал

сэр Чарльз.

— Этот вариант меня не устраивает. Николай Николаевич встал с любимого кресла и заходил по гостиной.

— По-моему, — осторожно предложила Мура, — нужно забрать капсулу, отвезти ее в твою лабораторию и положить в сейф. И начать серию строго засекреченных опытов с радием.

— Но хорошо ли это? — неуверенно возразил профессор, в глубине души благодарный дочери за то, что она высказала вслух его тайную мечту.

— Ты же не крал этот радий, дорогой, — произнесла хорошо понимающая мужа Елизавета Викентьевна, — его подарил Брунгильде умирающий сэр Чарльз. Он подарил ей целое состояние...

— Папочка, ты лучше всех распорядишься этим подарком, — голос старшей дочери профессора прозвучал умоляюще.

— Хорошо, — подвел черту в разговоре профессор. Он остановился за спинкой своего кресла, сжал ее обеими руками и обвел сумрачным взглядом свое семейство. — Придется, видимо, решиться на этот вариант. Ибо все прочие — гораздо хуже. Забираю шкатулку и везу в лабораторию. Ипполит обрадуется.

— А я, наконец, отправлюсь в консерваторию, — встав, Брунгильда проскользнула к роялю и нежно провела ладонью по аккуратной стопке нот на его крышке, — да займусь своим репертуаром.

— А мне пора показаться на Бестужевских курсах, — решила Мура, — совсем учебу забросила...

Через полчаса в квартире профессора Муромцева остались лишь Елизавета Викентьевна и горничная Глаша.

Напрасно родные жалели Елизавету Викентьевну, уже неделю не выходившую из дому по нездоровью. Последнее время она предпочитала одиночество, потому что у нее появилась своя маленькая тайна, которую она тщательно скрывала от домашних и в которую посвящена была только горничная Глаша.

Вот и теперь, едва муж и дочери ушли, Елизавета Викентьевна устремилась в свою спальню, приоткрыла верхний ящик комодика, куда Николай Николаевич никогда не заглядывал, и из-под аккуратно сложенных в чехольчики перчаток достала замусоленную книжечку в броской обложке. Удобно устроившись на кушетке, она нашла страницу с загнутым уголком и погрузилась в чтение: «...Соблазнитель увлекал свою трепещущую жертву все ближе и ближе к кровати. Он повалил дрожащую от страсти женщину на кровать, сдавил коленом ее грудь и стал срывать

бриллиантовое ожерелье.

— Фред, Фред, что ты делаешь? — шептала испуганная леди. — Что ты хочешь делать с моим ожерельем?»

Елизавета Викентьевна вздрогнула, когда услышала, что в дверь кто-то скребется, и с трудом оторвалась от книги. На пороге спальни стояла смущенная Глаша. При виде знакомой книжечки в руках хозяйки, темные глаза на свежем личике девушки заговорщицки заблестели, и она чуть виновато произнесла:

— Там прачка спрашивает, когда стирать будем...

Елизавета Викентьевна тяжело вздохнула, и с минуту подумав, ответила:

— Пусть приходит в следующий вторник. Да собери, Глашенька, гостинец ее детям, яйца крашеные, из булочек что-нибудь.

Как только горничная удалилась, супруга петербургского профессора химии, испытывающая непреодолимую и неприличную для интеллигентной дамы склонность к чтению бульварной литературы, снова погрузилась в книгу.

Уже смеркалось, когда Елизавета Викентьевна с сожалением перевернула последнюю страницу увлекательной истории Ната Пинкертон. Она положила книжечку рядом с собой и потянулась к колокольчику — Глаша явилась мгновенно.

— Возьми, дорогая, я прочла ее. Глаша полистала переданную ей книжечку и выразительно прочитала:

— «В то время, как опытные сыщики и полиция всего Нью-Йорка напрасно старались разыскать убийцу, над этим же делом с неукротимой энергией работала молодая девушка...» А не показалось ли вам, Елизавета Викентьевна, что Мария Николаевна могла бы стать «дикой кошкой российской полиции»? — заметила горничная. — Она тоже сообразительная, энергичная, ловкая, как маленькая Гарриет Болтон Рейд в рассказе «Женщина-сыщик».

— Ты говоришь ерунду, Глаша, — возмутилась оскорбленная мать. — Надеюсь, в России еще не скоро дойдет до того, чтобы сыщиками становились женщины.

Елизавета Викентьевна радовалась, что Мура сейчас на лекции, в теплом зале, рядом с другими курсистками, жадно внимающими рассказу лектора.

Но как всякая мать, она ошибалась — ее младшая дочь не сидела в тепле и безопасности. На курсы Мура и не собиралась, а, едва выйдя из дома, кликнула извозчика и велела ему следовать на Мойку, к дому

тайного советника Шебеко. Мура ни минуты не сомневалась, что Клим Кириллович отправился сегодня утром с визитом к несносной фрейлине Багреевой. Мура сердилась и не знала, как бы отвести милого доктора от бесстыдной шебековской внучки.

Она велела извозчику остановиться недалеко от ворот садика, в котором уютно расположился трехэтажный красный особняк. Отсюда сквозь решетку ограды и обнаженные ветви деревьев и кустов с едва наметившимися нежными почками ей был хорошо виден парадный подъезд. Времени на раздумья судьба дала ей немного, ибо вскоре появился и Клим Кириллович: он, потрясая саквояжем, бодро шагал по дорожке от парадного крыльца к воротам и, судя по всему, пребывал в превосходном состоянии духа. Издали ей показалась, что на его лице застыла глупая мечтательная улыбка. Никакая опасность ему не угрожала, Холомова поблизости не было. Она попросила извозчика медленно трогаться с места и, когда поравнялись с воротами, привстала со скамьи и крикнула:

— Доктор Коровкин! Клим Кириллович! — и помахала ему рукой в белой перчатке.

Доктор ускорил шаг, дурацкая улыбка счастливого человека исчезла с его знакомого до мельчайшей черточки лица.

— Что вы здесь делаете, Мария Николаевна? — озадаченно спросил он, подходя к коляске.

— Проезжала случайно мимо и увидела вас. — Мура небрежно махнула ручкой и подняла округлый подбородок. — У нас лекции сегодня отменили, решила прокатиться по городу, развеяться... А вы больных навещали?

— Совершенно верно, навещал, — подтвердил доктор и огляделся. — Вы не видите ничего подозрительного? — спросил он шепотом.

— Нет, — тряхнула головкой Мура. — А вас что-то беспокоит?

— Нет, милая Маша, — в уголке его рта обозначилась трогательная ямочка. — Жаль с вами расставаться, но мне надо срочно съездить по одному важному делу.

— Так садитесь в экипаж, я с удовольствием вас довезу, — игриво предложила Мура.

Доктор секунду подумал и, усевшись рядом с барышней, произнес таинственным голосом:

— Если хотите, если никуда не торопитесь, то можете составить мне компанию. Вам, думаю, будет интересно.

— Разумеется, Клим Кириллович, я от интересного никогда не

отказываюсь, — улыбнулась Мура, и доктор велел извозчику трогаться.

Они остановились возле безликого здания в четыре этажа.

— Сейчас мы навестим Дмитрия Андреевича Формозова. — Доктор Коровкин подал руку Муре и помог ей сойти на землю.

— Вот как? — удивилась она. — Неужели он заболел?

— Нет, гораздо хуже, — ответил загадочно Клим Кириллович. — Не пугайтесь, я неудачно пошутил.

Они поднялись на третий этаж и позвонили в дверной звонок.

Дмитрий Андреевич Формозов встретил их любезно, под глазами его были заметны круги, свидетельствующие о проведенной без сна ночи.

— Вы страдаете бессонницей? — поинтересовался доктор Коровкин, когда по приглашению хозяина они расселись в казенного вида гостиной.

Дмитрий Андреевич виновато улыбнулся.

— Вообще-то я на здоровье не жалуюсь, но в свете последних событий, видимо, переутомился... Кроме того, много хлопот в связи с возвращением Вдовствующей Императрицы. Она прибывает завтра. И боюсь, будет недовольна всем, что произошло в ее отсутствие.

— Вы боитесь, что следы пожара в Аничковом не устроят к моменту прибытия Марии Федоровны? — сочувственно спросила Мура.

— И это тоже. — Он встал со стула и начал ходить из угла в угол. — Если желаете, внесу вас в список тех, кто будет приветствовать Вдовствующую Императрицу на Варшавском вокзале.

— Я бы с удовольствием повидала Императрицу. — Мура обернулась к Климу Кирилловичу: — А вы?

— Только ради вас готов перетерпеть церемониальные мучения, — ответил шутливо доктор.

— Вот и хорошо. — Формозов перестал расхаживать по гостиной и замер около Меры. — И Брунгильду Николаевну пригласите от моего имени.

— Непременно пригласим, — ответил вместо девушки Клим Кириллович, — ей очень понравилось в Аничковом. А тут — весь цвет нации соберется... Кстати, Дмитрий Андреевич, позвольте полюбопытствовать, хорошо ли обеспечена встреча охраной?

— Думаю, имышь не проскочит. — Формозов настороженно воззрился на доктора. — Вас что-то тревожит?

— Меня не тревожит ничто, — тихо произнес тот, — но вот Екатерина Борисовна, не знаю, насколько оправданны ее опасения, считает, что надо принять повышенные меры предосторожности.

— Да? Она просила вас об этом сообщить?

— Она, — понизил голос Клим Кириллович, — прихворнула, но набирается сил для завтрашней встречи Императрицы. Просила меня заехать к вам и спросить, не думаете ли вы, что преступники способны перейти от поджогов в ее учреждениях — к покушению на Марию Федоровну?

Глава 26

— Стой! — закричал следователь Вирхов кучеру. — Стой!

Они немного не доехали до угла, свернув за который, можно было оказаться на набережной Мойки у дома Шебеко, где, по словам Полины Тихоновны, готовилось убийство. Вирхов проворно соскочил на тротуар, за ним поспешили покинуть коляску его верные соратники.

— Разбиваемся на две группы. Мы с вами, Павел Мироныч, идем по улице по разным сторонам: потом вы выходите на набережную, а я буду двигаться вдоль домов. А остальные пробираются через дворы и появляются перед особняком господина Шебеко с противоположного направления... Всем следить за мной. Как только подам условный знак — дерну себя за ухо, — все, кто может, громко свистят и бегут за мной.

Шустрые петербургские сыщики опытным взглядом прикинули свой маршрут: в этом районе они знали все ходы и выходы. Тернов поспешил вперед, стараясь не упускать из виду начальника.

Неспешным шагом Вирхов свернул за угол. Мирная жизнь на набережной текла своим чередом: спешили обыватели «из простых», под арку ближайшего к особняку Шебеко дома юркнула баба с нехитрым весенним товаром — мороженой клюквой, по торцовой мостовой прогрохотали две пролетки, одна пустая, другая с дамами среднего возраста.

Внимание Карла Ивановича привлек вывернувшийся из переулка фаэтон с желтыми колесами: обычно легкие коляски появлялись на улицах города ближе к лету. Кожаный складной верх его был поднят и скрывал седока от глаз следователя. Фаэтон остановился недалеко от ворот, ведущих к особняку Шебеко. Но из экипажа никто не выходил — минуту, другую... Сердце Вирхова забило учащенно: он понял, что преступник скрывается там, в утробе зловещей коляски. Он шагнул вперед, сокращая дистанцию между собой и фаэтоном, на козлах которого сидел смазливый малый и играл хлыстом из китового уса, оплетенного ремешками.

Карл Иванович осторожно поднес правую руку к мочке уха, и в этот же миг окружающее пространство заполнилось заполошным свистом его агентов. Не желая рисковать жизнью молодых коллег, которые могли бы нарваться на бомбометателя или человека с револьвером, Вирхов первым достиг подозрительного объекта и вскочил на подножку. Он еще успел

заметить, как один из его людей схватил под уздцы вороную лошадь, другой рывком стянул грума на землю, как к ним подбежал кандидат Тернов, — но уже понял, что тревога была напрасной.

В глубине фаэтона, развалившись на обитой красной кожей скамье, восседал господин Холомков. Лощеный красавец изумленно приподнял красивые брови и воззрился на представшего перед ним Вирхова.

— В чем дело, ваше благородие? — спросил Холомков, оглаживая лайковые перчатки, туго обтягивающие кисти рук.

— Если не ошибаюсь, господин Холомков? — стараясь преодолеть конфуз, самым суровым тоном спросил запыхавшийся Вирхов.

— Совершенно верно, — ответил владелец фаэтона. — Что случилось?

— Кого вы здесь поджидаете, господин Холомков? — Следователь грозно сдвинул белесые брови. — Извольте отвечать прямо.

— Я? Да в сущности никого, — растерялся Холомков, — дышу воздухом. Даю отдышаться лошади, она у меня еще непривычная к городскому столичному шуму.

— А это что? — Вирхов указал на кожаный саквояж, примостившийся в углу сиденья. — Вы позволите?

Холомков побледнел.

— Разумеется, — забормотал он, — не смею вам препятствовать... Но динамита там нет.

Вирхов пропустил его слова мимо ушей, потянулся за саквояжем, придвинул его ближе к себе и открыл... К его удивлению, саквояж был заполнен медицинскими принадлежностями...

— Откуда это у вас? — сурово спросил он. — Вы занимаетесь врачебной практикой?

— Увы, вещь оказалась у меня случайно, — красавец явно забеспокоился: глаза его забегали, кончик длинноватого носа увлажнился, — это саквояж доктора Коровкина.

— То есть вы украли у доктора Коровкина его саквояж? — наступал Вирхов.

— Нет, ваше благородие, мы случайно перепутали свои саквояжи, вчера в Екатерингофском дворце.

Невнятное бормотание перепуганного элегантного господина удовлетворило Вирхова — о саквояжах он читал в донесении. Но Вирхов был уверен, что Полина Тихоновна Коровкина не случайно звонила и предупреждала о возможном преступлении. Неужели он опоздал? Неужели Холомков уже убил Клима Кирилловича?

— Кто может подтвердить ваши показания? — холодно

поинтересовался он, закрывая саквояж.

— Кто? — Холомков совсем смешался. — Даже не знаю... Может быть, сам доктор Коровкин... Или нет, еще пожалуй, это может подтвердить мой приятель.

— Как фамилия? — прервал его Вирхов.

— Фамилия Крачковский, он и вручил мне саквояж, который забрал доктор, — брякнул, не думая о последствиях, обескураженный Холомков. — Да он здесь неподалеку проживает. Я собственно и вожу-то этот саквояж с собой в надежде встретить доктора Коровкина и вернуть ему его имущество.

— Вы хотите сказать, что доктор Коровкин сейчас в доме господина Шебеко?

— Может быть, — уклонился от ответа русский Адонис, — я не знаю...

— А мы это сейчас выясним.

Вирхов отвернулся и велел своему агенту добежать до привратника и спросить, находится ли в шебековском особняке доктор Коровкин.

Через минуту стало ясно, что доктора там уже нет: недавно отбыл к другим пациентам.

— Ну что ж, господин Холомков, — решил Вирхов, — придется нам проехать к господину Крачковскому.

— Ничего не имею против. — Холомков судорожно прикидывал в уме: он, Илья, в убийстве не виновен, ему ничего не грозит. А если поляка арестуют, тем лучше, конец мучениям. — Готов предоставить в ваше распоряжение мой фэтон. Прошу вас.

Вирхов с комфортом разместился в кожаных объятиях холомковского фэтона. Немного помятому в схватке с агентом груму было велено ехать к дому, в котором квартирует Крачковский, за ними следовала пролетка с остальными участниками засады.

Чтобы сгладить гнетущее молчание, Холомков пустился в разглагольствования о своем друге:

— Господин Крачковский человек в высшей мере достойный и порядочный. Разумеется, нигде не служит и ведет рассеянный образ жизни, однако весьма основательно помогал мне в организации реставрационных работ в Екатерингофском дворце. Идея, скажу прямо, принадлежала ему — моя роль сводилась скорее к финансовой поддержке проекта. Крачковский сам закупил в Польше новый антипожарный состав, сам привез его в Россию и разыскал, на его взгляд, достойный объект приложения этой инициативы.

Заинтересовавшийся Вирхов перебил:

— Антипожарный состав? Что-то я не слыхал про такой?

— Новое слово науки, — приосанился Холомков, — химическое изобретение. Забыл, как называется. Антиоксигидра, или что-то в этом роде.

— Очень, очень интересно. — Вирхов отметил про себя, что руки у красавца слегка дрожали. — Надо взять на заметку.

— Да вы поинтересуйтесь сами у господина Крачковского составчиком-то. Если им пропитать материал — дерево, ткань, бумагу — огонь их не берет.

Карл Иванович почувствовал легкий укол под сердцем: Крачковский имел неопровержимое алиби в деле по убийству в пасхальную ночь, и вот второй раз предстоит мучить неприятным дознанием мецената, благотворителя, благодетеля... Чтобы отвлечься от дурных мыслей, он задал Холомкову еще один вопрос:

— А что, собственно, находилось в вашем саквояже?

К его удивлению, элегантный англазированный красавец снова смешался и забормотал что-то о том, что возил по просьбе Крачковского, кажется, какую-то ткань, халат или покрывало, чтобы в Екатерингофе пропитать антиоксигидрой.

Но продумать, таились ли в ответе Холомкова какие-нибудь нужные для следствия сведения, Вирхов не успел. Фаэтон резко дернулся и остановился.

— Что еще? — вскрикнул Вирхов и привстал с сиденья.

Впереди бушевало пламя, исторгающее черные клубы едкого дыма: горел жилой дом, огненные сполохи метались в окнах второго этажа, и огонь уже начал пожирать деревянные рамы, перекидываться на верхние этажи.

— Боже мой! — услышал Вирхов за спиной голос Холомкова. — Да как же это? Там же господин Крачковский!

Забыв о Холомкове, Вирхов соскочил на мостовую. Его агенты высыпали из своей коляски. Пространство перед горящим домом было оцеплено городовыми и дворниками, внушительная толпа зевак наблюдала, как из окон первого этажа выбрасывали ценный скарб, вдалеке слышались стремительно приближающиеся сигналы пожарной трубы и колокола.

— Придется подождать, пока потушат, — сказал Вирхов.

— Я всегда говорил ему, что чрезмерное милосердие опасно для жизни. — Холомков растерянно поводил из стороны в сторону своими прекрасными очами. — Зачем якшаться с отребьем, с обитателями

городского дна? Помните, как Васька Пепел ненавидел хозяина ночлежки?

— Нет, не помню, и Ваську Пепла не знаю, в картотеке не значится. Так ваш приятель водил в дом босяков? Вы думаете, поджог?

— Я сожалею, ваше благородие, — забормотал Холомков, — что вам не удастся проверить правильность моих показаний, если господин Крачковский погиб в огне... Может быть, вы будете столь любезны, что возьмете у меня саквояж господина Коровкина и вручите его, разумеется, с моими извинениями, хозяину? Как странно, — заметил он, придав своему красивому лицу философское выражение, — что от умерших людей остаются в памяти лишь последние слова... Иногда очень глупые... Вот я, например, всю оставшуюся жизнь буду ломать голову над тем, почему Крачковский говорил, что больше всего на свете боится бараньих костей...

— Что? — Вирхов пристально посмотрел в печальные глаза красавца.

— Глупо, конечно, — покачал головой Холомков. — Я еще понимаю, когда он говорит о ножке прекрасной полячки, но бараньи кости...

— А как фамилия полячки? — в глазах Вирхова вспыхнул неподдельный интерес.

— Не могу знать, — сказал Холомков, — порядочные мужчины, а именно таковым был покойный господин Крачковский, не разглашают имена дам своего сердца.

Вирхов поморщился и отвернулся к пожарищу.

Часа два наблюдал Холомков, томящийся в обществе облаченных в штатское сотрудников полиции, как доблестные пожарные умирляли огненную стихию. Наконец все было кончено. Вирхов послал кандидата выяснить, что обнаружено на пепелище.

Павел Миронович Тернов вернулся к начальнику и отрапортовал:

— Всем жильцам, находящимся дома, удалось покинуть горящее помещение. Отсутствовавшие в этот час — по причине нахождения на службе или в увеселительных заведениях — начинают возвращаться к пепелищу. Лишь в одной из квартир второго этажа, где, очевидно, и находился очаг возгорания, обнаружен обгоревший мужской труп. Согласно показаниям дворника, квартиру снимал господин Крачковский.

Итак, господин Крачковский никаких показаний более дать не мог, ибо был мертв.

Карл Иванович освободил Холомкова от саквояжа, перепоручив кандидату Тернову беречь важный для следствия предмет как зеницу ока и в целостности и сохранности доставить на Литейный. Самого Илью Михайловича Вирхов отпустил, но велел в письменном виде изложить все, известное тому о Крачковском, и представить ему свои записки завтра.

Следователь пребывал в величайшем нетерпении — он спешил на Литейный. Тому были причины, но покинуть пожарище, не переговорив с бравым брендмейстером, он не мог. Опытный пожарный подозревал, что возгорание не обошлось без керосина, — скорее всего, небрежное обращение с плохо заправленной лампой, — но наверняка ничего не утверждал. Вирхов, прихватив с собой кандидата, помчался на службу. Он надеялся, что его дотошный письмоводитель сумел выполнить поручение своего начальника — Вирхов, выйдя из квартиры Придворова, послал курьера на Литейный с приказом мобилизовать наружную полицию для розыска дерзкого бродяги Ваньки Попова, то бишь спившегося публициста прошлого века Адриана Ураганова и его отпрыска Клавки. Важно было поговорить с взятым с пылу с жару бродягой.

В кабинете кандидат поставил на столик саквояж доктора Коровкина, а Вирхов скинул шинель и фуражку, отер лоб платком и глянул на письмоводителя.

Письмоводитель, доложил:

— Ваньку Попова разыскать пока не удалось, а его мальчишку Клавку отыскали быстро, прибился малец к шайке вяземских щипачей, промышляет вблизи Сенной по мелочам. Сидит теперь у нас, струхнувший, сопли размазывает.

— Веди его сюда, — велел Вирхов, — только заставь умыться сначала. Мне здесь зараза ни к чему.

Вскоре перед грозным взором следователя Вирхова предстал мальчишка лет одиннадцати, еще не избавившийся от следов детского рахита, обросший мелкими черными кудрями, свалянными до состояния пакли, с огромным слюнявым ртом. Мальчишка был одет в бесформенный пиджак, замызганную косоворотку, первоначальный цвет которой определить не представлялось возможным, в порты с бахромой по низу широких брючин.

Вирхов изучающим взглядом смотрел на мальчика, нервно переступавшего по полу босыми ногами, и видел, что малолетний воришка перепуган до смерти.

— Почему ходишь без обуви? — угрожающе возвысил голос следователь.

— Так что ж здесь опорки-то без толку стаптывать, и так не холодно и чисто, — захлопал глазами растерявшийся мальчишка. — Но если вы велите, могу надеть, они у меня тут, за пазухой...

Вирхов не торопился продолжать разговор — он понимал, что фирменный его метод «буря и натиск» здесь не годится.

— Вот что, Клавдий Иванович, — спросил он, — где твой единокровный родитель?

Услышав впервые в жизни обращение по имени и отчеству, Клавка задрожал.

— Не знаю, господин начальник, сегодня не видел еще, может, хоронится на кладбище...

— Тьфу ты! — в сердцах крикнул Вирхов, вспомнив, что павший пламенный публицист облюбовал для летнего житья склепы. — Но ты понимаешь, паршивец ты такой, что попал в хороший переплет?

— Нет, не понимаю, — пролепетал Клавка.

— Сейчас будешь экспертизу проходить. Понял? Снимем с тебя отпечатки?

— Нет, не надо! — завопил в ужасе Клавка. — Не надо, я боюсь! Не мучайте меня!

— Да что ты так голосишь? — прервал его Вирхов. — Уймись. Процедура простая... Сейчас принесут фарфоровые дощечки и красящую жидкость...

— Нет, нет, не хочу, пустите меня отсюда! — продолжая кричать, мальчишка бросился к дверям, но кандидат Тернов ловко его перехватил.

— Нет, не трогайте меня, — орал воришка и вдруг, вырвавшись из рук кандидата, упал на колени и пополз от дверей к Вирхову. — Я и так во всем признаюсь, и так все расскажу, только пощадите, смилуйтесь, господин начальник.

— Встать! — рывкнул из-за стола Вирхов и сам поднялся, упершись кулаками о зеленое сукно столешницы. — Молчать!

Мальчишка вскочил, боясь еще более прогневать разъярившегося хозяина кабинета.

Выдержав длительную паузу, Вирхов опустился в кресло и сказал уже тихо и спокойно:

— Признавайся во всем. Я слушаю.

Клавка, казалось, обрадовался, что избежал чего-то ужасного, называемого заморским словом «эк-пи-ри-за», которое само по себе похоже на ядовитую змею, и начал тараторить:

— Все скажу как на духу, господин начальник... Сирота я никому не нужная, вот и пристал к ремеслу воровскому... Где кусок хлеба стырить, где одежонку беспризорную... Виноват, признаюсь и раскаиваюсь, а все остальное — не с меня спрашивайте, а с папаши моего, он во всем и виноват, он меня и надомнил... Заставил, грозил каждый день пороть розгами да головой вниз в Обводный канал окунать, чтобы я дерьма

нахлебался... Пришлось покориться отцовской воле, да еще за каждое дело мне гривенник перепал.

— Про какое дело ты говоришь? — устало уточнил Вирхов.

— Как про какое? Про пожар, что я учинил с помощью керосина, — уж не знаю, где отец его доставал, а только сам давал мне каждый раз бутылку и все объяснял...

— О каком пожаре ты говоришь? — напрягся Вирхов.

— Да обо всех, господин следователь, обо всех! — причитал обезумевший от ужаса малец. — И на Мойке, и там, где выставка была, и в Аничковом дворце.

— Что-о-о? — взревел Карл Иванович.

От окрика Клавка слегка присел, как приседает на задние лапы бегущая собачонка, услышавшая резкий голос хозяина. Он снова захлопал глазами и оглянулся на письмоводителя, который перестал водить пером по бумаге и смотрел, приоткрыв рот, на маленького преступника.

— Так это все ты сотворил, мерзавец? — чувствуя, что ему не хватает воздуха, выкрикнул Вирхов.

— Я, господин следователь, как на духу говорю, я, пощадите и помилуйте, не по своей воле творил это, а по отцовскому велению святому.

Вирхов откинулся на спинку кресла и расстегнул воротник мундира. Потом выдвинул ящик письменного стола, достал несколько листов бумаги и направился к дерзкому поджигателю.

— Покажи ногу, — велел он, — вытяни вперед, держи на весу.

Клавка беспрекословно выполнил приказание и раскинул руки, стараясь удержать равновесие и наблюдая, как следователь перебирает листки, на которых были очертания чьих-то ступней.

— Черт бы меня побрал, начитался дурацкого Османа, — передернулся со злостью старый сыскар и, вернувшись к столу, бросил листки в ящик и задвинул его. — Встань как следует, — рявкнул он. — Теперь говори по существу. Как проникал в здания? Кто твои сообщники?

— Сообщников у меня нет, Богом клянусь, — перекрестился мальчишка на портрет Николая II. — На Мойке, в Воспитательном доме, забрался на крышу, а оттуда бросил веревку в каминную трубу да по ней и спустился прямехонько. Да и на Большой Морской так же залез, и в Аничков...

— Ясно, — сказал Вирхов, — теперь понятно, почему на каминной решетке в Аничковом была сажа, а на мраморной доске следы ног. Говори дальше. С какой целью совершал поджог?

— У меня цели не было, только отцовская святая воля, — снова

перекрестился Клавка.

— И чем он объяснял свою отцовскую волю? — нахмурился Вирхов. — Почему ты поджигал портреты императора Петра Великого?

— Чтобы Марии Федоровне досадить... А эти портреты — антихристовы лики, и если они сгорят в огне, то будут гореть в огне и все Романовы, дьяволы отродья, захватчики и осквернители Святой Руси, так папанька говорил.

— Это стиль пламенного публициста Адриана Ураганова? — Вирхов повел глазами в сторону затихшего кандидата и снова уставился на мальчишку. — А зачем ты убил мещанку Аглаю Фомину?

— Я никого не убивал! Богом клянусь! Вот те истинный крест. — Клавка отступил на шаг назад. — В своем грехе повинюсь, покаюсь, секите повинную голову. Но чужой грех брать на себя не буду. Заповедь чту, не преступаю через кровь человеческую...

Вирхов встал и, заложив обе руки за спину, в раздумье расхаживал от своего письменного стола к окну и обратно.

— Что с тобой делать, дураком этаким, ума не приложу. — Он остановился и навис над несовершеннолетним преступником. — Готов ли ты отвечать за свои преступные деяния?

Клавка побледнел, сглотнул слюну.

— Вы меня закуете в кандалы?

От неожиданности Вирхов вздрогнул.

— Нет, ответ тебе придется держать более суровый. Готовься, молись. Отойди к окну от греха подальше.

Карл Иванович проследил, пока мальчишка прошлепает босыми ногами к окну, и только после этого направился к письмоводителю и что-то шепнул ему на ухо. Письмоводитель выскользнул из дверей кабинета.

Вирхов же остался стоять, прислушиваясь к Клавкиному торопливому бормотанью.

— Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святый, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради. Господи помилуй, Господи помилуй...

Не прошло и пяти минут, как в кабинете появился в сопровождении письмоводителя Роман Закряжный, смиренный и кроткий.

— Ну что, Роман Мстиславович, как вам наши казенные деревянные пуховики? — Вирхов вглядывался в исхудавшее костистое лицо портретиста.

— На все воля Божья, господин Вирхов, — ответил Закряжный. — Видно, прогневил я силы небесные образами супостата...

— С Господом Богом разбирайтесь сами, без меня, — сказал как можно ласковее Вирхов. — А вот ответьте мне, голубчик, много ли вам надо молиться, чтобы простить злодея, уничтожившего ваши полотна?

— Я его уже простил, — тихо заверил Закряжный.

— Вы убеждены в этом?

— Совершенно. Если встречу его на путях земных, облобызаю по-братски и в ноги поклонюсь... Избавил от морока, колдовства, служения Антихристу.

— А я бы с удовольствием посмотрел на эту вашу встречу. — Вирхов, придвинулся поближе к Закряжному. — Видите ли, сударь, поджигатель ваших полотен находится здесь — вон мальчишка стоит у окна, Клавдием зовут. Во всем признался.

Художник перевел взгляд к окну и стал разглядывать курчавого губошлепа. Вирхов нутром чувствовал, что Закряжный пока еще далек от ярости и жажды мщениия.

— Сам бы он, конечно, не додумался, отец науськал, угрожал расправой...

— А почему он поджигал мои картины? — спросил кротко портретист.

— Его отец был пациентом желтого дома, во всех своих бедах винил Вдовствующую Императрицу... Вот ее дворец да опекаемые ею учреждения и стали жертвой, а в них ваши полотна, которые так легко воспламеняются.

Карл Иванович говорил долго и сбивчиво, обращая внимание лишь на то, чтобы художник не бросился и прямо здесь не прибил трясущегося от страха воришку.

— Это судьба, — сказал наконец дрогнувшим голосом Роман Закряжный.

— Да, да, судьба, рок, провидение, фатум... — подхватил Вирхов. — Я вижу, господин Закряжный, вы действительно очистились духом, кротки стали, аки агнец Божий...

— Это — судьба, — повторил Закряжный. — Господин следователь, позвольте мне взять этого мальчишку на воспитание.

Вирхов поперхнулся и уставился на художника.

— Предстоит судебное разбирательство, господин Закряжный, и будущее ребенка еще под вопросом.

— Посодействуйте, Карл Иваныч, замолвите словечко, век Бога молить за вас буду, — с необычной горячностью обратился к Вирхову живописец. — Я вам не все рассказал о себе. Умолчал о позорных страницах жизни своей. Но Бог взял — Бог и дал.

— Выражайтесь яснее, господин Закряжный, — перебил его Вирхов.

— Видите ли, в юные годы свои соблазнил я некую девицу непорочную, да страсть к художеству пожирала меня, уехал я в столицу, поступил в Академию... Забыл про нее... А она, оказывается, брюхата была... Потом узнал, что растет у меня сын, да чахлый, болезненный... Долг христианский исполняя, не оставлял я заботами женщину несчастную с чадом моим на руках, тайно переправлял им деньги, вырученные за свои работы. Но, видимо, грех мой был более искупительных усилий... Умерли оба, и мать, и сын, в одночасье, от чумной заразы. И сына моего назвала она, как говорили мне, Клавдием...

— Теперь понимаю, — признал озадаченно Вирхов, — действительно, похоже на судьбу.

Он отошел от художника и приблизился к бледному мальчишке, потерявшему дар речи.

— Ну что, Клавдий Иваныч, хочешь начать новую жизнь? — спросил Вирхов. — Можешь подмастерьем стать, в доме хорошем жить, не побираться, не валяться в отбросах. Учти, такое везение лишь раз в жизни случается!

Мальчишка сопел и не говорил ни слова.

— Ну ладно, — сказал Вирхов, — устал я от вас, утомился. Да и вам, прежде чем об общей участи думать, поближе узнать друг друга не мешает. Отправляйтесь оба в камеру — там на нарах и поговорите. Сейчас распоряджусь, чтоб обед вам принесли.

Письмоводитель сделал знак художнику и воришке покинуть кабинет и вместе с ними пошел выполнять распоряжение. За ними выскользнул и кандидат.

Карл Иванович почувствовал, что тоже порядком проголодался. Заказать обед в ближайшем ресторане? Или воспользоваться давешним приглашением Полины Тихоновны съездить пообедать на Большую Вельможную? Тем более, что и повод есть весьма пристойный — вернуть ее милому племяннику саквояж с медицинскими принадлежностями, да и выяснить, что лежало в саквояже Крачковского, не мешало бы...

Вирхов так серьезно обдумывал возникшую перед ним дилемму, что не сразу заметил, что в кабинете вновь возник юный кандидат.

— В чем дело, Павел Миронович? — спросил он, неожиданно обнаружив перед собой симпатичного юриста.

— Пришло сообщение из Скотланд-Ярда, — ответил Тернов. — Помните, вы отсылали запрос относительно мистера Стрейсноу?

— Помню, — устало кивнул Вирхов. — Грош цена их ответу, если

подозреваемый уже мертв и преступление раскрыто.

— Совершенно согласен с вами, Карл Иванович. — Тернов вертел в руках бумагу.

— Давай уж, прочту...

Вирхов взял лист бумаги и начал читать вслух: «Скотланд-Ярд. Лондон. На ваш запрос относительно мистера Чарльза Дж. Стрейсноу отвечаем, что означенный господин является младшим отпрыском в семье уэльского баронета Дж. Стрейсноу. Получил хорошее образование, вращался в высоких кругах, но вскоре был изгнан из приличного общества и проклят отцом за природную слабость, выражающуюся в немотивированных припадках kleptomании. В марте 1900 года украл золотой ошейник с собаки лорда Отерберна, в марте 1901 года похитил из оранжереи лорда Датфорда укоренившийся черенок редчайшего тибетского растения. В марте 1902 года незаметно вынес из редакции журнала «Стандарт магазин» описание летательного аппарата на совершенно новых принципах. В данный момент Скотланд-Ярд подозревает мистера Стрейсноу еще в одной беспрецедентной краже, совершенной в марте 1903 года. Будем признательны, если вы сообщите нам о местонахождении мистера Ч. Дж. Стрейсноу».

Глава 27

— Дмитрий Андреевич, конечно, человек достойный, как уважительно он отзывался о Вдовствующей Императрице. Но в нем есть внутренняя напряженность. Так бывает, если ребенок не знал подлинной материнской ласки. Не всем сиротам так везет, как мне с Полиной Тихоновной, — делился своими впечатлениями доктор Коровкин, трясаясь рядом с Мурой в пролетке. — Меня тронуло, что на его столе стоит портрет его матери. Они очень похожи, такой же могучий лоб, несимметричные брови...

— Я тоже обратила на него внимание, — сдержанно ответила Мура. — Ее звали Софьей, как и вашу матушку. Но вам не показалось, что как только мы вышли из дома господина Формозова, за нами увязался какой-то странный монах...

Доктор Коровкин обернулся. Действительно, в толпе, далеко позади, мелькала невзрачная фигурка в черной рясе.

— Если он за нами следит, ему нас не догнать, — успокоил доктор склонную к фантастическим умозаключениям девушку. — Не тревожьтесь.

— Я боюсь, не связано ли это с картой из Екатерингофского дворца...

— У вас есть какие-нибудь идеи? — насторожился доктор Коровкин, зная по собственному опыту, что младшая барышня Муромцева способна на самые непредсказуемые действия, результаты которых обычно приходится расхлебывать ему.

— Я думаю, милый Клим Кириллович, — важно ответила неугомонная юная особа и подняла на него серьезные глаза, — и очень прошу вас о дружеской услуге. Сегодня у Брунгильды концерт, и вы должны там непременно быть.

— Про концерт я совершенно забыл, — доктор сразу поник: ему не улыбалось опять до полуночи не возвращаться домой. — Думаю, мы поступим так: сейчас заедем к нам, пообедаем с тетушкой Полиной, возьмем баул и куда-нибудь его отвезем. Может быть, сдадим на хранение в банк?... А затем отправимся к вам и оттуда все вместе на концерт. Не возражаете?

На Большой Вельможной молодых людей встретила сияющая Полина Тихоновна, она радостно возвестила, что Карл Иванович Вирхов принял ее предложение отобедать у них и сейчас гость в столовой.

— О, рад, рад приветствовать вас. — Вирхов, необычно оживленный, с

поблескивающими голубыми глазами, поднялся из-за стола, обменялся рукопожатием с доктором Коровкиным и поцеловал ручку Муры.

— Как продвигается ваше расследование, Карл Иванович? — поинтересовался доктор и тревожно глянул на тетушку: по ее безмятежному взгляду он понял, что опасный баул надежно спрятан от глаз следователя.

Когда все расселись за столом, а Клим Кириллович и Мура отдали первую дань и маринованной корюшке, и паштету из гусиных печенок, и астраханскому залому, Вирхов, оставив рюмочку с тминной водочкой, счел нужным подчеркнуть деловой оттенок своего присутствия.

— Решил совместить приятное и полезное, — несколько сконфуженно обратился он к племяннику госпожи Коровкиной, — воспользовался любезным приглашением вашей тетушки, а заодно привез ваш саквояж с медицинскими принадлежностями... Просил передать вам Илья Михайлович Холомков.

— Да, вчера случайно, в Екатерингофском дворце... — начал было доктор, судорожно подбирая слова и избегая всякой определенности. — Досадное недоразумение...

— Вот-вот, и Илья Михайлович Холомков тоже так объяснял, — удовлетворенно перебил его Вирхов, убедившись в том, что Холомков не врал. Ему было стыдно, что он на какое-то мгновение мог заподозрить Коровкиных в противоправных действиях. — А кстати, вы не полюбопытствовали, не заглянули в саквояж? — не смог сдержать профессиональный интерес старый следователь.

— Обычное покрывало, похоже на индийское. Можете посмотреть. — Клим Кириллович постарался придать своему голосу как можно более равнодушный оттенок.

— Вот и Холомков так говорил, — удовлетворенно вздохнул Вирхов. — Ну уж саквояж вы ему вернете сами.

Клим Кириллович испытывал неловкость: в который раз по милости Муры ему приходится вводить в заблуждение доверявшего ему следователя. Он надеялся, что продемонстрировать Вирхову покрывало все-таки не придется. Впрочем, сейчас доктора Коровкина больше интересовало другое: неужели охотники за старинной картой уже объявлялись? Значит, их план сработал?

— Тетушка, вы звонили в полицию? — доктор, не донеся до рта вилку с кусочком копченого говяжьего языка, уставился на Полину Тихоновну.

— Да, звонила, на Литейный, — подтвердила та, не зная, следует ли вдаваться в подробности. — Мне утром показалось, что перед нашим

домом мельтешит какая-то подозрительная личность.

— Не монах ли случайно? — воскликнула Мура, сосредоточенно прислушивающаяся к каждому слову своих сотрапезников.

— Может быть, и монах, или кто-то в темной одежде. Трудно решить, — увиливала тетушка Полина, — посматривал на окна Климушкиного кабинета. А когда Климушка сел в коляску, увязался за ним. А поскольку Клим поехал к господину Шебеко, то я и позвонила...

— Вы правильно сделали, Полина Тихоновна, всегда надо сообщать в полицию о подозрительных личностях. Бдительность играет не последнюю роль в обеспечении безопасности столицы и ее жителей. — Карл Иванович смотрел на Полину Тихоновну с явным восхищением. — Благодаря вашему звонку я оказался в конечном счете там, где мне удалось добыть факты, полезные для следствия.

— Расскажите, Карл Иванович, расскажите, — умоляюще попросила Мура. — Нам всем очень интересно. Вы нашли преступника, убившего Аглаю Фомину?

— Нашел, милая Мария Николаевна, — ответил Вирхов, гордо поглядывая на Полину Тихоновну, которая собственноручно разливала по тарелкам из парадной, фарфоровой супницы, разрисованной гирляндами из перевитых розовыми ленточками незабудок, ароматный, обильно приправленный зеленью суп из бычьих хвостов. — Теперь я почти уверен, что это господин Крачковский. Но сегодня он погиб в огне пожара.

— А как же его алиби? — удивилась Мура.

— Вероятно, ложное, — лаконично ответил Вирхов. — Впрочем, предстоит еще выяснить и мотивы.

— А след босой ноги, о котором писали газеты, принадлежал убийце? — Мура автоматически приняла тарелку из рук тетушки Полины.

— Относительно следа еще полной ясности нет, может быть, и посторонний. — Карл Иванович с удовольствием вдыхал чудный аромат, поднимающийся от его тарелки: он забыл, когда последний раз ел домашний суп. — А вот след во дворе Воспитательного дома, найденный в пасхальную ночь, когда там был совершен поджог, оставил мальчишка по имени Клавдий. Он, бесенок, через каминные трубы проник и на выставку, и в Аничков дворец... И вылезал оттуда чумазый, как арапчонок. Так вот и возникают легенды об оживших призраках...

— Как интересно! — воскликнула Мура. — А зачем же мальчик совершал поджоги?

— По наущению своего безумного отца. Но вы и не подозреваете, что не раз видели этого сумасшедшего. Может быть, и милостыню ему

подавали... Сидит на холодной земле полуслепой нищий с младенцем на руках.

— А, так это вы про того босяка, которого я как-то видел невдалеке от Аничкова дворца, — догадался Клим Кириллович, хмуро поглядывая на умолкнувшую Муру, явно выуживающую из слов Вирхова что-то ценное для себя.

— Мало того, что мошенник-то бывший сиделец дома умалишенных, так он еще и публицист, весьма известный лет двадцать назад. За излишний пыл да бредовые фантазии и посадили этого Адриана Ураганова под замок.

— Адриан Ураганов? — Хотя Полину Тихоновну и беспокоило, что разговоры отвлекают ее гостя от супчика, но и тема разговора была волнующей. — Да, это имя я припоминаю. Наши гимназистки из прогрессивных увлекались его статьями...

— Я его статей не читал, — ответил Вирхов, — однако уже тогда, судя по всему, он был сумасшедшим.

— А в чем его сумасшествие? — подала голос Мура. — Он и тогда подстрекал кого-нибудь к поджогам?

— Нет, гораздо хуже, — понизил голос Вирхов, еще не решив окончательно, следует ли разглашать полученные от Придворова сведения. Но тминная водочка, прекрасное жаркое из говядины, сменившее славный супчик, да любознательная компания, да симпатичная дама, вроде бы благосклонно поглядывающая на своего немолодого гостя, располагали его к откровенности. — Он предлагал в печать статьи, где обвинял Императрицу Марию Федоровну в убийстве царя-освободителя. То есть, он считал, что Императрица, тогда еще цесаревна, вступила в сговор с народовольцами, с Перовской и Желябовым, и они по ее указанию бросили бомбу в Александра-Освободителя. Потому что Император хотел объявить наследником не мужа Марии Федоровны, отца нынешнего Государя, а своего внебрачного ребенка...

— Эти признания дал сам Адриан Ураганов?

Клим Кириллович увидел в глазах Муры так знакомый ему блеск.

— К сожалению, преступного публициста в его маскарадных лохмотьях выловить еще не удалось. А поведал мне об этом лечивший его когда-то в желтом доме фельдшер. По фамилии Придворов. Недавно посетивший Чумной форт... А вы, Клим Кириллович с ним там не встретились?

Для Клина Кирилловича это имя было внове, что он и сообщил увлеченному своим жарким следователю.

— Меня больше всего тревожит антисанитарное состояние города, —

мрачно заявил доктор. — Может со дня на день вспыхнуть эпидемия чумы — столица наводнена крысами.

— Дорогой Клим Кириллович, мне кажется, вы сгущаете краски, — миролюбиво возразил Вирхов, — крыс в Петербурге на душу населения приходится не больше, чем в других столицах мира.

— Но в других столицах мира, Карл Иванович, крысы не бегают по людям среди бела дня, — возразил доктор.

— Вы о чем? — Вирхов поднял брови. — В полицейских отчетах ничего о подобных происшествиях не читал.

— В отчетах, может быть, и нет. А вот Екатерина Борисовна, фрейлина Вдовствующей Императрицы, сама рассказывала мне, что в Пассаже, на фотовыставке, ей на колени вспрыгнула огромная наглая крыса...

— Какой ужас, — всплеснула руками Полина Тихоновна, — бедная девочка, она, наверное, лишилась чувств.

— Вы недооцениваете Екатерину Борисовну, милая Полина Тихоновна. — Мура едва скрывала раздражение. — Мне показалось, что она далеко не эфирное создание.

В столовой коровкинской квартиры повисла тишина. Ее прервал Вирхов.

— А не было ли в зубах у этой крысы чего-нибудь интересного? — спросил он, насмешливо глядя на доктора Коровкина, отчего тому стало не по себе. — То есть не дрессированная ли эта крыса? А то я знаю одну такую, ее Фунтиком зовут.

— Какие у вас странные знакомства, Карл Иванович. — Тетушка Полина изящным жестом поправила ажурный черепаховый гребень. — Крыса Фунтик тоже представитель криминальной России?

— О нет, дорогая Полина Тихоновна, — галантно повернулся к милой хозяйке Вирхов, — этот Фунтик состоит на службе правосудия, если выражаться высоким штилем. Крыса принадлежит ассистенту короля петербургских сыщиков Карла Фрейберга. Антон Акимыч Пиляев носит это сокровище в кармане своего пальто... А не был ли на выставке мистер Стрейсноу? — неожиданно задал вопрос доктору Вирхов.

— Насколько мне известно, его там не было, — ответил настороженно доктор.

— А почему вы об этом спрашиваете? — побледнела Мура.

— Думаю, не следил ли Фунтик за мистером Стрейсноу. — Вирхов покосился на девушку.

— Господин Фрейберг считает, что сэр Чарльз преступник? — осторожно спросила она.

— Я с ним об этом еще не говорил, — ответил Вирхов. — Впрочем, сейчас это и не важно. Ибо, во-первых, мистер Стрейсноу по сообщению Скотланд-Ярда действительно оказался преступником, а во-вторых, он уже мертв.

Полина Тихоновна перекрестилась.

— Но какова же причина смерти? — робко спросила Мура.

— Причина смерти установлена, имеется заключение профессионального медика, — важно ответил Вирхов, — множественный рак внутренних органов. А все из-за того, что этот британский клептоман носил с собой в кармане какое-то вредное вещество.

— А удалось ли определить, что это было за вещество? — попытался прояснить картину доктор Коровкин.

Мура затаила дыхание: ей так хотелось, чтобы отец смог осуществить свои опыты с радием, — несчастный англичанин умер ужасной смертью, и не все ли теперь равно, как он добыл опасное вещество. Кроме того, она боялась, что может произойти нечто еще более страшное...

— К сожалению, при осмотре трупа никаких опасных веществ не обнаружено, — признался Вирхов. — Вероятно, выбросил в какую-нибудь канаву или в Неву... В ходе следствия выяснилось: мистер Стрейсноу не был знаком с сумасшедшим Адрианом Урагановым. И значит, не мог причинить вреда Вдовствующей Императрице Марии Федоровне.

— Кстати, Карл Иванович, — подала голос Мура, — Вдовствующая Императрица завтра возвращается из Дании. Мы приглашены господином Формозовым на Варшавский вокзал. Предусмотрены ли меры безопасности?

Карл Иванович посмотрел на забавное личико младшей дочери профессора Муромцева, и ему стало грустно. Как хорошо, что ни она, ни ее сестра никогда не прочтут сообщение, полученное из Скотланд-Ярда, и не узнают, что английский гость — вор международного масштаба.

— Если не удастся сегодня разыскать злодея-публициста, — печально усмехнулся Вирхов, — я завтра подъеду к вокзалу... Но у Вдовствующей Императрицы своя надежная охрана...

— Приезжайте в любом случае, Карл Иванович. — В дрожащем голосе Муры звучала непонятная настойчивость. — Приезжайте! Дмитрий Андреевич Формозов считает, что мы станем свидетелями исторического события...

Глава 28

Мура решила выйти из дому вместе с Вирховым. Доктор Коровкин, которому предстояло вынести баул со старинной картой, не понимал, почему она подвергает его опасности, — в этой ситуации присутствие Вирхова казалось ему нежелательным.

Но Мура знала, что делала. Пока Клим Кириллович переодевался у себя в комнате в приличествующий концерту костюм, а Полина Тихоновна и Карл Иванович, расположившиеся вместе с Мурой в уютной розово-коричневой гостиной Коровкиных, беседовали, девушка подошла к окну и увидела на противоположной стороне улицы человека в черной рясе. Сомнений у нее более не оставалось — за ними следили. И вполне возможно, что таинственный соглядатай — сообщник тех, кто стремится уничтожить карту. Мура надеялась, что присутствие следователя Вирхова, его шинель и фуражка отпугнут преступника, и тот не посмеет напасть на них, когда рядом будет важный чин.

— Ну что, дорогие мои, куда изволите отправляться? — спросил Вирхов, остановившись вместе с молодыми людьми на тротуаре Большой Вельможной. Он без особого любопытства взглянул на старенький баул в руках принаряженного Клим Кирилловича.

— Карл Иваныч! — взмолилась Мура. — Вы же фактически раскрыли преступление, имена злодеев установлены. Не проведете ли вы сегодняшний вечер с нами?

— С превеликой радостью принял бы ваше приглашение, — ни на минуту не задумываясь, откликнулся Вирхов, — да служебный долг превыше всего.

— Ну хоть ненадолго, — настаивала Мура, — прокатитесь вместе с нами к банку, затем немного послушаете Моцарта. А потом мы вас и держать не станем...

— Не могу, милая Мария Николаевна, никак не могу, — ответил Вирхов.

— Очень жаль, — разочарованно протянула Мура и оглянулась: подозрительный монах куда-то исчез.

Вирхов махнул рукой проезжавшему мимо извозчику и вскоре скрылся за поворотом на Н-ский проспект.

Мура вздохнула, проводив взглядом сыщика, и обратилась к доктору:

— Милый Клим Кириллович, вы предлагали везти баул на сохранение в какой-нибудь банк?

— Мне кажется, это решение самое подходящее, — неуверенно ответил доктор. — Где еще карта будет в относительной безопасности?

— Вот эта относительность меня и тревожит.

Когда Мура приостановилась напротив безжизненного особняка покойного князя Ордынского, прячущегося в глубине квартала за прозрачно-зеленоватыми кронами дубов и кленов, доктору показалось, что тревоги Муры небезосновательны, и он шепнул ей:

— У меня такое ощущение, что мне в спину кто-то смотрит. Успеем ли мы добраться до банка?

Мура быстро оглянулась — из-за афишной тумбы виднелась длинная черная ряса.

— Нет, мы поступим по-другому, — решила она, — кричите извозчика.

Доктор замахал своим неизменным зонтом, и возле них резко осадил коня лихач. Мура поспешно вспрыгнула на подножку, следом поднялся доктор Коровкин.

— Куда прикажете, драгоценные господа? — зычно справился молодец в велюровом цилиндре и в отделанной куницей поддевке из тонкого сукна.

— На подворье Благозерского монастыря. — Мура опередила Клима Кирилловича, не успевшего раскрыть рот. — На Калашниковскую набережную.

Лихач мгновенно рванул с места.

— Зачем мы туда едем? — шепотом спросил ошарашенный доктор Коровкин.

Он смотрел на младшую дочь профессора Муромцева с негодованием. Его вообще-то мало занимала судьба таинственной карты, но Мура в который раз ставила его перед необходимостью совершать безумные поступки.

Их экипаж стремительно обгонял конки, пролетки, одноконные и пароконные коляски — лихач оправдывал свое название: мчал он действительно лихо. До Калашниковской набережной они добрались очень быстро.

— Прямо в ворота въезжай! — закричала Мура и привстала с сиденья.

Лихач с явным удовольствием от своего мастерства вписался в проем ворот, прокатился по земляному двору подворья и остановился, едва не подняв на дыбы своего скакуна.

Клим Кириллович безропотно отдал напомаженному лихачу три рубля — сумму, конечно, безумную, но за удалую езду, за щегольской выезд

лихачи и драли безбожно.

Мура первая спрыгнула на землю, с трудом дождалась, пока Климент Кириллович расплатится, потом, ухватив доктора за руку, в которой тот держал баул, потащила своего спутника к высокому крыльцу. Там у двери стоял хмурый инок и, засунув руки в рукава рясы, бесстрастно созерцал прибытие неизвестных ему прихожан.

— Извините, святой отец, мне надо срочно видеть иеромонаха Амвросия, — задыхаясь, крикнула Мура, — прошу вас, проведите нас к нему.

Монах оставался недвижимым и молчаливым и лишь смотрел изучающим взором на интеллигентную барышню в порядочном пальто и шляпке с гирляндой из мелких цветочков и ее свежесбритого, аккуратного спутника в щегольских ботинках, с зонтом, с потрепанным баулом в руках.

— Не медлите, умоляю вас, — продолжала Мура. — Отец Авель советовал мне просить помощи здесь, если понадобится. А она мне очень нужна!

При имени Авеля монах разомкнул руки, выпрямился и сделал знак следовать за ним.

Через низенькую дверцу они вступили в прохладный свежестеленый коридор, уводящий куда-то в глубь строения, миновали несколько комнат, в которых трудилась братия, и вскоре оказались в просторном помещении с накрытым белой скатертью длинным столом посередине. Монах бесшумно скрылся, и молодые люди успели оглядеться: перед большими и маленькими образами, в окладах дорогих и скромных, теплились лампадки; два широких окна были завешены тонким белым полотном, сквозь которое просвечивали стоящие на подоконнике горшки с пышно цветущими красными геранями.

— Чем могу служить вам? — раздался за спиной Муры глухой мужской голос.

Она обернулась и увидела иеромонаха — он стоял, опираясь на палку, и по черной рясе его разметались седые космы, длинная белая борода спускалась до креста, покоящегося на груди.

— Вы отец Амвросий? — Мура шагнула вперед.

— Совершенно верно, дитя мое, — ответил монах. — Что привело вас в нашу обитель?

— Нас привело сюда опасение за нашу жизнь, — прохрипел доктор Коровкин.

— Да, святой отец, нас преследуют... — Мура наконец отпустила руку

Клима Кирилловича, судорожно сжимавшую ручку баула. — А отец Авель из Благозерского монастыря говорил мне, что я всегда могу прибегнуть к вашей защите.

Иеромонах пристально взглянул на Муру, огладил свою седую бороду.

— Судя по всему, вас зовут Мария Николаевна, — сказал он и перевел взгляд на встревоженного молодого человека.

— Да, меня зовут Мария Николаевна, — подтвердила Мура, — я младшая дочь профессора химии Николая Николаевича Муромцева. Вместе со мной доктор Клим Кириллович Коровкин, частнопрактикующий врач. В наших руках оказался документ, который хотят уничтожить. Поэтому я и прошу вашей помощи.

— Кто же вас преследует? — спросил отец Амвросий.

— Не знаю, — ответила Мура, — мне показалось, что это человек в рясе, он или переодетый преступник, или посланец из Макарьевского монастыря...

Доктор Коровкин в состоянии глубокого душевного потрясения, которое без усилий прочитывалось на его лице, смотрел на свою юную спутницу — как она могла определить, из какого монастыря монах, их преследующий? Ведь ни на лбу, ни на рясе, у него это не написано!

— Я помогу вашей беде, — принял решение отец Амвросий. — Присядьте, передохните. Я сейчас вернусь.

Он степенно удалился, плотно закрыв за собой дверь.

Мура и доктор Коровкин обессилено опустились на деревянную скамью, придвинутую к столу.

— Я ничего не понимаю, Мария Николаевна, — обиженно признался доктор. — Что все это значит? При чем здесь отец Авель?

— Потом, милый Клим Кириллович, потом, — ответила Мура, — сейчас нет времени объяснять. Да поставьте баул на пол, здесь он в безопасности.

— Единственное, что меня утешает, — Клим Кириллович наконец-то освободился от опасной ноши и с кривоватой ухмылкой взглянул на свою усталую подругу: — Теперь мы сможем ехать на концерт Брунгильды Николаевны. Давно не слушал хорошей музыки.

Дверь открылась, и в помещение вступил отец Амвросий в сопровождении инок.

— Знакомьтесь, — светлые, близко посаженные глаза степенного старца странно блеснули, легкая усмешка тронула его губы и утонула в белой бороде и усах, — инок Феофилакт. Насельник Васильевского монастыря. В столице проездом.

Мура и доктор Коровкин встали и с удивлением уставились на пришельца.

— Инок Феофилакт объяснит Марии Николаевне, что ей делать для того, чтобы избавиться от преследования. А вас, милый доктор, я прошу пройти со мной и осмотреть нашу болезную братию: подворье-то у нас бедное, из сил выбиваемся, чтобы свести концы с концами, о здоровье своем мало печемся... Явите христианское милосердие, помогите страждущим. — Властный тон отца Амвросия не допускал возражений, и доктор в растерянности глянул на Муру.

— Идите, Клим Кириллович, с Богом, — попросила девушка, отводя взор, — доктор понял, что она хочет говорить с насельником Васильевского монастыря без свидетелей.

Когда отец Амвросий и доктор Коровкин покинули помещение, инок Феофилакт приблизился к Муре, сделал ей знак сесть на скамью и сам устроился на изрядном расстоянии.

— Милая Мария Николаевна, — тихо начал он, — отец Авель дал мне весточку: просил прибыть в столицу и помочь вам, если вы окажетесь в затруднительном положении.

— Так вас прислал сюда сам отец Авель? — удивилась Мура.

— Совершенно верно. Ему из Благозерской обители не выбраться — лед еще не растаял, весь в разломах, ни пешком, ни по воде до берега не добраться... Но между нашими монастырями налажена своя система связи — голубиная почта. Иногда выручаем друг друга. Вот ныне и я могу помочь брату своему...

— Как он? Отец Авель? — Мура слегка покраснела.

— Благодарение Господу, здоров, на святой остров духовная чума не проникает.

— Так это вы преследовали нас в городе? — внезапно догадалась Мура.

— Простите великодушно, что напугал, — повинился инок Феофилакт. — Но одному Господу известно, где моя помощь могла понадобиться. Отец Авель написал мне, что вы девушка наблюдательная, сообразительная и проницательная, и не склонная верить на слово.

Мура облегченно вздохнула. Она не ошиблась в выборе надежного укрытия для карты. Два года назад в безумные святочные дни, когда безмятежную жизнь Муромцевых и Коровкиных нарушила история с таинственным младенцем, судьба свела ее с отцом Авелем. Он обещал свое покровительство в будущем, и обещание сдержал. Она подняла синий взор на инок Феофилакта и дружески улыбнулась.

— Простите мне излишнюю суровость, хотя я знаю, что в этих стенах

не бывает людей, способных причинить зло. Вам известно, что лежит в этом бауле? — Она указала на потертый баул доктора Коровкина.

— Нет, — ответил инок, — но раз вы пришли сюда, на подворье Благозерского монастыря, предполагаю — то, что там находится, необходимо спрятать.

— Вы угадали, — кивнула Мура. — Там подлинная карта Российской империи из Екатерингофского дворца, которая принадлежала императору Петру. Ее хотят уничтожить, потому что на ней написано, что Александр Македонский на Амуре закопал пицаль.

— А вместо нее повесили подделку? — Глаза инока блеснули. — Правильную карту?

— Неужели Александр Македонский действительно жил в XV веке? И император об этом знал?

— Истина смущает только предвзятые умы, — ответил инок. — Мы не всегда можем правильно судить о дне вчерашнем. Вы очень молоды и не слышали, наверное, что во времена Александра III на помойку выбросили все секретные материалы из Министерства внутренних дел. Кто может сегодня сказать, какие тайны были сокрыты в них? Так что же судить о более отдаленных временах. Почему народ называл Петра «самозванцем», «антихристом»? На чем основывался слух, что истинного царя подменили за границей?

— Но если Петр самозванец, — испуганно сказала Мура, — тогда меняется вся российская история...

— В истории Петра много загадок. — Инок смотрел на растерянную собеседницу чуть насмешливо. — Почему он истреблял старую знать? Почему его не приняли стрельцы? Почему в его окружении было так много иностранцев?

— Но Петр был великим реформатором! — возразила с горячностью бестужевская курсистка. — Историки дают ответы на все вопросы!..

— Российскую историю в XVIII веке писали немцы, у каждого из них были свои религиозные и политические мотивы, личные пристрастия. — Инок ласково улыбнулся опечаленной девушке. — Как только мы покидаем утопанные тропы учебников, нас ожидают странные сюрпризы. Быть может, непредвзятые историки будущего сумеют разобраться в династических войнах, которые шли на Руси в XVIII веке. А пока восславим Петра Великого, основавшего славный город Санкт-Петербург на Ижорском погосте Водской пятины, в местах, где кончался путь из варяг в греки... Карта великой и позабытой страны Тартарии, наводящей ужас на всю Европу, — бесценный документ, который уцелеет благодаря

вашим заботам.

Глава 29

Профессор Муромцев негодовал: он не находил смысла в том, чтобы его дочери принимали участие во встрече Вдовствующей Императрицы. Откуда такой неожиданный интерес к чуждой великосветской жизни? Что они надеются увидеть на Варшавском вокзале? Чему научиться?

Елизавета Викентьевна пыталась успокоить разбушевавшегося супруга: она не находила ничего предосудительного в том, что девочки прогуляются с Климом Кирилловичем до вокзала. И погода располагает — прозрачно-голубое небо, ласковое весеннее солнышко, теплый ветерок...

Брунгильда колебалась, Мура упорствовала, Клим Кириллович терпеливо ждал, к какому решению придет семейный совет. Как это ни странно, последнее слово сказал Модест Багулин. Страховой агент пришел к Муромцевым с коротким визитом, цель которого они не совсем поняли, но зато отметили, что вместо мерзкого розового галстука он надел не менее вызывающий желтый, украшенный все той же булавкой с портретом Петра Великого. Внимание пухленького господина было явно приковано к старшей дочери профессора, концерт которой он накануне сподобился посетить.

— Брунгильда Николаевна, — говорил полушепотом толстячок, заискивающе заглядывая снизу вверх в лицо надменной красавицы, — я потрясен вашим искусством. Вчера вечером, верите ли, придя домой, плакал как ребенок.

— Насколько я знаю, Моцарт так действует на многих, — мягко успокаивал его доктор Коровкин, — размягчает волю, вызывает слезоточивость.

— Ваше искусство — нечто совсем другое, чем музыка в «Аквариуме», — бестактность страхового агента заставила пианистку бросить на него укоряющий взор. — То есть, конечно, я сравнивать не хочу, так с языка сорвалось... Но, думаю, вам следует все-таки застраховать свою жизнь... А вдруг завистницы и конкурентки захотят вас устранить со сцены?

— Что они со мной сделают? — спросила надменно Брунгильда. — Бомбу бросят?...

— О бомбах я и слышать не хочу, — испуганно заверещал Багулин, — но глядя на вас, я вчера думал, что было бы весьма дальновидно

застраховать ваши удивительные пальчики. А вдруг какой злодей толкнет вас, упадете, пальчики сломаете?

— Что вы такое говорите, Модест Макарович! — негодуяще воскликнула Елизавета Викентьевна. — Нам и так ужасов хватает.

— Извините великодушно, не подумал, — повинился страховой агент, — а все от волнения беспричинного.

Узнав, что младшие Муромцевы и доктор Коровкин пребывают в раздумье, стоит ли ехать на встречу Вдовствующей Императрицы на вокзал, Багулин заявил, что был бы счастлив, если бы рядом с ним прошла живая Императрица, и предположил, что господин Формозов затратил огромные усилия, чтобы получить приглашения для барышень и доктора.

Чтобы хлопоты господина Формозова не пропали даром, Мария Николаевна и Брунгильда Николаевна в сопровождении доктора Коровкина отправились на Варшавский вокзал.

Столица встречала Марию Федоровну чудным весенним дождиком. На улицах города стоял необычно острый запах талой земли, испарений от слежавшейся прошлогодней листвы и душистого аромата набухших и кое-где уже лопнувших древесных почек. Возмужавший, теплый ветерок опьянял весенней свежестью.

На протяжении всего пути молодые люди видели опрятных дворников, которые рассыпали деревянными совками желтый песок по мостовым, не вполне просохшим от талого снега; сияющих начищенными бляхами и сапогами городских; околоточных с нафабранными усами. По мере продвижения к вокзалу толпа густела, становилось больше полицейских чинов и скучающих мужчин в характерных гороховых пальто и котелках.

Благодаря приглашению Формозова, их пролетка — с высоко посаженным кузовом, с блестящими лакированными крыльями, с раздутыми шинами — беспрепятственно преодолела полицейское оцепление и въехала на просторную площадь. Они оставили коляску и неуверенно направились в здание вокзала. Само здание и платформу наводняли офицеры Собственного Его Величества конвоя, лейб-гвардии кирасирского Ее Величества Государыни Марии Федоровны полка. На дебаркадере выстроился и оркестр воспитанников гатчинского сиротского института, во всеоружии сверкающих медных инструментов.

Профессорских дочерей и их спутника, несколько растерявшихся в чуждой им обстановке — среди незнакомых людей в блестящих мундирах и изысканных дам в блинообразных шляпках с газовыми вуалями, — к счастью, быстро обнаружил господин Формозов, на тщательно подогнанном мундире которого сияли золотое шитье и начищенные сверх

меры пуговицы с пеликаном. Он был бледнее обычного и думал о чем-то своем.

— А где нам лучше встать? — поинтересовался доктор, когда проявляющий понятную нервозность чиновник Ведомства Императрицы Марии подошел к ним. — Вы уж руководите нами, Дмитрий Андреевич, а то мы можем по незнанию нарушить этикет.

— Не беспокойтесь, вам не придется принимать участие в непосредственной встрече. Но я отведу вас туда, откуда вся церемония будет прекрасно видна, — пообещал Формозов. — Вы волнуетесь?

— Исторические события всегда вызывают волнение, — сдержанно улыбнулась Формозову Брунгильда Николаевна.

На мгновение глаза чиновника странно блеснули. Он скользнул темным, сумрачным взором по аккуратной фигурке младшей барышни Муромцевой, кивнул доктору Коровкину и отошел к другим гостям.

— Интересно, придет ли сюда господин Вирхов? — шепнула Мура на ухо доктору.

— Мне кажется, искать здесь Адриана Ураганова бессмысленно, — проронил доктор с изрядной долей скепсиса.

И неожиданно шагнул вперед. Серые глаза его загорелись, в уголках губ появились ямочки: Екатерина Борисовна Багреева, вся в светлом, с чудной маленькой шляпкой на белокурых волосах, с роскошным букетом роз в руках, приостановилась рядом с ними и приветливо улыбалась сестрам Муромцевым.

— Вы сегодня ослепительно прекрасны, — склонился над душистой ручкой фрейлины Клим Кириллович, — вы действительно похожи... на... Офелию...

— Надеюсь, не на Офелию за минуту перед гибелью, — шутливо заметила фрейлина. — Мы еще увидимся, правда, милый Клим Кириллович?

И Екатерина Борисовна упорхнула, одарив Клина Кирилловича торжествующе-победоносной улыбкой.

— На что она намекает? — спросила хмуро Мария Николаевна. — На какую гибель?

— Не принимайте всерьез светскую безобидную болтовню. — Клим Кириллович провожал равнодушным взглядом мелькающий в толпе изящный силуэт фрейлины.

Мура проследила взгляд доктора, который, кажется, приподнялся на цыпочки, чтобы лучше разглядеть, как Екатерина Борисовна беседует с господином Формозовым, — Дмитрий Андреевич что-то шептал, склоняясь

к ее розовому ушку, и среди людей в мундирах, с блестящими на солнце позументами и шитьем, увидела Карла Ивановича Вирхова. Он расположился у самой ковровой дорожки, устилавшей платформу.

Показался императорский поезд, и звуки гимна огласили своды вокзала. Появилась группа высокопоставленных сановников, среди которых Клима Кириллович узнал министра финансов Витте, министра иностранных дел Ламсдорфа, и дети императрицы: Михаил Александрович и Ксения Александровна в сопровождении супруга, Великого Князя Александра Михайловича. Клима Кирилловича передернуло: он узнал изображенного на мерзкой фотографии «непутевого Сандро». Неотразимый представитель Императорской фамилии прошествовал мимо фрейлины Багреевой, вовсе не заметив ее.

Между тем, поезд плавно остановился, и Их Императорские Высочества поднялись в салон-вагон. Родственная встреча, скрытая от глаз сторонних наблюдателей, не заняла много времени, и Мария Федоровна в сопровождении своих чад появилась в дверях вагона.

Мура видела, как фрейлина Багреева передала порученный ей букет подтянувшемуся Формозову, как он занял предписанное ему протоколом место, которое оказалось неподалеку от Муромцевых, но вскоре и хорошенькая раскрасневшаяся Катенька, и необыкновенно бледный чиновник перестали ее волновать: ее внимание переключилось на Вдовствующую Императрицу. Царица-мать, которую Мура впервые видела так близко — да и вообще видела впервые, — была небольшого роста, но, полная грации и изящества, казалась выше, чем есть. Государыня Императрица обходила встречающих. Здороваясь, она красиво наклоняла голову. Два высоченных лейб-казака не отставали от нее ни на шаг.

Мура пыталась найти в этой очаровательно-любезной, моложавой даме следы жестокости — и не могла. Но помимо обаяния, от этой маленькой женщины исходило ощущение огромной властности. Однако, наблюдая за Императрицей, Мура не забывала и о главном...

Настал и час торжества Дмитрия Формозова: держа в правой руке пышный душистый дар и прижимая левую плотно к бедру, он сделал шаг вперед. Вдовствующая Императрица уже протянула крохотную, туго обтянутую белоснежной лайковой перчаткой ручку к букету, но тут Мура увидела, как левая рука чиновника скользнула в карман, и инстинктивно, подобно дикой кошке, метнулась к нему:

— Не надо! Умоляю вас! Не делайте этого! — закричала она, схватив локоть чиновника обеими руками. — Умоляю вас, пощадите! Не губите! Карл Иваныч!

Оглушенная пронзительным криком, Императрица отшатнулась и обожгла гневным взглядом нарушителей порядка. Формозов, казалось, окаменел, но царственный взор не имел власти над младшей дочерью профессора Муромцева.

Два лейб-казака шагнули вперед, но их опередил плотный невысокий человек в невзрачном судебном мундире: он выскочил из толпы, и заслонил собою Императрицу.

— Погодите! — Сохраняющая полнейшее самообладание миниатюрная дама отстранила своих защитников. — Кто такая?

— Мария Николаевна Муромцева, Ваше Величество, дочь профессора химии, служит в университете, — почтительно залепетал Вирхов.

— Зачем вы так кричали, милая? — строго спросила Императрица, уловив безумный взгляд девушки, буквально повисшей на локте окаменевшего чиновника. — Зачем вы вцепились в господина Формозова?

— Он хотел вас убить, — прошептала дрожащими губами Мура. — Он преступник.

— Отпустите его, — велела Императрица, с сочувствием глядя на хорошо известного ей служащего, находящегося под ее опекой ведомства. — Если ваши слова верны, мы найдем у него в кармане оружие.

— Оружия в кармане вы не найдете! — Охваченная ужасом девушка еще сильнее сжала локоть мертвенно-бледного чиновника.

— Почему, милая? — Императрица разговаривала с Мурой, как с больной.

— Потому что в его кармане пробирка с чумными бактериями!

Глава 30

Этот день будто специально был ниспослан свыше Господом Богом для празднования 200-летия со дня основания Петербурга. Город пронизывали нежаркие ласковые лучи весеннего солнца, по синему зеркалу Невы плыли белобокие отражения редких высоких облаков, свежеумытая, словно вырезанная из тончайшего нефрита листва деревьев и кустарников являла взору нежнейшие оттенки зеленого, резвящийся ветерок бродил по улицам и площадям столицы...

Несмотря на то, что террористы пугали доверчивый люд угрозами о возможных беспорядках, несмотря на возмутительные прокламации, заполонившие город, петербуржцы вышли из своих квартир, чтобы принять участие в торжествах. Правда, и полиция постаралась — в результате массовых облав, проведенных заблаговременно до 16 мая, особо опасных обитателей городского дна удалили подальше от столицы. Были приняты и другие меры: на железнодорожных вокзалах установили жесточайший контроль за приезжающими, на дорогах выставили усиленные заставы.

Обе дочери профессора Муромцева не могли отказать себе в удовольствии полюбоваться на яркое зрелище и ни свет ни заря в сопровождении доктора Коровкина и Ипполита Прынцаева отправились на Стрелку Васильевского острова, чтобы оттуда наблюдать за праздничными церемониями, — добираться в материковую часть города, переполненную публикой всех сословий, они сочли бессмысленным.

Нева являла ошеломляющее зрелище: от Петропавловской крепости до Николаевского моста расположились суда гвардейского экипажа и флота, вдоль левого берега, от Троицкого моста до Иорданского подъезда Зимнего, тянулось до полуторасот яхт и паровых суденышек столичных яхт-клубов: все они были украшены многочисленными флагами. Около 8 часов утра от пристани против Зимнего дворца вверх по Неве двинулись два парохода: один с представителями городского управления, другой — с русскими и иностранными журналистами. А ровно в 8 загремели пушечные выстрелы из крепости. На галере петровского времени, стоявшей против Зимнего, взвился флаг, раздались звуки исторического петровского марша, сменившегося государственным гимном.

Молодые люди не могли наблюдать торжественный вынос иконы

Спасителя и четырехместной верейки Петра Великого из Домика Петра, но зато они прекрасно видели, как от Петербургской стороны вниз по Неве проследовали пароход со святой Иконой, буксирная баржа с верейкой, начальственные катера, гребные судна яхт-клубов — длинную процессию замыкали перевозные ялики образца петровских времен с гребцами в красных рубахах.

Мура и Ипполит осипли, вторя крикам «ура!» столпившегося по берегам народа. Брунгильда вздрагивала каждый раз, как с Петропавловской крепости раздавался очередной пушечный залп, и оглядывалась на полуоглохшего от воплей и салюта, счастливо улыбающегося Клима Кирилловича. Вместе с возбужденной, нарядной толпой, заполнившей Стрелку, они дождались, пока в Исаакиевском закончатся божественная литургия и молебен, в которых принимали участие высшее духовенство и царская чета. Потом из всех церквей полился колокольный звон, суда на Неве открыли праздничную пальбу, духовые оркестры заиграли гимн «Коль славен». Под эти звуки по Адмиралтейской и Дворцовой набережным к Марсову полю направился весь синклит, с иконой Спасителя во главе. На Суворовской площади процессия остановилась. Возникла заминка — как говорили в толпе, Императрица перерезала ленточку у входа на Троицкий мост. Наконец на мост вступили церемониальным маршем войска и члены добровольных пожарных дружин в ярко начищенных медных касках.

Со Стрелки Васильевского острова молодые люди отправились на Невский проспект: хотелось продлить так торжественно начавшийся праздник... Главная улица столицы выглядела необыкновенно парадной: по обе стороны проспекта стояли высокие мачты, увенчанные государственными гербами и украшенные у подножий флагами и гербом Санкт-Петербурга; с крыш спускались гирлянды маленьких флагов; фасады и балконы были убраны цветной материей и коврами. Особенно долго они бродили около Гостиного двора и здания Городской думы, рассматривая панно и скульптурные фигуры Петра Великого, фонтаны перед ними. Они прошли мимо Екатерининского сквера, обратив внимание, что не встретили за время прогулки по Невскому ни одного нищего, мимо неприступного красного Аничкова дворца, полюбовались уродливо-прекрасным зданием нового Елисейского монстра с витражом в полстены и могучими скульптурами.

На Васильевский остров они вернулись к обеду, одновременно с ними подъехал и приглашенный по случаю юбилея столицы Карл Иванович Вирхов.

Пока Глаша и кухарка заканчивали в столовой последние приготовления к обеду, все собрались в гостиной. Залитая солнцем и уставленная комнатными цветами и букетами роз от Эйлера в фарфоровых и матового стекла вазах, она выглядела особенно уютной и нарядной.

— У нас к обеду припасена «Смирновская» водочка, холодненькая, — профессор подмигнул следователю Вирхову, — но пока мы выпьем по случаю праздника шампанского, я думаю, и наши эфирные создания не откажутся.

Серебряная ладья со льдом, в которой утопали массивные бутылки, уже стояла на шестигранном столике, освобожденном от визиток и брошюр.

Когда шипучее золотистое вино было разлито по хрустальным бокалам, профессор встал посредине гостиной и, обращаясь к гостям и домочадцам, произнес:

— За Петербург! За Россию! За науку!

В таком составе: Муромцевы, Коровкины, Вирхов, Прынцаев — давно не собирались, а вчерашнее событие — аудиенция, на которую Вдовствующая Императрица Мария Федоровна пригласила Вирхова и младшую дочь профессора, — еще и не обсуждалось как следует, так что тема для разговора была животрепещущая.

— Ну, рассказывайте, Карл Иванович, — попросил профессор, — как прошел прием? От Муры мы кое-что уже услышали.

— Должен доложить вам, уважаемый Николай Николаевич, что я немало изумился, когда получил приглашение из Гатчинского дворца на аудиенцию к Вдовствующей Императрице, — Вирхов бросил горделивый взгляд на зардевшуюся Полину Тихоновну, — однако удивился еще более, увидев на вокзале Марию Николаевну.

— Мы тоже переволновались, когда был телефон из Канцелярии Императрицы, а следом за ним курьер принес и приглашение. — Видно было, что Елизавета Викентьевна все еще переживает удивительный успех своей младшей дочери.

— Из Петербурга в Гатчину мы ехали вместе, в специальном вагоне, а там нас встретил придворный лакей и усадил в коляску. — Вирхов рассказывал не торопясь, переживая заново приятные события минувшего дня. Время от времени он делал глоток из бокала. — Потом очутились в дворцовом парке и по широким аллеям добрались и до дворца. Могучее здание, скажу я вам! А при входе — арапы, огромного роста, в ярких костюмах.

Мария Николаевна, не выпуская из рук бокал с шампанским,

завороженно слушала следователя и счастливо улыбалась.

— В комнате, пред кабинетом Императрицы, нас встретила ее личная фрейлина графиня Гейден, с которой мы и посидели несколько минут. Потом нас с Марией Николаевной провели в кабинет.

— Но вам дали орден, Карл Иваныч, не правда ли? — не выдержала Полина Тихоновна.

— Не хочется показаться хвастуном, — потупился Вирхов, — но Анну на шею получил. Императрица необычно мила: приветливая, любезная, обаятельная... У нее какая-то особая ласковость в тоне, во взгляде, говорят, от датской родни... Марию Николаевну Ее Величество обласкала. Однако здесь я умолкаю, потому что обо всем должна рассказать сама героиня.

Мура помедлила и мечтательно произнесла:

— Меня очаровали ее глаза: глубокие, прекрасные. На редкость притягательные. А ведь на вокзале она мне не очень и понравилась...

— Но как вы догадались, что преступник — господин Формозов? — восхищенно спросил Прынцаев.

— Случайно, — ответила Мура. — Во-первых, когда мы с доктором навещали его, — помните, Клим Кириллович? — он как-то странно хвалил Императрицу: ему словно доставляло удовольствие повторять злобные слухи, хотя он вроде бы тут же опровергал их. И Клим Кириллович отметил его напряженность. Во-вторых, тогда же я увидела у него на столе портрет его матери.

— Да, я тоже заметил этот портрет и умилился, — тихо подтвердил доктор.

— Но я видела точно такой же портрет у одной из наших курсисток — она сочувствует эсерам, и она мне по секрету сказала, что это портрет Софьи Перовской... Я уже тогда догадывалась, что Дмитрий Андреевич ее сын: он очень похож, огромный лоб, несимметричные брови... А когда услышала об Адриане Ураганове да вспомнила об их встречах...

— Ход следствия подтвердил вашу догадку, — включился Вирхов. — Оказалось, что этот молодой человек — внебрачный сын Перовской и Желябова и воспитывался в семье, члены которой в юности были близки с казненными преступниками... Они рассказали год назад молодому человеку о тайне его происхождения, и он начал строить планы мести, сблизился с Адрианом, потом вышел на Придворова...

— Карл Иваныч, а удалось ли разыскать беспутного родителя Клавдия? Я следила по газетным отчетам за судебным заседанием. Мне жаль мальчика. — Темные глаза Полины Тихоновны увлажнились.

— Адриан Ураганов как сквозь землю провалился, — признался Вирхов. — Может быть, действительно умер, опившись, и так и лежит в одном из своих потаенных склепов.

— Жаль, что суд решил отдать мальчика под опеку Роману Закряжному, — подал голос Прынцаев, не сводящий взора с Брунгильды. — Надо было его определить по спортивной линии. У ребенка прекрасные данные — ловкий, цепкий, подвижный, прекрасно лазил по трубам и крышам.

— Таково было решение суда, — вежливо пояснил Вирхов, — но если вы хотите, я поговорю с Закряжным, и, может быть, он позволит записать Клавдия в гимнастическую группу...

— Мы понимаем, уважаемый Карл Иванович, — сказал профессор, — что вы не имеете права разглашать все подробности следствия по делу Дмитрия Формозова, но не поясните ли вы нам, откуда этот чиновник взял пробирку с чумными бактериями?

— Если обязуетесь хранить молчание, поясню, — решился следователь. — Бактерии похитил для него фельдшер Придворов: его заразил своими бреднями безумный публицист. И Формозов во всем признался. Сказал, что хотел влить эти бактерии в ухо Марии Федоровне, знаете, как у Шекспира в «Гамлете»...

— Я тоже так подумала, когда он начал что-то такое лепетать об Офелии, — подала голос Мура, про которую все забыли, — а вы, Клим Кириллович, меня ругали.

— Но мне такое и в голову не могло прийти, — запротестовал доктор. — Господин Формозов психически болен. Всю эту историю надо сохранить в тайне.

— Об этом позаботятся в нужных инстанциях, — заверил доктора Вирхов, — думаю, и вам всем придется дать расписку о неразглашении случившегося.

— Итак, Карл Иванович получил орден, а как Императрица отблагодарила вас, Машенька? — полюбопытствовала Полина Тихоновна.

Мура молчала, с опаской поглядывая на отца. Потом попросила извинения, вышла и через минуту показалась снова с большим плотным листом бумаги, в верхней части которого поблескивал золотой герб.

— Ты только не сердись, папочка, — попросила она заискивающе, — я вчера тебе не сказала, но Императрица Мария Федоровна вручила мне патент на открытие частного сыскного бюро.

— Что? — Брови профессора поползли вверх. — Что ты сказала? Патент? А кто будет учиться на Бестужевских курсах?

— Я, я буду учиться, папочка, не волнуйся, а то тебе станет плохо с сердцем, — заторопилась Мура, протягивая отцу бумагу с гербовой печатью. — Но если сама Вдовствующая Императрица принимает такое решение и вручает мне патент, разве я могла отказаться?

— Действительно, Николай Николаевич, — подхватила Елизавета Викентьевна, — нельзя противоречить царской воле...

— И потом я могу, пока учусь, сыском не заниматься, — торопилась Мура, — просто найму служащего, он будет сидеть в конторе.

— Но это неприлично! Совершенный нонсенс! — загремел побагровевший профессор. Он вскочил и забежал по гостиной. — Русская девушка — частный детектив! Да еще моя дочь! Я этого не переживу!

— Но в цивилизованных странах давно действуют женщины-сыщики... Например, Гарриет Болтон Рейд в Америке, — робко подала голос его супруга.

— Только не морочьте мне голову, — отмахнулся профессор, — до Америки мне нет дела, я бы посмотрел, что сделал бы со своей дочерью Резерфорд, если бы она подалась в криминальную сферу.

— Дорогой Карл Иванович, но зачем этот Крачковский убил бедную Аглаю Фомину? — поспешила сменить тему разговора Полина Тихоновна.

— Скорее всего, с целью грабежа, — ответил тот. — Госпожа Бендеревская невольно навела на Аглаю, болтала, что покойная денежки на приданое скопила. Теперь уж не выяснить, получала ли богатый заказ Аглая.

— Но что же это был за заказ? — Брунгильда провела длинными пальчиками по атласным пунцовым лепесткам роз, сладкий аромат которых наполнял гостиную. — Помнится, Роман Закряжный говорил что-то о пелене с именем Дмитрия Донского.

— Думаю, пелена с Дмитрием Донским — плод буйной фантазии художника. А заказывал Крачковский вышивку на бархатный халат: о нем поляк сам говорил, его видел и Холомков. И без всяких надписей. Одни драконы. Халат был готов за три дня до убийства, предусмотрел все, подлец, для алиби.

— А вам не кажется странным, Карл Иванович, что убийца, живший на широкую ногу, позарился на немудреный капитал вышивальщицы? — Мура хотела и не решалась навести следователя на верный след. — Скорее, на него прельстилась бы Бендеревская. Может быть, он убрал девушку за то, что узнала что-то опасное для него? Может быть, из Екатерингофского дворца?

— Версия любопытная, — согласился Вирхов, — можно проверить.

Слава Богу, дворец не сгорел, и можно расспросить Холомкова, хотя этот красавец клянется, что ничего не знал о замыслах и планах Крачковского.

— Извините, дорогой Карл Иванович, мое любопытство, — приподнялся со стула и снова сел Прынцаев, — но мне помнится, что я в газетах читал о том, что там был обнаружен след босой ноги... Неужели Крачковский ходил босиком в апреле?

— Вы заставляете меня признаться в моей недостаточной проницательности. — Вирхов смущенно глянул на Полину Тихоновну. — С самого начала меня мучила эта загадка — откуда на другой день после преступления возле конюшни, которая примыкает к дому госпожи Бендерецкой, взялся этот след?

Мрачное выражение с лица профессора постепенно исчезало: он заинтересованно слушал следователя.

— Но недаром заходили ко мне господин Фрейберг вместе со своим крысятником-Ватсоном. Потом уж Антон Акимыч мне все и рассказал... Нашел он, голубчик, свидетелей, которые видели, как солидный господин, тучный, длинноногий, заходил воскресным вечером во двор и держал в руках гипсовую женскую ножку. Ею и сделал оттиск на земле, убедившись, что поблизости никого нет, и скрылся. Ну господин Пиляев и заподозрил по описанию Крачковского, проник незаконным образом в его квартиру, все обыскал, ничего не нашел. Потом Пиляев повторил тот же фокус и в квартире господина Холомкова... Там-то и обнаружил гипсовую ножку да и унес с собой как вещественное доказательство. На этой ножке нашли отпечатки пальцев Крачковского...

— Потрясающая дерзость! — возмутилась Полина Тихоновна. — А откуда Крачковский взял этот слепок?

— Вопрос в яблочко, — вздохнул Вирхов, — прихватил у Закряжного, вместе с бараньей костью. Потом подарил Холомкову. Художник пропажи не заметил, но ножку в ходе следствия признал. Она-то и сбивала меня в расследовании...

— Дьявольская хитрость, — вздохнул доктор, — так всегда бывает: в любом наборе исходных данных самая несомненная величина — ошибочная.

— А я-то думал, почему в своих показаниях Илья Михайлович утверждал, что из его квартиры похитили произведение скульптуры... — продолжил Вирхов. — Упоминал вскользь и пропавшие фотографии...

— А какие фотографии? — встрепенулся доктор Коровкин.

— Изъяснялся туманно, единственное, что я понял, — снимки весьма фривольного содержания... Но господин Пиляев клялся, что фотографий

не брал.

— Я тоже думаю, что помощник Фрейберга не способен на бессмысленные кражи, тем более такого низменного свойства, — заявил уверенно доктор, для которого в этот миг прояснилась вся тайна Екатерины Борисовны.

— Хорошо еще, что фотографической жертвой господина Холомкова не стала мадемуазель Багреева, — с нажимом произнесла Мура, повернув хорошенькую темноволосую головку к Климу Кирилловичу, — наедине с таким человеком кататься по Невскому — дело опасное.

— Не понял, — светлые глазки Вирхова уставились на девушку, — в чем состоит опасность?

— Господин Холомков человек необыкновенной красоты, — потупившись, пояснила Полина Тихоновна, — перед ним юной душе устоять трудно.

— А, русский Адонис, — облегченно вздохнул Вирхов. — А то я уж думал о худшем.

— Какое чудовищное преступление! — воскликнула Елизавета Викентьевна. — Дождаться пасхальной ночи, все так цинично рассчитать!

Никто не заметил, как в гостиную проскользнула Глаша и замерла у зеленой портьеры — к обеду было все готово.

— Но я все-таки не понимаю, как ты, Маша, сможешь быть частным детективом? — сказал уже более спокойно профессор. — Патент я подержу у себя, а там посмотрим, вот окончишь курсы, возьмешь псевдоним...

— Так долго ждать? Папочка, я буду очень осторожна, — взмолилась Мура, — и ты мне будешь помогать. Вот, например, недавно я съездила в Екатерингофский дворец и взяла оттуда флакончик с антипожарной жидкостью. Хранитель говорит, после обработки с карты пропало старое название Российской империи — «Мегалион», то есть «Великий». Не смог бы ты проверить ее химический состав? Меня настораживает, что г-н Холомков вышел к нам без масочки — и остался и жив, и здоров.

— Ты подозреваешь, что эта жидкость фальсификат? — спросил отец.

— Разумеется. — Глаза Муры насмешливо блеснули. — Реставрационные работы во дворце организовал тот же Крачковский, он и привез эту чудодейственную жидкость. Но почему он не воспользовался ею сам? Почему его квартира сгорела? Хотя... — Она замолчала, не договорив: какая-то новая мысль возникла в ее головке. — Карл Иванович, Крачковский и Ураганов могли встречаться? Удалось выяснить, кого приглашал к себе на квартиру Крачковский?

— Вы думаете, он опять нас обманул? Скрылся от правосудия? Принес в жертву Ваньку Попова? — Вирхов заинтересованно смотрел на будущего частного детектива.

— Вполне мог напоить какого-нибудь уличного босняка, того же Ваньку, да и поджечь. А сам скрылся с места преступления.

— Тогда мы его непременно поймает! Из вашей дочери выйдет толк, уважаемый Николай Николаевич!

Маленькое общество с изумлением смотрело на воодушевившегося сыщика.

Темноглазая пухленькая горничная в белом чепчике и белом передничке с кружевами сделала шаг вперед от портьеры и громко произнесла:

— Вскоре она сделалась самым знаменитым сыщиком России, и ее удивительнейшие приключения, слава о которых заставляла трепетать всех преступников, обеспечили ей кличку «дикая кошка Санкт-Петербургской полиции».

Елизавета Викентьевна виновато улыбнулась:

— Нат Пинкертон, прости Господи.

Профессор внимательно посмотрел на супругу и протянул:

— Так-так, вижу, ты уже выучила эти книжонки наизусть...

— Ты напрасно иронизируешь, дорогой, — ответила смущенно профессорская жена. — Когда-нибудь публика будет зачитываться романами о подвигах твоей дочери. Но я верю, что, в отличие от Гарриет Болтон Рейд, она найдет своего верного и единственного возлюбленного...

Конец

Примечания

1

Я не понимаю... В чем дело? *(англ.)*

2

Помогите мне! Доктор Коровкин! Идите сюда. Мисс, рад вас видеть!
(англ.)

3

Не знаю *(англ.)*.